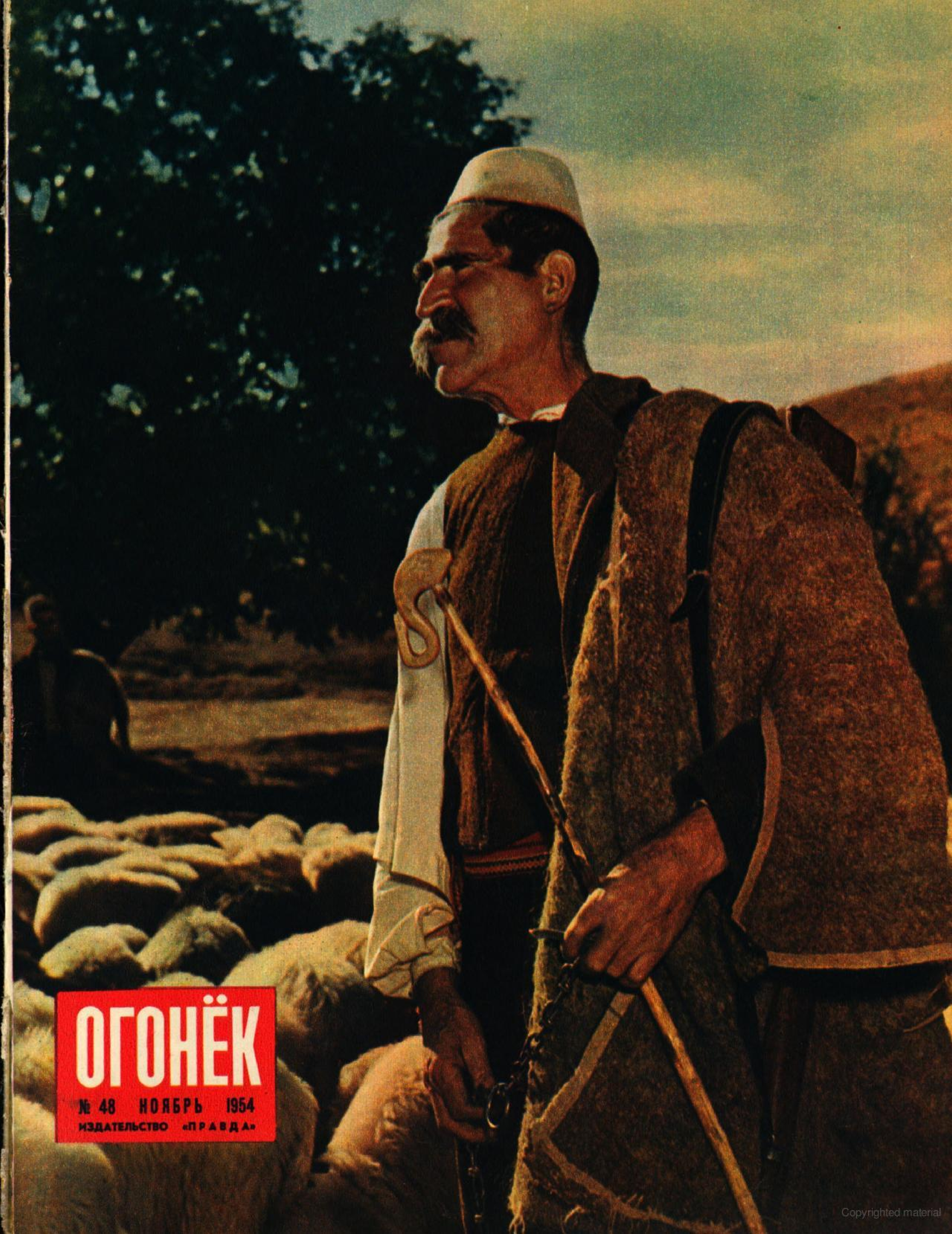

ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

На дрейфующей станции «Северный полюс-3». Аэрологи П. Пославский и И. Цигельницкий подготавливают шар для радиозонда.
Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: В Албанской Народной Республике. Гуртали Шепи, чабан кооператива имени 11 Героев.
Фото И. Тункеля.

Copyrighted material

ОГОНЁК № 48 (1433) 28 НОЯБРЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Больше хлопка стране!

В президиуме совещания по вопросам дальнейшего развития хлопководства. На снимке в первом ряду (слева направо): председатель Совета Министров Казахской ССР Е. Б. Тайбеков, секретарь ЦК КП Киргизии И. Р. Раззаков, секретарь ЦК КП Азербайджана И. Д. Мустафаев, секретарь ЦК КП Казахстана П. К. Пономаренко, первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, секретарь ЦК КП Узбекистана А. И. Ниязов, председатель Совета Министров Узбекской ССР У. Ю. Юсупов.

Фото И. Душкина.

Первый секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Н. С. Хрущев побывал в ряде колхозов, совхозов и научных сельскохозяйственных учреждений Таджикистана и Узбекистана. Товарищ Н. С. Хрущев ознакомился с механизацией возделывания хлопчатника и другими вопросами развития сельского хозяйства.

Встречи товарища Н. С. Хрущева с тружениками сельского хозяйства проходили в теплой, сердечной обстановке.

Таджикистан занимает первое место в стране по урожайности хлопчатника. Уже в 1952 году таджикские хлопкоробы достигли уровня урожайности, установленного на конец пятилетки. Ежегодно республика успешно выполняет план сдачи хлопка государству.

Эти успехи являются результатом того, что колхозы, машинно-тракторные станции и совхозы республики смело внедряют новые методы возделывания хлопчатника, прежде всего посев с суженными междурядьями. Широко применяя квадратно-гнездовой способ посева, колхозы и совхозы Таджикистана механизировали междурядную обработку плантаций и резко сократили ручной труд.

В городе Курган-Тюбе состоялось совещание, на котором выступил товарищ Н. С. Хрущев.

Затем товарищ Н. С. Хрущев прибыл в Ташкент. Здесь состоялось совещание работников хлопководства республик Средней Азии, Закавказья и Казахстана.

В работе совещания приняли участие секретари Центральных Комитетов компартий: Казахстана — П. К. Пономаренко и Л. И. Брежнев, Узбекистана — А. И. Ниязов, Таджикистана — Б. Г. Гафуров, Азербайджана — И. Д. Мустафаев, Туркмении — С. Бабаев, Киргизии — И. Р. Раззаков, Армении — С. А. Товмасян; председатели Советов Министров: Узбекской ССР — У. Ю. Юсупов, Казахской ССР — Е. Б. Тайбеков, Таджикской ССР — Д. Расулов, Туркменской ССР — Б. Овезов, Киргизской ССР — А. Суеркулов, Армянской ССР — А. Е. Кочинян; министр промышленных товаров широкого потребления СССР Н. С. Рыжов и другие.

С трибуны совещания знатные хлопкоробы страны рассказывали о том, как они выращивают по 40—60 и более центнеров хлопка на каждом гектаре поливных земель. Опыт передовиков показывает, что важнейшее условие повышения урожайности — посев хлопка квадратно-гнездовым способом.

Выступивший на совещании товарищ Н. С. Хрущев подробно остановился на важнейших вопросах дальнейшего подъема хлопководства в нашей стране, обратив особое внимание на механизированное возделывание хлопчатника, резкое повышение культуры социалистического земледелия.

Участники совещания приняли обращение ко всем колхозникам, рабочим совхозов и МТС и специалистам сельского хозяйства Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской, Казахской, Азербайджанской и Армянской ССР.

В зале заседаний.

В президиуме сессии Всемирного Совета Мира. В первом ряду (слева направо): Илья Эренбург (СССР), Жан Лаффит (Франция), Дзиитиро Мацумото (Япония), Свен Хектор (Швеция), Дункан Джонс (Англия), Джеймс Эндикотт (Канада).

Сессия Всемирного Совета Мира

Стокгольм... Миллионы и миллионы людей в разных частях света в эти дни с надеждой обращают свои взоры к столице Швеции, где работает сессия Всемирного Совета Мира, обсуждающая самые коренные, животрепещущие вопросы современности.

Участники сессии — выдающиеся государственные деятели, известные ученые и писатели, представители рабочих, крестьян, ремесленников — всех слоев общества, делегаты разных стран мира — поставили перед собой благородную цель — наметить меры, которые могут способствовать переговорам об общеевропейской безопасности, мирному разрешению германской проблемы, ослаблению международной напряженности.

Выступает представительница Западной Германии, бывший депутат бундестага Теа Арнольд.

Слева — группа делегатов Советского Союза и Франции в зале заседаний.

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА Ю. К. Паасикиви

А. П. Волков (справа) вручает орден Ленина Ю. К. Паасикиви.

18 ноября делегацию Верховного Совета СССР в Финляндии принял Президент Финляндской республики Ю. К. Паасикиви.

Глава делегации А. П. Волков вручил Президенту орден Ленина, которым Президиум Верховного Совета СССР наградил Ю. К. Паасикиви в связи с десятилетием советско-финляндского соглашения о перемирии и отмечая его выдающийся вклад в дело развития дружественных отношений между СССР и Финляндией, имеющих важное значение для укрепления мира. А. П. Волков зачитал текст письма, направленного Президенту Финляндской республики Ю. К. Паасикиви Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошиловым.

В ответном слове Ю. К. Паасикиви тепло поблагодарил Президиум Верховного Совета СССР за высокую награду и просил передать его благодарность Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. Президент подчеркнул, что он намерен и впредь неуклонно работать над дальнейшим укреплением добрососедских отношений и дружбы между Финляндией и Советским Союзом.

Copyrighted material

В СВОБОДНОЙ АЛБАНИИ

Вл. СОЛОУХИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

...Турки, итальянские фашисты, гитлеровцы... Каких только поработителей не видела маленькая албанская земля! Но стремление к свободе никогда не покидало албанцев. Недаром еще великий воин Скандербег, боровшийся против турецкого гнета, воскликнул после одного из сражений: «Албанцы, не я принес вам победу, я нашел ее в ваших сердцах!»

29 ноября 1944 года, ровно десять лет назад, части Народно-освободительной армии Албании прогнали оккупантов из последнего опорного пункта их — из города Шкодера.

С этого дня Албания стала впервые по-настоящему свободной.

...Румынский пассажирский пароход «Трансильвания» вез нас в эту страну.

Как только корабль обогнул Грецию и круто повернул на север, все изменилось: и цвет воды, и небо, и сама погода стали другими, неожиданными, прекрасными. Апеннинский и Балканский полуострова сжимают Адриатическое море с боков. Может быть, поэтому там держится голубая горячая дрема, смягчающая линии прибрежных гор, делающая морскую воду необыкновенно прозрачной и ласковой. Албанские горы с оливковыми рощами, сбегающими к самому прибою, смотрятся в эту воду. Берега наплывают быстро. Еще недавно они обозначались лишь синей ломаной линией, прочерченной в небе, а сейчас можно различить уже и город Дуррес, где мы должны бросить якорь, и золотистую длинную черту, отделяющую голубизну моря от зелени берега. Это пески, пляжи.

К вершине высокого холма прилепилось здание. Отсюда видно, что это красивый дворец.

— Бывшая резиденция короля Зогу,— говорит наш сосед-албанец.— Там он пьянствовал, развратничал, проживал народные деньги. Эти пляжи, что вы видите, принадлежали ему одному. Огромная стража всегда окружала короля. Он боялся народного гнева.

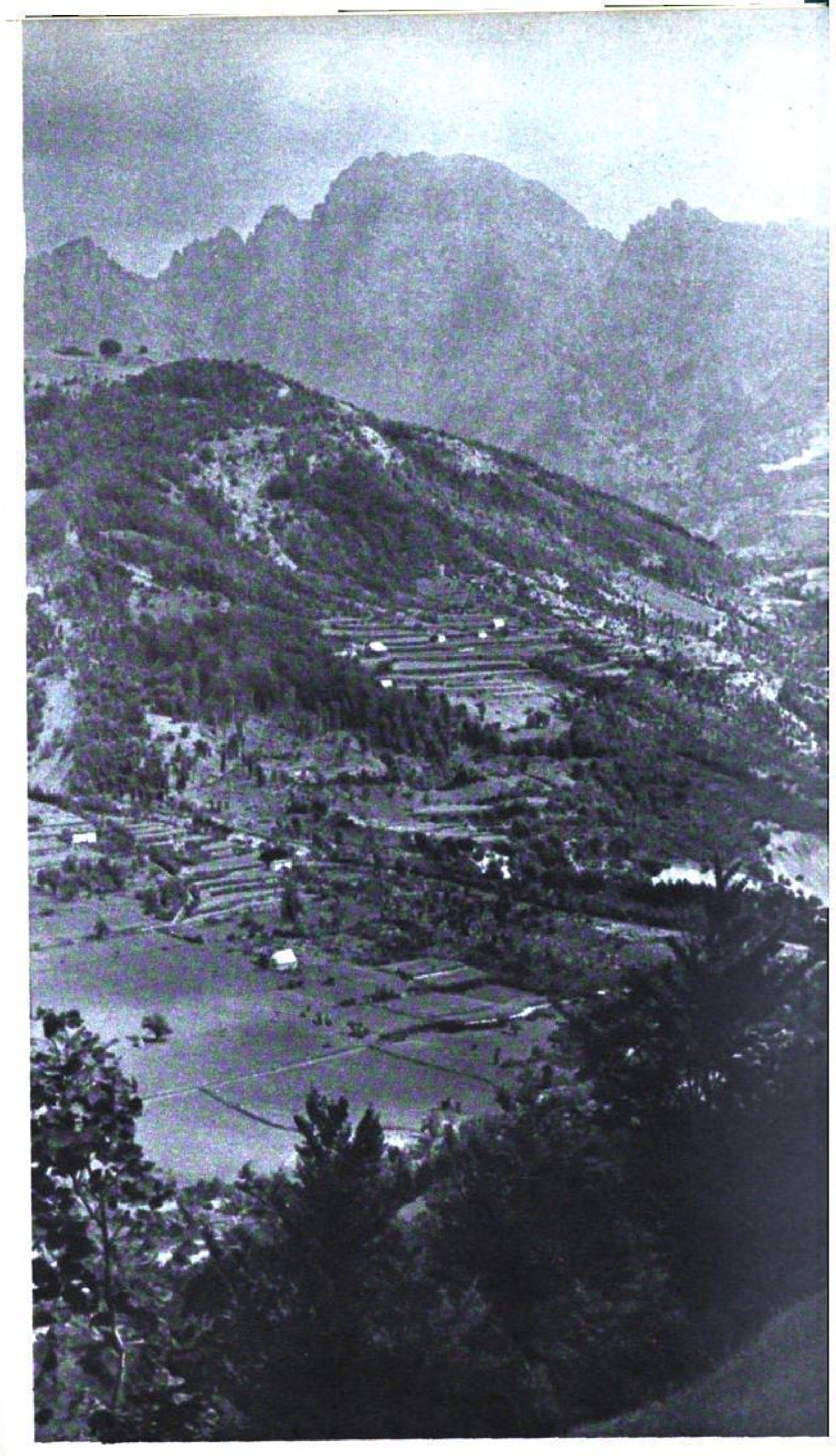
— Где же теперь король Зогу?

— Не знаю. Кажется, занимается спекуляцией в Египте.

— А что в его дворце?

— Дом отдыха.

Как только показались берега, албанский пионер, вынув из кармана свирель, заиграл какую-то мелодию. Мелодия была немного грустная, но просторная-просторная и чистая, как море, как небо над вершинами гор. Так мы и подъехали к Албании под песню мальчика, играющего на свирели. Только грохот якорной цепи заглушил ее.

Депутат Народного собрания ткачиха Муазес Саличай.

Copyrighted material

На текстильном комбинате имени Сталина в часы смены.

— Ни один человек, работающий ныне в кооперативе, не имел и вершка земли. Вся она в округе принадлежала бею Сеиду Врони. Дома наши,— рассказывает один из крестьян,— стояли на его земле. Он мог сказать в любую минуту: «Покидай дом, уходи, куда хочешь». Да и разве можно было назвать домами те плетенные из тростника или из прутьев хижины, в которых мы ютились?! Беи запрещали нам иметь в домах трубы, в которые выходил бы дым от очага. Прямо на полу разводили костер, а дым валил из щелей и окон. Так и жили.

— Зачем же нужно было хозяину это?

— Вот, дескать, он хозяин, у него есть труба! А мы его рабы, как бы рабочий скот, у нас трубы быть не должно. То же и с окнами. Щелочки были вместо окон.

С трудом верилось в то, что нам говорили. В середине двадцатого века дома без труб и печей, щели вместо окон!..

Крестьяне рассказывали нам, как они работали исполу. Снесла курица два яйца — одно отдай хозяину. Есть литр молока — половину отлей ему же. И так во всем. Когда поднялись партизаны, вся деревня присоединилась к ним. Поэтому всю ее до последней хижины сожгли гитлеровские каратели. Беи объединились в банду; она действовала заодно с фашистами. Но участь и тех и других была уже решена. И вот наступил день — народная власть сказала золотые слова: «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает». Крестьянам даже не верилось поначалу: «Как же так? У каждого своя земля?!» В первые дни, как только решили объединяться в кооператив, некуда было поставить волов, которых привели с собой. Пришлось снова разводить их по дворам. Не знали железного плуга, а тут сразу появились тракторы. Тяжелые! Боялись, что землю испортят, не знали, как к ним подступиться. А теперь даже девушки водят машины.

Нам показали девушку лет семнадцати, круглолицую, с золотистыми волосами и таким же золотистым пушком над верхней гу-

Погрузка битума в Дурресском порту.

В долине Мюзекье

В албанском пейзаже почти нет горизонтальных линий. Всё горы и горы окружали нас. Если дорога, то она либо спускается в долину, либо подымается на перевал; если река, то она сбегает вниз, огибая скалы и холмы, падая и кипя, в грохоте и брызгах. Наподобие лестниц поднимаются по склону холмов террасы полей, а вокруг оливы, оливы, оливы...

Албанцы говорят: «Правда, что наша земля маленькая, но если бы разгладить все горы,— ого, сколько места заняла бы Албания!»

В одном месте земля разглажена. Крестьянин с гор, попавший сюда, восклицал удивленно: «Как же так, едешь, едешь — и все равнина!»

Действительно, едва ли не на сто километров раскинулась долина Мюзекье.

Иногда по сторонам дороги поднимается болотный тростник. Высотой в пять — шесть метров, он заслоняет окрестности, и мы видим тогда лишь узкий зеленый коридор. Там, где тростника нет, открываются взгляду подернутые синевой дали, деревни, разбросанные по долине. В одном месте встретился перекресток. Одна дорога продолжала стремиться прямо, а другая уводила в деревню, расположенную километрах в пяти. Мы свернули туда. Сразу машину окружило облако полдневной мелкой, как пудра, пыли. Эта же почти белая пыль обильно лежала на придорожной зелени.

День был воскресный. Завидев машину, крестьяне, гулявшие по деревне, высыпали за околицу посмотреть, кто и зачем приехал. Узнав, что мы из Советского Союза, и пожилые мужчины, и девушки, и детвора окружили нас плотной толпой. Каждый считал своим долгом пожать нам руку. И мы рады были пожать в ответ тяжелые, грубоватые руки албанских земледельцев.

Деревня эта называется Вери. В ней сельскохозяйственный кооператив имени Первого мая. Через несколько минут мы сидели в конторе кооператива, ели виноград и беседовали с крестьянами.

Главный дирижер тиранского театра Мустафа Крантья.

бой, одетую в брюки и куртку. Она смутилась и выбежала из комнаты.

— Это наша Мерфан Мето. На тракторе она боевая, а тут, видно, стесняется. Молодо — зелено...

— Ну, а быков теперь есть куда ставить?

— Еще бы! Два скотных двора построили, зернохранилище, птицеферму, крольчатник, а кроме того ясли, амбулаторию, читальню, школу. Около трехсот детишек учится в ней. Учителя свои появились.

Перемены, происшедшие здесь за годы народной власти, были для нас ясны. Узнали мы, что искоренена малярия, что сейчас вся долина Мюзекье орошается, что с каждым годом крестьяне отвоевывают землю у болот. Хотелось все же сопоставить хотя бы две цифры. У одного из крестьян, окруживших нас, я спросил, как его зовут.

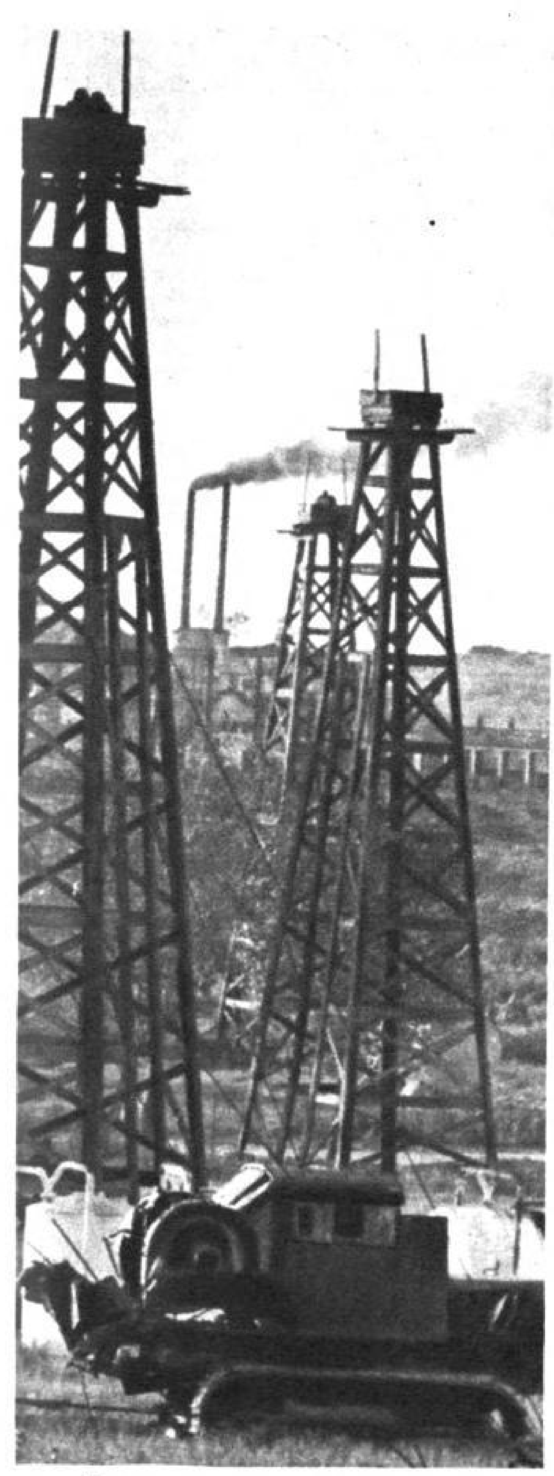
— Марко Кордье,— отвечал он.

— Рядовой член кооператива?

— Да.

— Скажите, Марко Кордье, сколько и какие продукты давал

Copyrighted material

Нефтепромыслы в городе Сталин.

лось недоумение. Они не могли понять нас, ибо их окна казались им огромными по сравнению с тем, что было раньше. А трубы... Это были не трубы, а сложные архитектурные сооружения с украшениями, разрисованные цветами, и, главное, это были весело дымящие трубы!

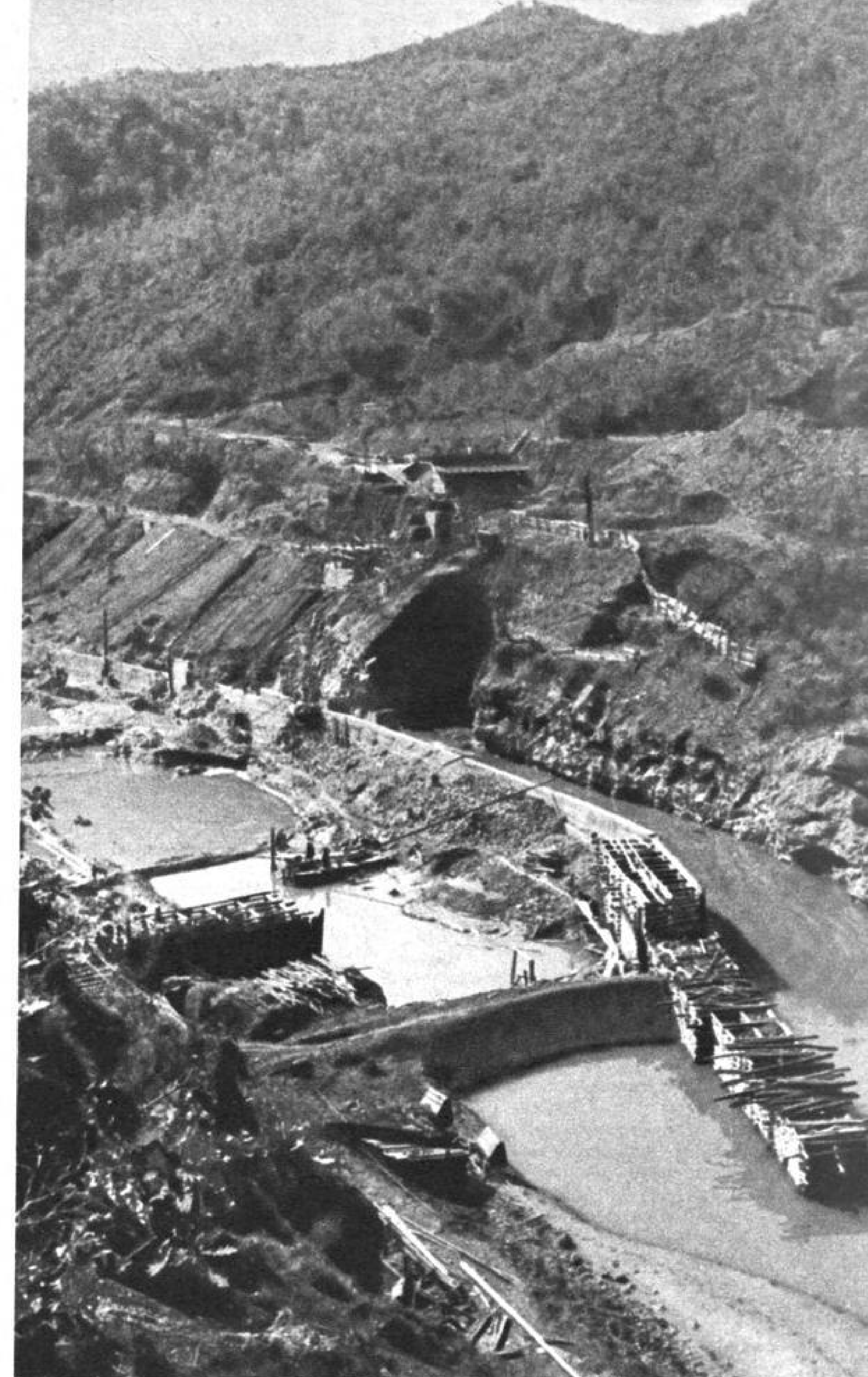
На рассвете мы видели картину: вся долина Мюзекье дымила. Сотни дымов подымались в небо с торжественностью салюта. И было в этом что-то радостное, праздничное: мы знали историю этих труб.

Рабочая семья

— Взять хоть бы сахарный завод в Корче,— сказал нам албанский писатель Фатмир Гьята.— Вам странно, что я с гордостью произношу эти слова: «сахарный завод в Корче». Еще бы, сахар — вещь не новая. Столетия известен он человеку. А мы его стали делать несколько лет назад. Не то удивительно, что это сахар, а то, что он наш, свой, албанский! Или текстильный комбинат близ Тираны. Большое ли дело — сделать ситец? Но мы и его привозили из-за границы. И так всё: от гвоздя до листа фанеры, от спички до стеклянного стакана. Многого и сейчас еще не делаем, но ведь и жить-то по-настоящему мы только начинаем...

Давайте,— продолжал Фатмир Гьята,— подумаем хотя бы о профессиях, которых не было в Албании десять лет назад. Ну, во-первых, все, которые нужны железной дороге: машинисты, кочегары, начальники поездов, кондуктора, стрелочники — всё это новые профессии, ибо железных дорог у нас не было. А трактористы и комбайнеры?.. А ткачихи, токари, преподаватели вузов, дирижеры, кинооператоры, агрономы, хлопководы?.. Трудно представить страну без этих совсем обыкновенных профессий. Но у нас их не было — это факт. Так что не удивляйтесь, если я произношу с гордостью «сахарный завод в Корче» или «текстильный комбинат имени Сталина в Тиране»...

Несколько дней спустя мы побывали на этом комбинате. Был

Строительство электростанции на реке Мати.

вам бей в течение года? Вам и вашей семье?

Марко подумал с минуту и ответил:

— Одну кукурузу, в среднем шесть — семь центнеров.

— А еще?

— Больше ничего.

— На сколько же хватало вам этого?

— На три месяца.

— Теперь скажите, поскольку этот год еще не кончился, сколько и чего получили вы в прошлом году на трудодни из кооператива?

И Марко ответил:

— 60 центнеров пшеницы 36 тысяч леков деньгами, 84 килограмма фасоли, 16 центнеров картофеля, 6 килограммов шерсти, 42 килограмма сыра. Теперь у меня есть хороший дом,— заключил Марко.— А хижину я оставил рядом — на память, там корову можно держать.

Потом мы ходили по деревне и смотрели дома.

— Что-то окна малы. Неужели нельзя сделать побольше, чтобы солнце, свет заливали комнату?

Когда переводчик перевел эти слова, на лицах крестьян появи-

Албания становится грамотной. Крестьянки из северных районов Дране Даши (слева) и Мария Гьетья выводят первые буквы.

Copyrighted material

Уголок села Вери.

час смены, и сотни людей входили под арку главных ворот. На площади перед воротами лежала густая тень. Внутренний же двор комбината был залит солнцем. Толпы девушек-ткачих переходили из резкой тени на яркий свет. Было в этой картине что-то свежее, весеннее.

Равномерный шум сотен станков встретил нас в цехах. Из мельчайших отверстий в трубах с легким свистом вырывалась распыленная вода для увлажнения воздуха. С бешеной скоростью летали взад и вперед челноки, и с каждым их полетом прибавлялось ткани. Ткачих в цехе мало, зато все они многостаночницы.

— Идемте, я познакомлю вас с нашим депутатом,— сказал инженер.

Мы увидели двадцатилетнюю девушку в аккуратном рабочем халатике. После смены она рассказала о своей короткой и несложной жизни.

Зовут ее Муазес Саличай. Она из города Корчи.

Мы спросили, в какой семье родилась Саличай: в крестьянской, рабочей или, может быть, в семье служащего. Она что-то объясняла переводчику, и они вместе советовались о чем-то.

— Мы не знаем, кем считать ее отца,— сказал наконец переводчик.

— Отец мой был бродячим парикмахером,— начала рассказывать Саличай.— Рано утром он вешал на плечо сумку со своими инструментами и отправлялся по деревням. «Побрить, постричь кого?» — слышался его голос. Иногда люди изъявляли желание побриться и постричься. Домой отец приходил поздно вечером, если не оставался ночевать где-нибудь. Усталость валила его с ног, а зарабатывал он гроши, которых не хватало на семью. Детей было четверо: два сына и две дочери. Я старшая. Сыновья ждали своего возраста, чтобы начать зарабатывать, а мы — дочери,— чтобы выйти замуж. Работать женщинам не полагалось по обычаю.

И вот перед нами простая, но показательная для новой Албании биография девушки.

Когда Муазес исполнилось десять лет, пришла народная власть. Поэтому, окончив школу, она стала мечтать прежде всего о красивой, нужной людям профессии. Можно было идти и в медики, и в педагоги, и в трактористки — все одинаково почетно. Кузина Фария уговорила Муазес пойти в школу ткачей при строящемся комбинате.

Дальше что ж рассказывать! Все шло своим чередом. Сначала не клеилась работа, потом Муазес научилась, потом сделалась многостаночницей, а недавно ее избрали депутатом Народного собрания. И бабушка, и мать с отцом, и сестры, и братья — все переехали из Корчи в новую квартиру, что получила Муазес. Поселок комбината построен не как старые города Албании. Возьмите дома в Корче или Шкодере, в Эльбасане или Гьирокастере. «Дом—крепость» — вот принцип строительства старых албанских городов. А в новом поселке нет высоких заборов, люди не чураются друг друга, живут дружно, свободно, весело.

Муазес, ее отец, ее брат, ее жених, ее сестра, ее кузина — все работают в одном месте, на комбинате имени Сталина. Родятся у Муазес дети, спросят их, из какой они семьи. И гордо прозвучит ответ: из рабочей албанской семьи: мать—знаменитая ткачиха, отец—мастер, дед — рабочий...

Камилия Мальта (слева) принесла показать своего сына врачу Мери Тимо.

Счастье Мери Тимо

У Мери Тимо иная биография Была у нее хорошая, веселая подружка — Марика Косница. Вместе играли в куклы, вместе учились читать-писать, вместе расклеивали листовки, призывающие к освобождению страны. Однажды Марика прибежала к подруге, утащила ее подальше от людей и давай шептать:

— Я знаю курсы, где учат, как раненых партизан перевязывать, как им помощь оказать.

— Пустое говоришь. Какие могут быть курсы, если в городе немцы хозяйничают!

— А вот увидишь.

Вечером подружки тихо прошли по темному переулку и постучались в дверь. Им открыла такая же, как они, девушка:

— Заходите, все уже собрались.

В комнате сидели, вязали, вышивали разные цветочки еще шесть девушек. Вскоре пришла женщина средних лет. Все отложили вязание. Женщина рассказывала, как останавливать кровь при помощи жгутов, как обрабатывать рану. Учились делать уколы: сначала кололи подушку, а потом друг другу впрыскивали дистиллированную воду.

...Все злее становились оккупанты. Пришло время, когда девушки на ночь стали уходить в горы, а однажды совсем ушли в партизанский штаб. Там их распределили по отрядам. У Мери с детства была повреждена нога, поэтому ее в отряд не пустили. Плакала по ночам, считала себя самой несчастной. Но в работе, которой хватало и при штабе, забывалась. Она лечила партизан, проводила санитарную работу в освобожденных деревнях, приходилось оказывать и первую помощь.

Наконец пришло освобождение.

Получив возможность, люди начали жадно учиться. Первоклассницы старательно считали: «Раз, два, три...» Пожилые крестьянки с трудом выводили буквы. Впервые в Албании стали появляться один за другим институты: сельскохозяйственный, политехнический, педагогический, экономический, медицинский, юридический...

Мери Тимо послали учиться в Чехословакию, в Прагу.

— Самая большая радость — лечить детей,— говорит Мери.— Однажды мать принесла девочку. Упав на колени, она протягивала мне ребенка: «Спасите мою Дурати!..» Ну, я, конечно, сделала все возможное.

Недавно Мери переходила улицу, и вдруг девочка лет шести бросилась ей на шею, стала целовать ее. Это была она, Дурати... Часто, завидев Мери Тимо, дети бросают руку матери и бегут через площадь ей навстречу.

«Огни новой жизни»

В деревню Верник мы попали в разгар веселья. На небольшой площади, плотно окруженной домами из крупного камня, было тесно. Девичьи песни, хороводы, смех, шутки — все сливалось в общий праздничный гул.

В деревне этой живут македонцы — граждане Албанской Народной Республики. У них своя школа, свои обычаи, песни, наряды. Лозунги, написанные славянским шрифтом, выглядели так непривычно в Албании.

Неврие Мирто — первая девушка-албанка, ставшая трактористкой.

В деревне Верник около шестидесяти домов. Сегодня вечером в каждом доме должен зажечься электрический свет. Для шестидесяти лампочек не нужно мощной электростанции, такой, как электроцентраль имени Ленина, что близ Тираны, в горах, или такой, которая строится на реке Мати, в глухом ущелье Ульза.

Всюду, по всей Албании, идет созидательная работа: там — цементный завод, там — гидроцентраль, там — железная дорога, там — нефтеперегонный комбинат, там — большой, благоустроенный поселок для рабочих...

Маленькая электростанция в деревне Верник — это тоже созидание, тоже свет новой жизни, озаривший республику, отмечающую 10-летие со дня своего освобождения от фашистских оккупантов.

Copyrighted material

К 20-летию со дня злодейского убийства С. М. Кирова

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Ленинградский музей С. М. Кирова. Пионеры идут из зала в зал за экскурсоводом, внимательно слушая рассказ о жизни Сергея Мироновича Кирова. Они останавливаются около витрины, где лежат куски сланца и апатита. Тут же на стене большая фотография: Сергей Миронович среди комсомольцев Гдовских сланцевых рудников в июне 1934 года. Экскурсовод посвятил пионеров в историю этой фотографии.

Немногим более двадцати лет назад по инициативе Кирова в непроходимых гдовских лесах закладывались первые сланцевые шахты. Весной 1934 года густой лес, раскинувшийся по обе стороны от гдовского тракта, был разбужен молодыми голосами. Маленький 9-й разъезд, до того ничем не приметный, стал походить на оживленную железнодорожную станцию. Сюда съезжались на стройку ленинградские комсомольцы.

Падали на топкую землю вековые деревья. На раскорчеванных местах строили бараки, натягивали палатки. Прямо на парусине выводили надписи: «Контора», «Столовая», «Комитет комсомола». Край непуганых птиц оживал. Полторы тысячи молодых энтузиастов осваивали горняцкое дело.

Неожиданно на опытную шахту приехал Киров. Спускаться в шахту приходилось по самодельной лестнице. В стволе было тесно и скользко, сверху лилась вода. Сергей Миронович от души посмеивался над своим спутником: из-за тучности тот застрял и вынужден был остаться наверху.

В шахте Киров прежде всего обратил внимание на кровлю. Он легко ударил кайлом, и кровля глухо загудела.

— Крепить надо лучше, по-хозяйски,— заметил он.

Простые, задушевные беседы вел Сергей Миронович с молодыми шахтерами.

Вскоре на-гора́ был выдан первый сланец, вслед за опытной заложили еще две шахты. И снова к строителям-комсомольцам приехал Сергей Миронович, спускался в шахту, осматривал штреки, побывал в лаве, знакомился с условиями труда. Увидев, как несколько молодых горняков суетятся вокруг застрявшей вагонетки, он ухватился за нее руками и закричал:

— А ну, давай!

Все поднатужились. Вагонетка встала на место и легко покатилась по рельсам.

— Если вы, комсомольцы,— говорил Сергей Миронович,— проявите в работе побольше напористости и хорошего комсомольского задора, то дело несомненно выйдет, и выйдет неплохо. Я, со своей стороны, пожелаю вам успеха в овладении техникой. Вы должны перенести сюда опыт социалистического Ленинграда, опыт ленинградской комсомолии, воспитавшей вас.

Ничего не ускользало от зоркого кировского глаза. Он бывал всюду: в магазине, ютившемся в маленькой избушке, в больнице. Обратив внимание на тесноту, Сергей Миронович предложил, не откладывая, строить новое здание.

Осмотрев строительство шахты № 2, Сергей Миронович зашел в барак, одиноко стоявший в лесу. На улице комсомольцы окружили Кирова, и фотограф заснял их...

— Так, — сказал экскурсовод Л. А. Шейкин,—появилась эта фотография.

Школьникам, рассматривавшим музейную фотографию, и невдомек было, что вторым справа, сзади Сергея Мироновича, стоит тот самый человек, который сейчас рассказывал им о Кирове. Двадцать лет назад он был начальником строительства Гдовских сланцевых рудников.

С. М. Киров среди комсомольцев Гдовских сланцевых рудников в июне 1934 года.

...И вот мы в тех местах, где неоднократно бывал Киров. По обе стороны живописных берегов реки Плюссы, оттеснив лес, вырос современный город Сланцы.

Высоко поднялись копры и терриконики. Мы едем на шахту № 2, возле которой Киров запечатлен на фотографии. Путь к шахте лежит через город, по асфальтированным и мощеным улицам. Вот она, красавица-шахта! Главный копер одет в бетон. В штреках — лампы дневного света. Повсюду мощные механизмы: врубовые и электросверлильные машины, скребковые и ленточные транспортеры. Нагруженные сланцем вагонетки доставляются к стволу электровозами.

На сланце работают местные электростанции, из сланцевой золы на Силикатном заводе изготовляют строительный кирпич.

— Весь наш город построен из сланцевой золы, — говорят старожилы.

На шахте № 2 мы познакомились с одним из пионеров сланцевого бассейна, С. И. Овчинниковым. Грузчик Ленинградского порта, он вместе с другими комсомольцами города Ленина приехал по зову С. М. Кирова на строительство. И сейчас, уже спустя многие годы, он хорошо помнит приезд Сергея Мироновича в 1934 году.

— Зашел он к нам в общежитие, поздоровался и спросил: «Скажите откровенно, товарищи, как живете?» Мы, конечно, рассказали. Помню, крепко он нам тогда помог и на стройке и в быту. Когда фотографировались, я чуть не опоздал. Но все же успел и стал третьим справа за спиной Кирова.

Многие горняцкие профессии освоил Овчинников, а сейчас он работает десятником на сортировке сланца. Если на шахту присылают практикантов из Горнопромышленного училища, управляющий прежде всего направляет их к Овчинникову.

Внимательно слушают школьники рассказ Л. А. Шейкина.

Ветеран труда часто напоминает молодежи слова Сергея Мироновича, обращенные к комсомольцам в 1934 году: «Вы должны досконально изучить горняцкое дело. Задача эта нелегкая. А мы, большевики, говорим так — всему можно научиться, если только захотеть».

На любой шахте в Сланцах можно встретить бывших комсомольцев, прибывших на стройку сланцевого бассейна 20 лет назад. Многие из них стали теперь почетными шахтерами.

К. ЧЕРЕВКОВ

Copyrighted material

ОТКУДА ИДЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ УГРОЗА ЕВРОПЕ

Бонн, Аргеландерштрассе, 105... Штаб фактического военного министра Западной Германии Теодора Бланка. Здесь уже долгое время разрабатываются планы воссоздания реваншистского рейхсвера — армии в полмиллиона солдат, снабженной авиацией, танками, тяжелой артиллерией.

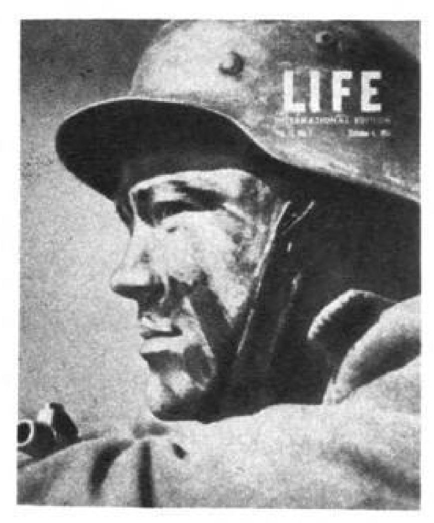
Во что обойдется новый вермахт немецкому народу? В сто миллиардов марок. Американцы уже поставляют танки, пушки, самолеты, среднее и легкое вооружение. Англичане — танки «Центурион», истребительную авиацию. Крупп и другие магнаты Рура подрядились поставлять вермахту тяжелую артиллерию, бомбардировщики, эсминцы. Бо́льшая часть американского оружия уже находится в Европе. Гигантские склады военного снаряжения размещены в малодоступной для постороннего глаза местности, в районе Кайзерслаутерна. Как сообщала швейцарская газета «Нейе цюрихер цейтунг», министр обороны Соединенных Штатов Вильсон заявил, что еще больше вооружения для будущего рейхсвера размещено на территории Франции, остальное же находится в Соединенных Штатах и будет отправлено в Западную Германию немедленно после ратификации парижских соглашений, а может быть... и до их ратификации.

Полумиллионная армия — это лишь основа массовой реваншистской армии Западной Германии. Ведомство Бланка официально объявило, что в ответ на призыв Аденауэра поступило 130 тысяч заявлений от желающих занять офицерские посты в возрождаемом рейхсвере и что все «кандидаты» уже получили назначения. Цифра эта останавливает на себе внимание. К концу войны, то есть в 1945 году, гитлеровская армия, насчитывавшая несколько миллионов солдат, имела в своем составе свыше 3 тысяч генералов и 100-тысячный офицерский корпус. Если этого количества офицеров было достаточно для многомиллионной армии, то для какой цели в Западной Германии создается 130-тысячный офицерский корпус? Уцелевшие генералы Гитлера явно намереваются повторить старый трюк. Как известно, по Версальскому мирному договору Германия имела 100-тысячный рейхсвер; когда же в 1935 году Гитлер односторонне отменил военные ограничения, то вскоре оказалось, что Германия имеет 700-тысячное войско, сведенное в 36 дивизий. В 1939 году у Гитлера было уже около 180 дивизий. Что за этим последовало, знают Германия, Европа, весь мир.

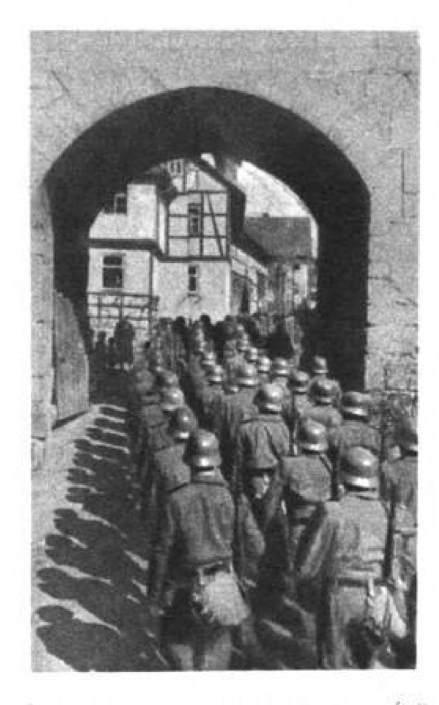
Между тем американский журнал «Лайф», из которого мы заимствуем публикуемые фотографии, с явным удовлетворением пишет о том, что «между Рейном и Эльбой уже маршируют батальоны». «Ядро новой германской армии» — так называет «Лайф» западногерманскую пограничную полицию и пытается убедить своих читателей, будто воссоздаваемый лондонским и парижскими соглашениями вермахт явится гарантией безопасности Европы. Но народы Европы видят, что план скорейшего воссоздания вермахта свидетельствует о том, насколько неотложными стали меры, которые предложило недавно Советское правительство в своей ноте правительствам европейских стран и США.

«...Интересы обеспечения безопасности европейских народов требуют того,— говорится в ноте Советского правительства,— чтобы развитие в Европе пошло не по гибельному пути восстановления германского милитаризма и образования в Европе противопоставленных друг другу военных блоков государств, а по пути создания системы общеевропейской безопасности, основанной на учете законных интересов всех государств Европы, больших и малых».

З. САВЕЛИН

Огромным портретом «образцового» солдата Аденауэра начинает журнал «Лайф» большой фоторепортаж о возрождении агрессивного вермахта.

Под видом «учебных занятий пограничной полиции» ведомство Бланка вместе с американским штабом проводит военные маневры в районе Лихтенфельса и Кобурга.

Картотека боннского военного министерства содержит данные о пяти миллионах военнослужащих. Здесь можно найти карточки от командира дивизии до командира отделения и списки всех, кто участвовал в войне.

ХУДОЖНИКИ КНИГИ

Книги, выпущенные в свет Государственным издательством художественной литературы, известны в нашей стране и за ее пределами. В Гослитиздате выходят хорошо оформленные книги русских и западноевропейских классиков, советских писателей и прогрессивных писателей всего мира. Над оформлением этих книг работают лучшие советские художники — графики и живописцы. Некоторые из их последних работ публикуются на вкладках этого номера.

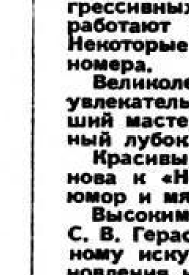
Великолепно, в оригинальной художественной форме, живо, увлекательно проиллюстрировал «Левшу» Н. С. Лескова виднейший мастер перового рисунка Н. Кузьмин. Богато используя народный лубок, он идет от реалистических традиций русской графики.

Красивы, несколько декоративны романтичные рисунки А. Бубнова к «Ночи перед рождеством», в которых есть и гоголевский юмор и мягкая лирика.

Высокими живописными качествами обладают иллюстрации С. В. Герасимова к «Делу Артамоновых». Присущими изобразительному искусству средствами художник рассказывает об эпохе становления и краха капитализма в России, выявляя в иллюстрациях развитие горьковских образов, быт его героев. Самое драгоценное в сюите художника — это то, что он сумел передать в ней точное ощущение эпохи, правду времени.

Жизненно убедительны рисунки в серии М. Таранова к роману Е. Федорова «Каменный пояс». Есть в ней достоверность, которая отличает работу художника, страстно увлеченного темой, тщательно изучившего материал.

Различны творческие индивидуальности В. Милашевского и Е. Рачева — иллюстраторов сказок. Полны народного юмора острые рисунки В. Милашевского; пленяют поэтичностью иллюстрации Е. Рачева.

Кайзерслаутерн. Здесь в прирейнской области, на большом плато, окруженном лесами, расположены тайные склады военного снаряжения, которые накапливаются с 1945 года.

Copyrighted material

С. Герасимов. Иллюстрация к роману М. Горького «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ».

Copyrighted material

А. Бубнов. Иллюстрация к повести Н. Гоголя «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ».

Copyrighted material

Москва, Ленинградское шоссе.
Фото Э. Евзерихина (ТАСС).

АРХИТЕКТУРА ЖИЛОГО ДОМА

Л. В. РУДНЕВ,
действительный член Академии архитектуры СССР

Каким должен быть жилой дом советского человека?

Давно стало недискуссионным утверждение, что дом этот должен быть красивым, удобным, экономичным. И, тем не менее, как часто мы, архитекторы и строители, с таким жаром призывающие к этому на совещаниях, в своей практике удаляемся от данной, кажется, бесспорной, истины! Мне думается, что это не частные ошибки. Корень их — в разрыве между теорией и практикой, который проявляется и в отсталости ряда отраслей строительной промышленности, и в том, что до сих пор некоторые насущные задачи градостроительства в нашей действительности не разрешены. Прежде всего, говоря об архитектуре жилого дома, нельзя ее рассматривать оторванно от всего ансамбля города. Архитектура жилого дома включает в себя и благоустройство квартала, и организацию уличного транспорта, и создание сети культурно-бытовых учреждений, и точное определение места здания на данной магистрали...

Пусть читатель представит такую улицу. В середине широкая полоса шоссе с множеством машин, троллейбусов, автобусов. Весь этот шумный поток заключен с двух сторон в зеленые берега кустарников и деревьев, среди которых разбросаны невысокие здания магазинов, кафе, ресторанов. Кстати, вопрос бытового обслуживания населения настолько важен, что об этом стоит поговорить. Большинство существующих магазинов расположено в нижних этажах жилых зданий, и это диктует их габариты: ширина не может превышать 12 метров (6 метров отводится на подсобные помещения, 6 — для покупателей). Этой площади, конечно, недостаточно, и в результате постоянная сутолока, толчея. При размещении в специальных зданиях торговые помещения можно проектировать более удобно, делать их гораздо шире, в то же время первые этажи жилых домов освободятся для жилья, яслей, детских садов.

Такой должна быть улица города недалекого будущего. Итак, широкий зеленый массив отделяет центральный проезд от «тихой зоны». Здесь более узкая лента асфальта, предназначенная в основном для машин, подъезжающих к ближайшим домам. За нею вновь газон, и только потом жилые здания, каждое опоясано широким кольцом растений.

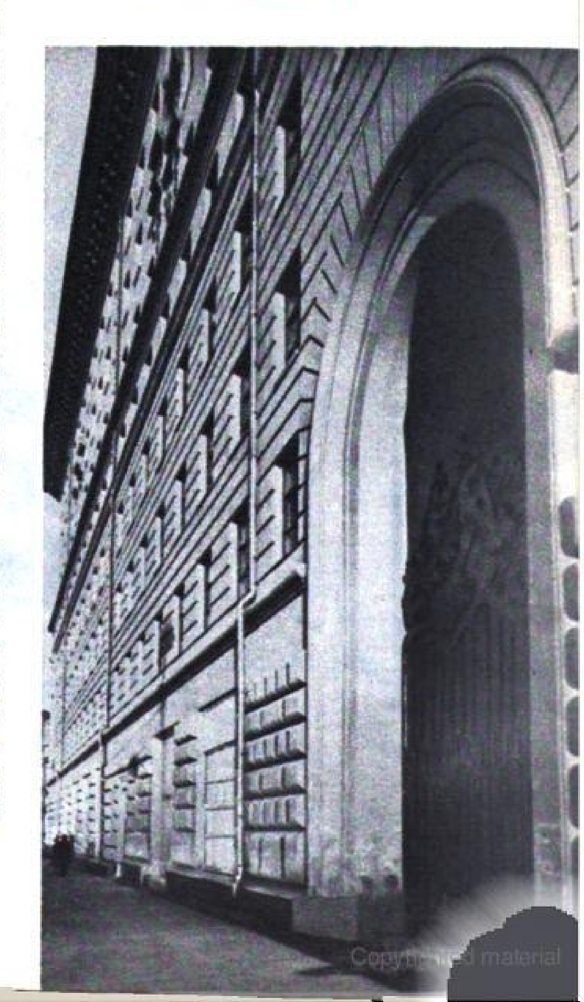
Благоустройство улицы, насаждения, подступающие к самому порогу дома, — все это расширяет «жилую площадь дома». С ранней весны и до поздней осени жизнь обитателей домов частично выносится на улицу: здесь гуляют дети, отдыхают после работы взрослые. Да и в самой квартире, отделенной от пыльной магистрали зелеными заслонами, воздух чище. Сюда не проникают шум транспорта, свет фонарей и фар, гарь, пыль, запах бензина. Зато дом открыт со всех сторон свету, воздуху, солнцу.

У нас уже есть улицы, приближающиеся к нашему пониманию городского ансамбля. Это Ленинградское шоссе в Москве, за Белорусским вокзалом, Большой проспект Васильевского острова в Ленинграде.

Город будущего — это сад, в котором стоят красивые здания простой и жизнерадостной архитектуры. Нам нет надобности возводить ущелья каменных громад, среди которых человек теряется. Лучшие русские зодчие всегда стремились приблизить природу к человеку. В своих архитектурных проектах они предусматривали водные пространства, зеленые массивы. Мы не можем прекрасное зодчество Ленинграда воспринимать оторванно от его парков и садов, от Невы, Фонтанки, каналов с их мостами и решетками...

Окруженный зеленью, жилой дом не нуждается в излишних украшениях. Следовательно, это упрощает «обработку» фасада и

Москва. Фасад жилого дома № 11 по Большой Калужской улице. Автор проекта — действительный член Академии архитектуры СССР **И. В. Жолтовский.**

Copyrighted material

позволяет строить быстрее и дешевле.

Некоторые наши архитекторы в своей практической работе пытаются противопоставить художественную сторону архитектуры ее строительно-техническим функциям. Увлекаясь неуместным в зодчестве украшательством, они оправдывают непонимание подлинных задач градостроительства стремлением к созданию красивых зданий. Они нагромождают множество архитектурных деталей: искусственные балкончики, всевозможных форм и размеров окна, массу лепнины. Но балконы, не соответствующие своему назначению, не красят дом; окна в виде щелей не гармонируют с габаритами всего сооружения, а тонкая лепная отделка не видна на большой высоте, поэтому и не нужна.

За последние несколько лет, очевидно, под влиянием высотных сооружений, иные архитекторы венчают жилые дома башнями. Целесообразно ли это? Мне кажется, что нет. Башни бросаются в глаза и резко выделяют здание, что порой не продиктовано ни назначением дома, ни планировкой улицы.

Силуэт города, контур магистрали должны определять общественные здания, жилые — призваны служить лишь «аккомпанементом» к ним. Эгоистичный подход архитектора к своему творчеству, неразумное желание понаряднее и как можно более броско оформить фасад своего дома нарушают ансамбль — самое важное в градостроительстве.

Красота — это прежде всего гармония и целесообразность. Этому должно быть все подчинено и во внешнем решении здания и в его внутренней планировке, которые тесно взаимосвязаны. Проектируя жилой дом, архитектору необходимо знать, как будет заселена каждая квартира: одной семьей или несколькими? В зависимости от этого совершенно иначе решается планировка. Если квартира будет принадлежать одной семье, передняя может сообщаться с комнатами раздвижными остекленными дверями и использоваться как дополнительная площадь. Кабинет размещается ближе к входу; рядом со спальней планируется ванная, а со столовой — кухня. Местам общего пользования отводится небольшая площадь. Когда в такую квартиру вселяют несколько семейств, то все, что украшало ее, делало удобной, — остекленные двери, ванная возле одной из комнат, кухня возле другой, — все это вызывает недовольство жильцов, неудобства.

Следовательно, надо либо наряду с большими квартирами конструировать и малометражные, на 1—2 комнаты, чтобы сама архитектура определяла их заселение только одной семьей, либо проектировать площадь так, как это сделали архитекторы В. Лебедев и П. Штеллер в доме в Новоспасском переулке. Здесь авторы, планируя двух- и трехкомнатные квартиры на одну семью, предусмотрели и возможность временного их заселения 2—3 семьями.

В просторной, светлой кухне есть место для нескольких хозяек. Если же здесь живет одна семья, то в кухню может быть перенесена столовая. Комнаты хороших пропорций — квадратные, изолированные. В коридорах встроенные шкафы, а над ними антресоли для вещей, что, естественно, увеличивает полезную площадь. Санитарные узлы удалены от входа. Мусоропровод вынесен из квартиры. Он расположен в тамбуре в специальной шахте, здесь же собрана и вся коммуникация четырех квартир одного этажа.

Ванна снабжена керамическими приборами для мыла, мочалки, щеток, стакана и прочего. Есть здесь и горячие регистры для сушки полотенец и зеркала, и, что самое важное, сюда круглосуточно подается горячая вода.

Архитекторы обо всем позаботились. Чтобы лифты не соприкасались с жилыми помещениями, их вынесли в пролет лестничной клетки; каждую секцию дома снабдили телевизионной антенной, чтобы лес их не портил фасада; благоустроили двор...

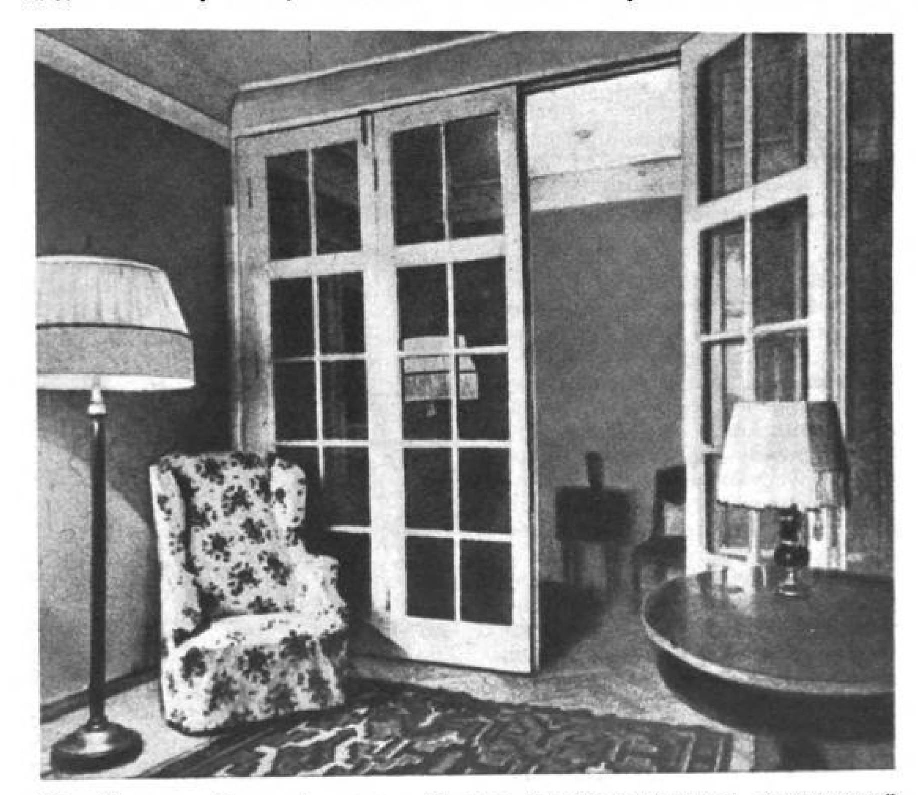
Растет материальный и культурный уровень нашего народа, увеличиваются бытовые и эстетические запросы советских людей — бо́льший счет предъявляют они и к нам, архитекторам.

Зодчий обязан предусмотреть все бытовые нужды будущих жильцов. Наряду с такими важными вопросами, как вентиляция, освещение, отопление, ему следует помнить и о таких «незначительных»: где выбить коврик, постирать белье, почистить ботинки, просушить зимние вещи. Архитектор должен учесть размеры простенков, чтобы в них умещался диван, кровать или шкаф из тех, которые продаются в магазинах; предусмотреть во дворе гараж для машин, а в передней — нишу для пальто.

Долг архитектора — непосредственно влиять не только на строительные, но и на отделочные работы, на оборудование квартир в проектируемом им доме. Все, что объединяется понятием жилье: обои, краска для стен, радиаторы для отопления, оконные переплеты, электропроводка, начиная от выключателя и кончая люстрами, дверные ручки, паркетные плитки, наконец, мебель, — входит в компетенцию зодчего. Поэтому фабрикам, выпускающим эту продукцию, следует работать в самом тесном контакте с Академией архитектуры.

Советские архитекторы обязаны все свои творческие силы отдать созданию наиболее совершенных и экономичных типовых проектов жилого дома, проектов, которые позволят строить красиво, прочно, быстро и дешево.

Наши дома «доживут» до коммунизма, поэтому в них должно быть уютно, много тепла, света, солнца, красоты — всего того, что приносит радость людям.

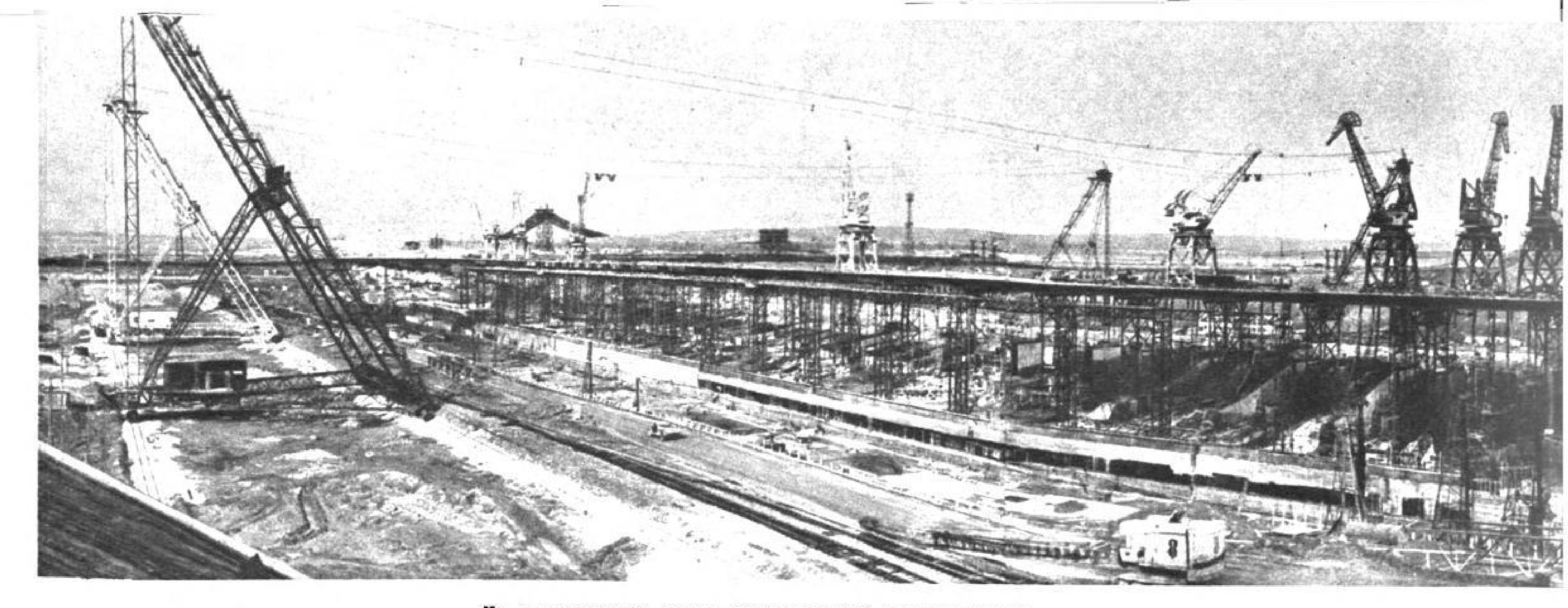
Жилой дом на Валовой улице в Москве. Интерьер комнаты, соединенной с передней застекленной дверью-перегородкой. Архитекторы — И. Кастель и Т. Заикин.

Андрей Януарьевич ВЫШИНСКИЙ

22 ноября 1954 года в результате острого сердечного приступа в Нью-Йорке скоропостижно скончался выдающийся государственный деятель, член Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, первый заместитель Министра иностранных дел СССР, депутат Верховного Совета СССР, академик Андрей Януарьевич Вышинский.

Copyrighted material

На строительстве здания Куйбышевской электростанции.

СТРАНА СТРОИТ

Недалек день, когда придут в движение новые могучие турбины и по проводам устремится электрический ток, вызванный к жизни водами великих рек нашей Родины. Вырастают корпуса заводов и фабрик, поднимаются нефтяные вышки и копры угольных шахт. Усадьбы совхозов и машинно-тракторных станций, новые поселки строятся там, где недавно еще лежали не тронутые плугом земли. Города и села украшаются жилыми домами, школами, вокзалами, гостиницами.

Необозрим фронт, на котором ведутся в нашей стране строительные работы. Снимки, публикуемые в этом номере «Огонька», показывают отдельные участки этого фронта.

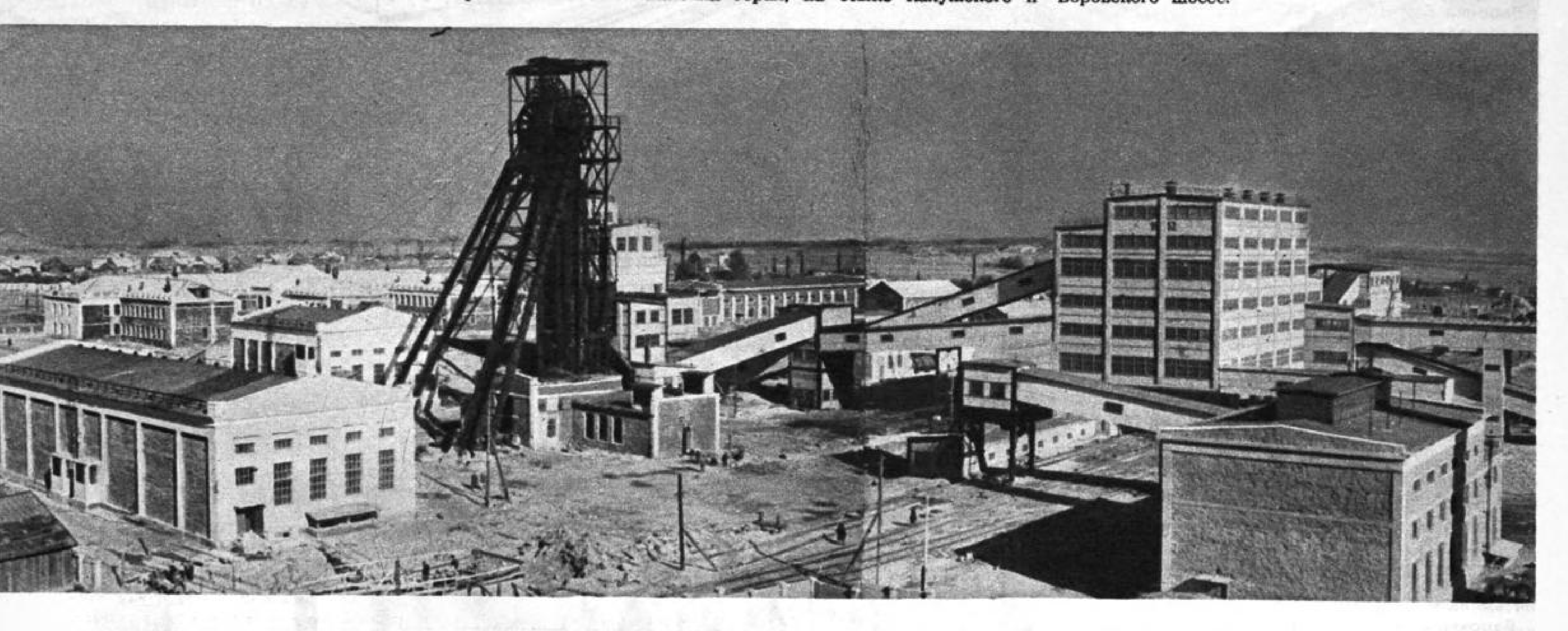
Челябинская область. В Копейске закончено строительство Дома инженера и техника (фото справа).

Улица в поселке Кулундинского зерносовхоза Алтайского края.

Москва. Строительство на Ленинских горах, на стыке Калужского и Боровского шоссе.

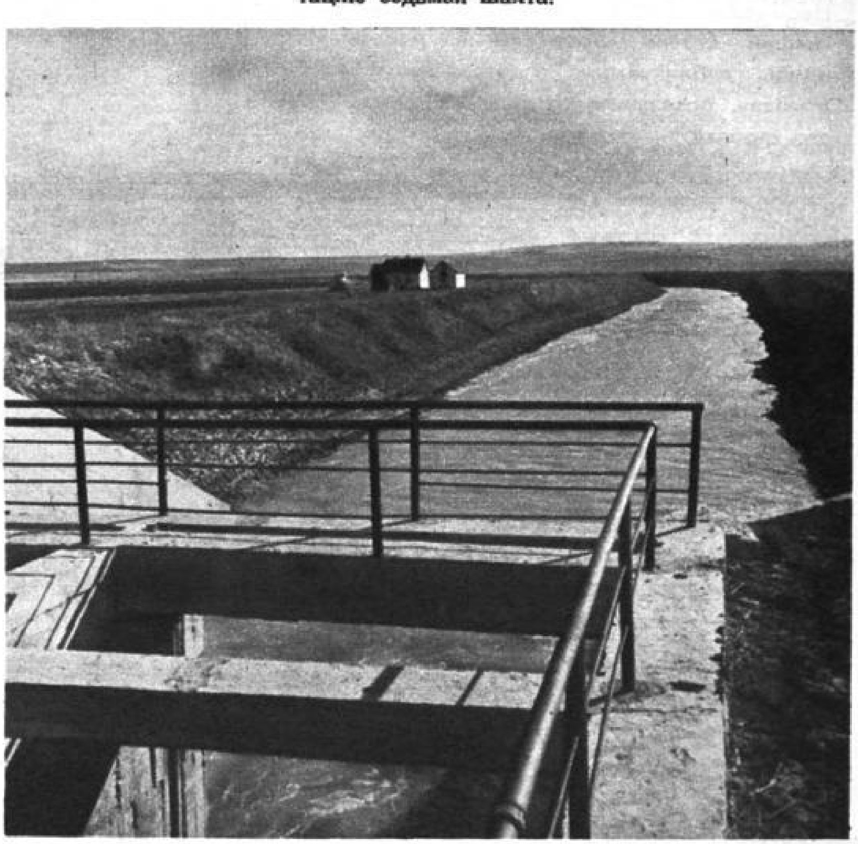
В Кадиевке (Ворошиловградская область) в этом году сдана в эксплуатацию седьмая шахта.

Новый вокзал в Воронеже.

В Брянской области построена усадьба Карачевской комплексной машинно-тракторной станции.

На Ставропольщине закончено сооружение Право-Егорлыкского канала. Это позволит оросить 12,5 тысячи гектаров и обводнить до 500 тысяч гектаров земли.

Фото В. Войтенко, В. Георгиева, П. Лисенкина, Н. Рабиновича (ТАСС), Б. Кузьмина, В. Пескова, О. Пожарского, Г. Санько.

Copyrighted material

ВЕРОЧКА

Рассказ

В. ИЛЬЕНКОВ

Рисунки П. Караченцова.

Верочка готовит лекарство для глазных промываний гражданину Крынкину, часто поглядывая на свое отражение в окне аптеки, заменяющем ей зеркало: она сидит в белом халате и белой косынке среди стеклянных банок, бутылей, пузырьков с надписями на латинском языке. Лицо у нее самое обыкновенное, но Верочке кажется, что ей суждено совершить в жизни какие-то большие дела. В самом деле, вот у Крынкина заболели глаза, и она сделает лекарство, от которого ему станет лучше; Крынкин, правда, не знает ничего о ней и даже не скажет ей спасибо. Ну, что ж, ей будет приятно думать, что человеку стало лучше, хотя она тоже никогда не узнает этого Крынкина, если и придется встретиться с ним на улице.

Верочка берет в руки бутылку, взбалтывает содержимое и рассматривает его на свет. В бутылке цианистая ртуть, это яд, но в ничтожной дозе он становится лекарством для тех, у кого болят глаза. Верочка задумывается, разглядывая жидкость, и вдруг к ней приходит мысль, что это лекарство имеет прямое отношение к ее занятиям в кружке по диалектическому материализму: количество переходит в новое качество... Она записывает несколько слов на бумажке и прячет ее в сумочку, где пудра, духи и комсомольский билет.

Верочка наклеивает на бутылку этикетку с изображением черепа с костями крест-накрест и надписью: «Осторожно!». Она надевает на пробку бумажный чепчик, и бутылка становится похожей на заведующую аптекой Марью Ивановну.

— Верочка! — слышится начальственно-величественный голос за дверью, на которой висит стеклянная табличка с золотой надписью «Кабинет заведующего».

Верочка еще раз заглядывает в стекло на свое отражение и, убедившись, что в глазах у нее есть что-то особенное, улыбается.

Марья Ивановна сидит в кресле и тяжело дышит, у нее одышка, сегодня, как назло, такая жара и нужно ехать в Москву за лекарствами: пришла телеграмма из аптечного управления.

— Верочка, я не могу... сами видите... Вот вам документы, деньги, поезжайте на аптечную базу... Я надеюсь на вас... Погрузите все в товарный вагон... Проследите, чтобы все дали... а то вот прошлый раз забыли рыбий жир... А главное — не побейте посуду.

Поездка в Москву для Верочки — праздник. Она быстро сбрасывает белый халат, развязывает косынку, и белокурые волосы рассыпаются по плечам золотыми кольцами. В легком платье — васильки по белому полю — она стремительно бежит по улице, залитой майским, ласковым солнцем. Нужно забежать домой, предупредить отца, что она уезжает. Демьян Петрович приехал к дочери накануне, привез из деревни сдобников и толстые чулки из овечьей грубой шерсти. «Вот чудаки, кто ж теперь носит такие чулки! Я куплю себе в Москве с черными пятками: такие теперь в моде...»

Несмотря на май, Демьян Петрович приехал в валенках: поламывают ноги, видно, к перемене погоды.

— Да ты что, очумела! — сказал он, увидев, что Верочка собирается уезжать в одном маркизетовом платье и босоножках. — Возьми про запас теплые чулки, что мать прислала. Ты не гляди, что солнышко светит. Сейчас время почкам на дубе разбиваться, стало быть, непременно захолодает; и ноги ноют — верная примета.

Верочка только улыбнулась в ответ. Она положила в портфель полотенце, мыло, кусок черного хлеба, третий том «Войны и мира» и выбежала из дому. Через полчаса уходит поезд на Москву; она приедет на аптечную базу утром, получит лекарства, погрузит в вагон, а вечером успеет побывать в Художественном театре.

Верочка обогнала старика; он шагал медленно, неуверенно, ощупывая палкой землю.

— Гражданка! Пожалуйста! — донесся тихий голос.

Верочка оглянулась на ходу: никого, кроме нее и старика, на тротуаре не было, — значит, он обращается к ней. Она остановилась.

— Помогите мне дойти до аптеки... Я ничего не вижу...

Верочка растерянно стояла возле него: нужно было спешить к поезду, оставалось десять минут.

— Вы извините меня... — начала она и умолкла.

Старик протянул к ней на голос руку, как бы не сомневаясь, что она отведет его в аптеку. И Верочка взяла его под руку и повела, оглядываясь: не идет ли кто-нибудь, — но никого не было.

Старик шагал раздражающе медленно и тяжело дышал.

— Вам восемнадцать лет? — спросил он, улыбаясь.

— Почему вы угадали? — удивилась Верочка.

— В восемнадцать лет люди еще чувствуют чужую боль... Вот вы остановились, взяли меня под руку... не раздумывая, не отговариваясь тем, что вам некогда, что у вас есть более важные дела...

— Что же, вы совсем одинокий? Неужели у вас нет никого, кто мог бы сходить в аптеку? У вас нет родственников? Близких людей?

— Близкого человека у меня нет, — печально промолвил старик.

«Опоздаю... А следующий поезд только через четыре часа... Приеду в Москву поздно... не успею все сделать за день», — думала Верочка.

— У меня есть сын, — продолжал старик. — Но он сказал, что ему некогда ходить по аптекам...

— Чем же он так занят?

— Читает книги... учится на заочном отделении юридического института.

Они пришли в аптеку. Верочка взяла у старика квитанцию, чтобы отыскать его лекарство.

— Так вы и есть Крынкин! — радостно воскликнула она. — Это я готовила вам промывание... Вот, только, пожалуйста, осторожно... это яд.

— Вы еще не уехали?! — сердито воскликнула Марья Ивановна, увидев Верочку. — Вы же опоздаете к назначенному времени.

Верочка объяснила причину задержки.

— Но вам-то какое дело до этого старика?! Вы должны делать то, что относится к вашей службе... Я не понимаю, Верочка... Я привыкла считать вас аккуратным, дисциплинированным работником... И вдруг...

Верочка сказала, что она не могла оставить беспомощного старика на улице, что это было бы жестоко.

Она снова взяла под руку старика и повела его к дому; теперь она могла не спешить. И хотя на улице было много народу и можно было бы попросить кого-нибудь довести старика, она повела сама: ей хотелось взглянуть на человека, у которого нет времени, чтобы позаботиться о слепом отце.

Верочка не знала, что существуют такие равнодушные к боли близкого человека. Она с негодованием думала о сыне Крынкина, и он представлялся ей жестоким и злым.

Они пришли в дом, где жил старик. Верочка постучала в дверь. Она распахнулась, и на пороге показался красивый человек лет тридцати, с папиросой в зубах.

— У тебя же есть ключ. Зачем ты стучишь? — раздраженно сказал он, не видя Верочки, стоявшей за дверью.

— Это я стучала, — сказала она, выходя. — Я привела вашего отца... И я хочу узнать: почему вы сами не сходили в аптеку?

— Позвольте... вам-то какое дело? — недовольно спросил молодой Крынкин, с удивлением разглядывая незнакомую девушку.

— А вот какое, — Верочка показала пальцем на комсомольский значок на отвороте своего жакета. — У вас тоже, вероятно, есть это? Или было?

— Я не понимаю, что за допрос?! — с возмущением воскликнул Крынкин. — Ну, довели отца... ну, спасибо... — Он хотел закрыть дверь, но Верочка уцепилась за ручку двери и потянула к себе.

— Нет, подождите... Я... мне нужно серьезно поговорить с вами... Я так не уйду!..

— Дай мне пройти, — сказал старик, протискиваясь в щель.

— Ну, что же вы мне хотели сказать? — раздраженно спросил Крынкин, насторожен-

Copyrighted material

но вглядываясь в лицо Верочки.— Вы что, из райкома?

— Повидимому, вы вспоминаете о своих обязанностях только тогда, когда проходите мимо райкома? — насмешливо промолвила Верочка.

— Я прошу без всяких нравоучений... — Крынкин рванул дверь, но Верочка протиснулась вслед за стариком в щель и очутилась в полутемной прихожей. — Я не понимаю... вы врываетесь в квартиру, поднимаете скандал... Кто вы такая?!

— Я?! Я?! — повторила Верочка, затрудняясь ответить на такой, казалось, простой вопрос.— Я... из аптеки... лаборантка. И я пришла сказать вам, что нельзя так равнодушно относиться к своему больному отцу... что это же подло, поймите!

— Мне некогда заниматься пустыми разговорами... У меня нет для этого времени, понимаете? Прошу вас, уйдите! — задыхаясь от гнева, проговорил Крынкин, распахнув дверь.— Оставьте меня в покое!

— Нет, в покое я вас не оставлю, — твердо заявила Верочка, идя вслед за стариком в комнату. — Пожалуйте сюда и имейте мужество выслушать горькую правду о себе... Я не из райкома. Я не следователь и пришла не для допроса... Вы правы, у меня нет на это служебного права... Я здесь не по обязанностям службы, наоборот... Из-за вас я опоздала на поезд и сорвала служебную командировку...

— Ну вот, а судите других, — злорадно улыбнулся Крынкин.

— Что же вы мне не сказали, милая, — заволновался старик.— Выходит, я тут всему причиной... Я бы уж дошел как-нибудь...

— Моя вина другого сорта. Я согласна получить выговор... Но это не спасет вас, гражданин Крынкин!

— Откуда вы знаете мою фамилию? — нахмурился Крынкин.

— Знаю не только вашу фамилию, я знаю... знаю вашу душу... ваше черствое сердце...

— Ах, бросьте вы эти... «страшные» слова,— презрительно сказал Крынкин. — Видите, чем я занят? — Он показал на стол, заваленный книгами, окурками, исписанными листами бумаги.— Я готовлюсь к экзамену, понятно? Мне дорога каждая минута... Экзамены для меня важней разговоров с вами!

— Экзамен на право называть себя сыном важней, и вы не выдержали этого экзамена. Вы плохой сын... плохой человек... Вы любите только себя...

— Замолчите, слышите?! — закричал Крынкин, сжимая кулаки. — Убирайтесь вон!

— Я уйду, — сказала спокойно Верочка. — Я сказала вам все, что думала о вас. Может быть, вы первый раз слышите горькую правду о себе... Ну, что ж, хина тоже горькая, но ее глотают, чтобы выздороветь. До свидания, дедушка!

— До свидания, милая, — взволнованно ответил старик. — Спасибо вам, что помогли мне сходить за лекарством... Заходите...

Верочка вышла, гордо вскинув голову, медленной, подчеркнуто спокойной походкой. Но, очутившись на лестнице, в полумраке, она уткнулась пылающим лицом в платок, чтобы удержать нахлынувшие слезы; только сейчас она почувствовала, как дорого обошлось ей напускное спокойствие.

До поезда оставалось много времени, можно было бы зайти домой, но придется объяснять отцу, почему опоздала к поезду. Верочка пошла в городской парк.

Холодный северный ветер раскачивал деревья, и они шумели своей глянцевой молодой листвой; дубы стояли попрежнему голые, черные, и толстые сучья их лишь чуточку вздрагивали под ударами ветра. Верочка села на скамью, раскрыла книгу, но, прочитав полстраницы, поймала себя на мысли о молодом Крынкине. «Какое у него лицо? Красивое и вместе с тем жалкое, как у мальчишки, которого уличили во лжи. Может быть, не следовало говорить так резко? Можно было написать ему письмо... А теперь мы враги навсегда... И чего же я достигла? Только озлобила его против себя и против родного отца... Всегда вот у меня получается как-то нелепо... Вспыхну, выплю все, что на душе, а потом мучаюсь... Что изменится в мире от того, что я воюю с каким-то Крынкиным? Он наплюет на меня и будет жить, как жил...»

Верочка вздрогнула: было холодно в легком жакете и босоножках. Зайти домой, одеться потеплей? Отец торжествующе скажет: ага, прохватило? Верочка встала и быстро пошла на вокзал.

Усевшись в вагон, она раскрыла книгу.

«Многие историки говорят,— читала она,— что Бородинское сражение не выиграно французами, потому что у Наполеона был насморк, что ежели бы у него не было насморка, то распоряжения его до и во время сражения были бы еще гениальнее, и Россия бы погибла, и облик мира изменился бы... На вопрос о том, что составляет причину исторических событий, представляется другой ответ, заключающийся в том, что ход мировых событий предопределен свыше...»

«Одни думали, что Россия не погибла из-за насморка у Наполеона, а другие — оттого, что все было заранее решено в небесной канцелярии», — подумала Верочка и рассмеялась. Ей стало весело оттого, что даже у гениальных людей бывают смешные, нелепые мысли, а ей-то уж простительно... Нет, ее сражение не проиграно. Врагу нанесен сильный удар... Верочка представила себе, как молодой Крынкин ходит из угла в угол по комнате, курит и думает, думает... Интересно бы узнать, чем все это кончится? А может быть, Крынкин, закрыв за собой дверь, ругает отца за то, что он привел ее, непрошенную, и весь свой гнев против нее обрушил на невинного старика? Какая теперь будет у них жизнь? Может быть, старик пожалеет, что остановил ее на тротуаре и попросил помощи...

Поезд пришел в Москву под вечер, и Верочка поехала к дяде-художнику на Масловку. Брат ее матери, Иван Иванович, жил холостяком, хотя ему было уже под сорок. Он занимал большую комнату с верхним светом, специально приспособленную для работы, и тут же, за ширмой, стояла его кровать.

Иван Иванович писал картину «Утро в колхозе». Многое уже было сделано, но он не чувствовал удовлетворения. В картине все, казалось, было правильно: и столб с электрической лампочкой, и колесо трактора за углом дома, и золотая звездочка на груди девушки, — она шла впереди своей бригады с граблями на плечах. Но в картине еще не было того, что Иван Иванович называл «душой», то есть того, что вызывает волнение.

Он в раздумье стоял перед картиной, когда распахнулась дверь и в комнату стремительно ворвалась Верочка с букетом подснежников.

— Верочка! — радостно воскликнул Иван Иванович, бросаясь к ней навстречу; он любил свою многочисленную родню, а Верочка особенно нравилась ему своим горячим сердцем. — Какая же ты стала красивая! Теперь уж я непременно напишу твой портрет... Сегодня же начну!

Все родственники, навещая его, позировали ему; стены были увешаны их портретами, не хватало только Верочки.

— А это нравится тебе? — спросил он, показывая картину, стоявшую на мольберте.

— Мне трудно сказать сразу, — сказала Верочка; картина ей не понравилась, но не хотелось огорчать дядю. — Мне кажется, я вижу то, что уже давно знаю... Все эти девушки мне хорошо знакомы, с ними я ворошила сено, убирала рожь, теребила лен... Все это правда... Но чего-то не хватает... Может быть, я не права... Здесь дано лишь то, что существует, но нет того, что будет... Ну, разве вот эта девушка с золотой звездочкой на груди достигла своего счастья? Разве не с этого дня для нее лишь начинается какая-то необыкновенная жизнь... и какие-то небывалые трудности? А она ни о чем больше не мечтает, она довольна, весела... и никуда больше не стремится... Но ведь это страшно!..

И хотя Верочка не хотела говорить то, что думала, чтобы не огорчать дядю, она продолжала говорить, все больше и больше загораясь желанием высказать волновавшие ее мысли.

Иван Иванович с улыбкой растерянности смотрел то на Верочку, то на полотно, то на свои измазанные красками пальцы и молчал. Верочка приготовила чай. Она рассказывала о своей жизни, о том, как опоздала к поезду, щеки ее налились густым деревенским румянцем, и она стала похожа на мать в молодости. Иван Иванович вспомнил, как сестра девочкой нянчила его, приговаривая: «Слушайся, а то дурачком вырастешь...»

Верочка видела грустное, расстроенное лицо дяди, и ей было досадно на себя: «Ну вот, опять наговорила... испортила человеку настроение!» Ночью она долго не могла уснуть и все думала: «Ужасно скверный у меня характер: что на уме, то и на языке, как у пьяного... Сколько уже врагов я нажила... У меня нет друзей. Меня никто не полюбит... Вот уже трех ухажеров лишилась, всех раскритиковала: Павлик груб, Ванечка малограмотен, Костя — лентяй... Вот и останусь в «вековухах», как говорит мама... Я все ищу идеальных людей, а их, вероятно, нет, и не скоро они будут... Только при коммунизме...»

Услышав поскрипывание кровати и поняв, что дядя тоже не спит, Верочка сказала:

— Дядюшка, голубчик, простите меня... Я ничегошеньки не смыслю в искусстве... наболтала глупостей...

— Нет... почему же глупости? — отозвался Иван Иванович оживленно: ему хотелось разговаривать. — Ты высказала интересную мысль... и я, вероятно, действительно упустил из виду будущее... вернее, движение вперед, и, как фотограф, запечатлел лишь то, что видят все...

— Дядюшка, завтра я постараюсь поскорей погрузить лекарства в вагон и буду весь вечер свободна. Мы пойдем в Художественный. Хорошо? И там будем говорить, говорить...

Утром Верочка отправилась на аптечную базу, а Иван Иванович подошел к своей картине, и она показалась ему такой плохой, что он закрыл ее старым одеялом. Он все ходил из угла в угол, курил и думал.

Потом он поехал в Художественный, купил билеты и стал на троллейбусной остановке, как они условились, с нетерпением ожидая Верочку. Но троллейбусы проходили один за другим, а ее все не было.

Поднялся холодный ветер, закружил пыль. Иван Иванович продрог и вспомнил, что Верочка ушла в одном маркизетовом платье.

Он дождался последнего троллейбуса и в тревоге вернулся домой. Он долго не ложился спать, прислушиваясь к шагам запоздавших прохожих. «Утром явится», — думал он, стараясь уснуть, но сна не было. Верочка не пришла ни утром, ни к обеду. Вечером Иван Иванович пошел в районную милицию и заявил, что пропала родственница, вчера приехавшая из Светлогорска.

Дежурный подробно расспросил его, как была одета Верочка, не имела ли с собой крупной суммы денег, с какой целью приехала, не могла ли заночевать у кого-либо из родственников или знакомых. Иван Иванович, оставив дежурному фотоснимок Верочки, который она прислала еще из техникума, когда она выглядела совсем девочкой, отправился к приятелю — литератору Дорогину, чтобы поделиться с ним своим горем.

— Что с вами, Иван Иванович? — встревожился Дорогин, увидев мрачное его лицо.

— Верочка исчезла, — угрюмо проговорил с порога Иван Иванович.

Выслушав сбивчивый рассказ его, Дорогин позвонил в справочную телефонной станции и, узнав телефон одной из аптек, расспросил, где находится база, снабжающая аптеки. Ему ответили, что имеется несколько баз, нужно позвонить в Аптекоуправление, и там скажут, на какой базе получает лекарства светлогорская аптека. Дорогин дозвонился наконец до базы, и ему сообщили, что Вера Цветикова из Светлогорска еще вчера получила лекарства и с грузом выехала на станцию Бубенцы, где заказывали для нее вагон.

— Ну, спасибо вам! — растроганно сказал Иван Иванович, стиснув руку приятеля. — У меня камень свалился с души. Я уже думал бог знает что... Если бы вы знали, как мне дорога Верочка! Поеду на Бубенцы.

— ...А мы вас вчера ждали,— сказал заведующий базой, просмотрев документы Верочки. — И вагон для вас заказали на вчерашний день. Не знаю, как теперь быть...

— Ничего, грузите на автомашины, а на станции я сама управлюсь,— уверенно заявила Верочка; ей казалось, что на железной дороге так много вагонов, что всегда найдется один для ее лекарств.

Она взобралась на задний грузовик, чтобы

Copyrighted material

видеть машины, идущие впереди, и во-время заметить, если что-нибудь случится с грузом.

Дежурный по станции, молодой человек с добрыми серыми глазами и сердитым голосом, сказал, что вагон действительно был заказан под лекарства в Светлогорск, но это было вчера, и нужно грузить в назначенный день, а не тогда, когда вздумается.

— Вагон передан другому клиенту. У меня вагоны из рук рвут...

— Что же мне делать? — растерянно спросила Верочка.

— Быть аккуратной. Помнить, что для государства дорог каждый вагон, — голос звучал сердито, а глаза улыбались, как бы говоря: «Если бы я знал, что ты такая красивая, я оставил бы этот вагон и на сегодняшний день...»

— Помогите, пожалуйста, отправить лекарства. Вы сами понимаете, какой это важный груз, — упрашивала Верочка, виновато опустив глаза. — Я опоздала по очень серьезной причине... Неужели вы не найдете одного вагона? Не везти же мне лекарства назад, на базу...

— Хорошо, — смягчился дежурный. — Выгружайтесь на платформу. Вагон будет подан. Только вот когда я смогу поставить его под погрузку, не знаю... Вот видите, к чему приводит недисциплинированность... неаккуратное отношение к своим обязанностям, — добавил он поучительно. — Из-за вас я должен оставить груз другого клиента, а он тоже будет требовать, кричать, уговаривать... Вы, клиенты, очень мало думаете о том, что железнодорожный транспорт работает по плану... по определенному графику. Понятно?

Верочке показалось обидным, что ее зачислили в разряд каких-то «клиентов»; это слово прозвучало оскорбительно, как ругательство.

И вот она очутилась на платформе среди выгруженных ящиков, коробок, свертков, от которых шел запах аптеки.

Верочка нетерпеливо посматривала то вправо, то влево, ожидая, что вот сейчас появится маневровая «кукушка» и подтащит к платформе ее вагон, но товарные составы один за другим проходили мимо, обдавая ее холодным душным дымом, пахнущим серой. Она все ходила и ходила вокруг груды пакетов и свертков, с отчаянием чувствуя, как ветер проникает сквозь «воздушное» васильковое платье. Неуемная дрожь охватила ее стынущее тело. С каким наслаждением надела бы она сейчас деревенские чулки из грубой овечьей шерсти, что привез отец!

«А я даже жакет оставила у дяди, дурища! — ругала себя Верочка в приливе раскаяния. — Захотела покрасоваться в своем васильковом платье... Если бы я не опоздала, то все было бы хорошо, я давно была бы уже в теплой комнате... Но я опоздала из-за того, что есть на свете какой-то больной старик и у него — плохой сын... Конечно, я могла бы пройти мимо... у меня была достаточно уважительная причина... Нет, неправда! Нельзя ничем оправдать жестокости, равнодушия к слабому человеку! Я должна была взять его под руку и отвести в аптеку. Но я не должна была идти в дом и читать нравоучения этому грубияну. Как будто он может переродиться оттого, что я считаю его подлецом! Нет, все-таки нужно было дать ему почувствовать, что люди осуждают его за бездушное отношение к отцу! Пусть подумает, не может быть, что у него нет совести!.. Я должна была торопиться на свою аптечную базу, верно... Но если каждый будет торопиться только на свою базу и закрывать глаза на свинства, то что же получится? Крынкин будет спокойно сидеть за книгами, а его слепой отец будет искать на улице близкого человека...»

Нужно было сходить к дежурному, узнать, скоро ли подадут вагон, но нельзя оставить без присмотра лекарства. Попросить кого-нибудь? Но вокруг никого не было, лишь изредка торопливо проходили товарные составы, постукивая на стыках рельсов. Да и кому нужно возиться с ней: ведь она только клиент, не явившийся в срок!

А холод становился все сильней, все злей насвистывал едкий ветер. У Верочки дрожали руки, челюсти, колени, тело как бы распадалось на части. Чтобы согреться, она принялась перекладывать с места на место коробки, свертки, но они вырывались из застывших рук. Слезы заволакивали глаза.

«Я прожила восемнадцать лет, но только сегодня узнала, что такое холод... Вообще, я беспомощное существо. Другой на моем месте давно придумал бы что-нибудь... А я вот всех критикую, а сама чуть не плачу от холода... Нет, я слабая, жалкая, способная лишь возиться с пузырьками в своей теплой аптеке...»

Казалось недостижимым подвигом дождаться вагона и не убежать в первый попавшийся дом, где можно согреться. Раньше счастье представлялось Верочке как нечто необыкновенное, невыразимо прекрасное. Нет, счастье — это тепло.

Вдоль товарного поезда шел человек в брезентовом плаще. В одной руке у него железный прут, а в другой лейка с длинным тонким носом. Он поднимал железным крючком крышку над осью колеса и лил туда что-то темное; опустив крышку, он шел к следующему колесу и проделывал то же самое. Потом поезд тронулся с места, ушел, а человек в плаще направился к вокзалу.

— Товарищ! — крикнула Верочка, удивляясь, что у нее какой-то чужой, хриплый голос. — Подойдите на минутку!

Человек в плаще подошел, и при свете электрического фонаря Верочка увидела девичье лицо.

Copyrighted material

— Голубушка, не знаю, как вас зовут...

— Катя, — сказала девушка певучим, грудным голосом.

— Катенька... милая! Выручите меня, — дрожащим голосом заговорила Верочка. — Зайдите к дежурному, скажите, что я совсем замерзла... все нет и нет вагона... Он знает: из Светлогорска... с грузом для аптеки...

— Да как же это ты в такую даль поехала в одном платьице? — удивилась Катя. — Ты беги-ка сама, кстати и погреешься там, в дежурке, а я постерегу груз... Прямо сумасшедшая, — с ласковой укоризной сказала она вслед убегавшей девушке.

Верочка вбежала в комнату, залитую ярким светом, и ее всю охватило теплом, будто на плечи ей набросили мохнатую шубу.

— Придется потерпеть, девушка, — сказал дежурный, хотя Верочка еще не проронила ни слова. — Вагон будет, но когда, точно не знаю... Запаситесь терпением, девушка.

— Я же закоченею. — Верочка чувствовала, что она не в силах покинуть эту теплую комнату и снова вернуться на платформу, под леденящее дыхание ветра.

— Могу предложить вот это, больше у меня ничего здесь нет, — дежурный снял с себя черный шуршащий плащ и протянул Верочке.

— А как же вы? — спросила она, закутываясь в плащ, еще хранивший в себе тепло человеческого тела.

«Вот и для него я не только клиент», — растроганно думала Верочка, разглядывая усталое лицо дежурного.

— А кто же стережет ваш груз? — спросил он.

— Какая-то Катя... с такой лейкой...

— А-а... это не лейка, а масленка, — дежурный мягко улыбнулся. — Это смазчица Катя Масленникова. Гордость всей нашей дороги. Сталинский лауреат...

— За что же ей дали премию?

— Она предложила новый способ смазки вагонных букс...

— И за это дали премию? — изумилась Верочка.

Дежурный посмотрел на нее с сожалением и покачал головой.

— Это очень важное дело — смазка вагонных букс. От этого зависит бесперебойность, безаварийность движения. Смазчик — это очень важная фигура... Мой отец был машинистом. Он говорил: «Ежели бы каждый в своем деле был хорошим смазчиком, мы намного быстрей прибыли бы на конечную станцию»...

...Злой ветер гудел в телеграфных проводах, но Верочке было тепло в плаще, и она чувствовала себя счастливой.

— Спасибо вам, Катенька, что выручили меня! — Она обняла и расцеловала смазчицу.

— Ну, я пойду спать, — сказала Катя, поднимая с земли длинноносую масленку. — Вон, видишь, огонек влево светится — это наш дом. Я живу на первом этаже. Заходи, ежели случится еще побывать на нашей станции.

Вагон подали только в семь часов утра. Погрузив лекарства, Верочка пришла к дежурному по станции и, снимая плащ, сказала:

— Я никогда не забуду вашей помощи.

Дежурный с улыбкой смотрел на нее, и Верочка подумала, что вот он, вероятно, и есть тот идеальный человек, которого она не могла встретить до сих пор. Ей хотелось, чтобы он предложил проводить ее, но он молчал, писал что-то в журнал. Пора было уходить из светлой теплой комнаты, но Верочка ощущала ту блаженную усталость, какая наступает во всем теле, когда сделано наконец большое и трудное дело. Она присела на диван, чувствуя, что не в силах бороться с дремотой.

Дежурный, надевая плащ, ощутил запах ландыша.

— Мне из-за вас попадет от жены, — сказал он с улыбкой. — Спросит, где был? С кем виделся? Откуда этот запах? Она у меня очень ревнивая...

Верочка резко поднялась с дивана и вышла из дежурки. Она прошла по платформе, еле передвигая отяжелевшие ноги.

«Простудилась, верно... Сейчас бы лечь... укрыться потеплей... Не доеду до дяди, свалюсь...»

Она увидела налево большой дом, вспомнила Катю и, пошатываясь, пошла к ней.

Катя напоила ее чаем с сушеной малиной, уложила в постель и укрыла шубой, от которой шел запах машинного масла. Верочка не могла согреться, ей казалось, что она ступает босыми ногами по снегу, а в руках у нее белые длинные чулки из овечьей шерсти, но она не может остановиться, чтобы надеть их, — нужно спешить: сейчас уйдет поезд... Она бежит, а кругом кричат: «Кто ты такая?! Клиент?!» Ей становится страшно, она открывает глаза и видит Ивана Ивановича и еще каких-то людей в белом. На столике стоит Марья Ивановна в белом чепчике с надписью: «Осторожно! Яд». «Вы почему опоздали? — спрашивает она. — Я всегда считала вас примерным работником...»

«Верочка, — говорит Иван Иванович, наклонившись к ее лицу. — Ты узнаешь меня? Я смазчик... только плохой...»

Нет, это не дядя, это молодой Крынкин с папиросой стоит в дверях и не пускает ее, а ей нужно обязательно войти, и она протискивается в узкую щель; ей нечем дышать, на нее давит дверь все сильней и сильней, и все исчезает в дрожащем мраке...

...Верочка пришла в сознание лишь на четвертый день. Открыв глаза, она увидела дядю: он сидел на стуле возле ее кровати и смотрел на нее с ласковым укором; за ним стояли дежурный по станции в своем черном плаще, Катя, отец и милиционер.

Верочка вспомнила все, что произошло с ней, и с виноватой улыбкой прошептала:

— Простите, что я наделала вам столько беспокойства... Такой уж у меня скверный характер...

Молодая албанка Лири Ходжа из Шкодера.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Copyrighted material

Круя — город исторической славы.

Уголок Албанской Ривьеры.

Владимир СОЛОУХИН

Круя

По горе раскинувшись красиво,
Уж который провожает век
Город, утопающий в оливах,
Город, где родился Скандербег.
Узенькие улочки, кривые;
Дворики с прохладой теневой;
Ребятишки бегают босые;
Ослики бредут по мостовой;
Женщина высокая степенно
Виноград несет на голове...
Развалились крепостные стены,
Только башня тонет в синеве.
Облака спускаются на плечи
Башни, не разрушенной никем.
У ворот, где вспыхивала сеча,
Девочка играет в холодке.
Пусть ворота крепости открыты —
Не сшибут игрунью на песок
Ни турецкой лошади копыто,
Ни фашиста кованый сапог.
Девочка... не ради ли нее-то
Умирали воины от ран —
И суровый воин Кастриота
И Энвера Ходжи партизан.
Будет жить спокойно и счастливо
Год за годом и за веком век
Город, утопающий в оливах,
Город, где родился Скандербег.

Столица Албании Тирана

Copyrighted material

Албанская Ривьера

Назад умчались пажити Фиера,
И влорские оливы позади,
Зеленая Албанская Ривьера
В голубизну хрустальную глядит.
Голубизна действительно хрустальна:
Видать траву и камешки на дне.
Здесь, как в кино, морские смотришь тайны,
Глядишь на рыб, бродящих в глубине.
И как-то раз за новым поворотом,
Где берег был особенно крутой,
Мы разглядели сумрачное что-то
Среди камней под солнечной водой.
Нет, не металла ломаная груда,
А целый танк, ощерившийся зло...
Чудовище нелепое, откуда
Тебя в сады Ривьеры занесло?!
Тяжелый танк едва ли сразу умер,
Но, вспыхнув весь, как будто из смолы,
Наверно, он, от боли обезумев,
Метался здесь и прыгнул со скалы...
Гуляют рыб серебряные стаи,
Волна над ним проносится седа,
Морская соль железо разъедает,
От свастики давно уж — ни следа.
Прекрасный вид: просторно в небе синем,
И все оно в воде отражено,
В садах окрестных зреют апельсины,—
А мертвый танк засасывает дно.

В деревне Милот.

Площадь Скандербега.

Copyrighted material

Участники кружка самодеятельности исполняют девольский танец.

Copyrighted material

В ЛОНДОНЕ

А. СОФРОНОВ

Фото автора.

Снова за окном вагона утро. Голубоватые воды Ла-Манша. На берегу пролива уже какие-то иные, чем во Франции, кирпичные домики с черепичными крышами. Проносятся с двух сторон луга и поля. На лугах тяжелые овцы. Много пестрых массивных коров. В крестьянских дворах высокие кирпичные башни для хмеля, похожие на силосные. Здесь же рядом и плантации хмеля.

Маленькие, с продолговатыми перронами станции. Они безлюдны: сегодня воскресный день. Изредка взгляд на быстром ходу выхватит скучающего железнодорожника — и все. Вдоль дорог и на станциях множество рекламных плакатов. Время близится к девяти утра. Скоро Лондон.

Начинаются предместья столицы Англии. Двухэтажные дома рабочих окраин с тесными дворами. Рабочие поселки вдруг сменяются красивыми особняками с чугунными фигурными решетками ограды, с гофрированными дверями гаражей... Вот уже и сам Лондон. Накрапывает мелкий дождик. Небо все в низко плывущих тучах...

Встречающих поезд довольно много. Женщины с цветами, в пестрых непромокаемых плащах. Напротив вагона стоит человек в клетчатом пиджаке, с острыми рыжими усиками. Он внимательно смотрит на то, как носильщик через окно опускает наши чемоданы на высокий перрон. Через узкую дверь, над которой висит надпись «Для иммигрантов», входим в здание вокзала. В небольшой комнате за высокой покатой конторкой стоит молодой чиновник. К нему небольшая очередь «иммигрантов». Пристраиваемся и мы... Вскоре появляется и человек в клетчатом пиджаке, которого мы видели на перроне. Нам задают вопросы:

— Кто такие?

Отвечаем:

— Журналисты.

— Зачем приехали?

— Посмотреть Англию и рассказать о своих впечатлениях в советских журналах и газетах.

— На какой срок?

— На два месяца.

— Просим вас не задерживаться сверх этого срока,— говорит молодой человек, вертя наши паспорта в руках. Он с трудом произносит русские фамилии, пристально смотрит на нас, сверяя фотографии и приметы, указанные в паспортах: глаза, цвет волос, рост...

В следующем помещении высокий, грузный таможенник, словно лошадей по бокам, похлопывает наши чемоданы и спрашивает:

— Водки нет? Папирос нет?

Содержимое наших чемоданов он не смотрит. И вот мы уже катим по немноголюдному в праздник Лондону. Останавливаемся по соседству с Гайд-парком в «Палас-отеле» на Бейсуотер-род.

Лондон — один из красивейших городов мира. Старинная архитектура, набережные Темзы, строгие мосты. Можно часами любоваться на Трафальгарской площади голубями, доверчиво слетающими вам на плечи. Самое хорошее впечатление оставляют лондонские парки. Много красивых памятников. Особенно много памятников военным. Да это и понятно: Великобритания вела в прошлом немало завоевательных войн.

Лондон — город концентрированной промышленности, с широко развитым, удобным для жителей транспортом. Шумный в центре, на Риджент-стрит, на Оксфорд-стрит, город тих и спокоен в сотнях кварталов, где стоят похожие друг на друга двух-, трех- и четырехэтажные дома. Они настолько похожи друг на друга — узкие, построенные на миниатюрной площадке земли,— что окрашивают их, как правило, в разные тона, чтобы, как говорят сами англичане, «не заблудиться».

В центральной части Лондона, в районе Вестминстера, больше всего замечательных архитектурных памятников старины: здесь высится Вестминстерское аббатство, здесь здание парламента и знаменитые часы с острыми золотыми стрелками. На Даунинг-стрит, неподалеку от Трафальгарской площади, небольшой дом премьер-министра. В районе мрачноватых официальных зданий министерств не так уж много гуляющей публики. Этим улицам лондонцы предпочитают парки или шумную, фантасмагорическую в вечернее время улицу Пикадилли: тут всегда можно видеть скопища иностранцев, приехавших в Лондон повеселиться, развлечься. Здесь самые дорогие кинотеатры, ночные рестораны. Сейчас Пикадилли — центр притяжения для американской военщины, главным образом летчиков. Так как в военной форме они слишком уж «заметны», был отдан приказ появляться на улицах в гражданской одежде. Это не значит, конечно, что совсем не увидишь военных. Среди худощавых англичан и застенчивых шотландцев в пестрых клетчатых юбках довольно часто мелькают военные в серой форме, на петлицах которых тускло поблескивают все те же две буквы: «U. S.». Впрочем, и без формы можно распознать на Пикадилли стоящих группами по три — четыре человека американских летчиков в голубых брюках, синих легких пиджаках, белых рубашках, на которых яркими пятнами распластались галстуки невероятной пестроты. Они ходят по Пикадилли, весьма откровенно разглядывая женщин и девушек. Кутежи составляют их главную цель в эти вечерние и ночные часы. Рядовой американский солдат, состоящий на полном довольствии, получает вдвое больше денег, чем квалифицированный английский рабочий или средний чиновник.

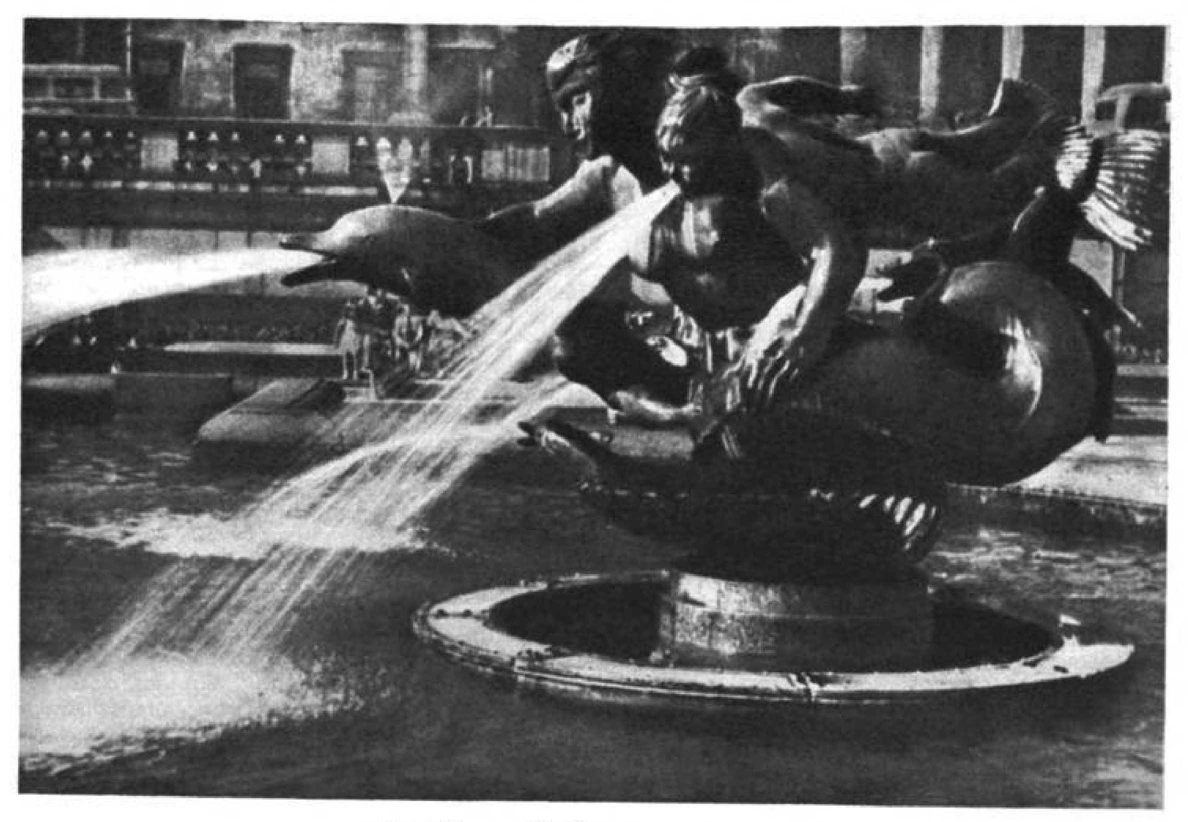
Как-то вечером на Пикадилли мы зашли в небольшое кафе. В течение часа наблюдали, как американский летчик угощал английскую девушку, постепенно вливая в нее небольшими порциями коньяк. Раскрасневшаяся девушка что-то щебетала ему, а он молчал и только смотрел на нее чуть прищуренными глазами. Потом они ушли. Сидевший за соседним столиком лондонец сказал им вслед:

— Скоро появится еще один незаконнорожденный...

Фраза, брошенная англичанином, не была случайной. Говорят, что в Англии тысячи незаконнорожденных детей, отцами которых являются американские военные. Этот вопрос многих волнует. Как только американец отслужил свой срок, он уже вообще недосягаем. Немало печальных драм разыгрывается на этой почве...

Лондон — такой огромный город, что трудно охватить его сразу. Первые дни мы бродили по улицам, впитывая в себя без всякой системы разнообразные впечатления. Много раз мы возвращались на Трафальгарскую площадь: здесь всегда людно. Возле огромного бассейна с фонтанами, с дном, облицованным голубовато-зеленой красивой плиткой, отчего и струи воды кажутся яркоголубого цвета, можно увидеть и школьниц в удобной светлозеленой форме, и морячка со своей подружкой, обязательно в обнимку — так уж принято,— и безработного, с безразличным видом смотрящего на воду. Иногда к фонтанам завернет человек, которого называют «сэндвич». На торговых улицах много таких «сэндвичей». Закован человек, как в панцырь, в рекламные щиты, на которых всякие призывные слова о продаже плащей, туфель и прочего... Сам он в плохонькой одежде, в стоптанных башмаках. За несколько шиллингов он бродит по Лондону целый день. В тихую погоду еще ничего; когда же подует ветер, полуголодному человеку трудно ходить. Такая реклама — плохой парус для жизни человека.

На Трафальгарскую площадь окнами выходит здание Национальной картинной галереи. А под окнами ползают два человека. Это уличные художники. Цветными мелками они рисуют на тротуаре. Рядом с ними лежат шляпы, не густо наполненные мелкими монетами. В Англии существует закон, запрещающий нищенство. Человек должен работать. Художники «работают»... Один из них черными, белыми и коричневыми мелками рисует собачьи головы. Профили догов, гончих собак смотрят на вас с тротуара.

Бассейн на Трафальгарской площади.

Фото К. Беляева.

См. «Огонек» № 47.

Copyrighted material

Другой художник — пейзажист. У него синие, зеленые, розовые мелки. Он рисует гору, поросшую лесом. Под горой красный с черным зàмок. Лицо у художника тоже меднокрасное, обветренное. Руки от постоянного ползания по тротуару грязные, почти черные, и все же на рубашке, потерявшей цвет, завязан вытертый, замасленный галстук. Мы разговорились, спросили, откуда он.

— Из этого графства [1],— показывает он на нарисованный им зàмок.— А на эту гору я взбирался ребенком... Конечно, я предпочел бы работать на холсте, но для покупки холста у меня нет денег... Да и трудно продать картину!

Посетители, выходящие из Национальной картинной галереи под свежим впечатлением от полотен Рембрандта, наталкиваются на этих ползающих по тротуару людей — и в шапки летят одинокие мелкие монеты.

Один знакомый лондонец в ответ на мои взволнованные слова как-то спросил:

— Неужели и вы собираетесь в своих записках писать о них?

— Конечно!

— Напрасно.

— Почему?

— Уже многие писали... И потом англичане просто не любят, когда об этом пишут.

— Но почему же это существует?

— Каждая страна живет по-своему... У каждого народа свои порядки.

— Я не собираюсь критиковать порядки. Я расскажу нашим читателям только то, что видел.

Разговор происходил в воскресный день в самой деловой части Лондона — в Сити. Здесь помещаются конторы трестов, банков, компаний. В рабочие дни эти узкие улицы кишмя кишат деловым людом. В воскресный же день они пустынны. Только несколько благообразных джентльменов неторопливо брели по направлению к собору св. Павла.

Проходя мимо одной из редакций на Флитстрит, мой знакомый сказал:

— Тяжела у нас профессия журналиста. Все время им приходится писать неправду. Я както напустился на одного: «Как вам не стыдно: ведь не было того, что вы написали!» Он даже не отвел глаз в сторону: «Да, не было. А попробуй напиши другое — не будут печатать... А у меня семья, я могу потерять работу». И он прав, конечно...

— Как так прав?

— В том смысле, что он действительно может потерять работу...

Я сказал, что меня удивляет та несусветная чушь, которая печатается подчас в некоторых английских газетах о Советском Союзе и, в частности, о советской литературе и советских писателях.

— А что же, вы хотели иного?

— Конечно. Хочу правды, объективности...

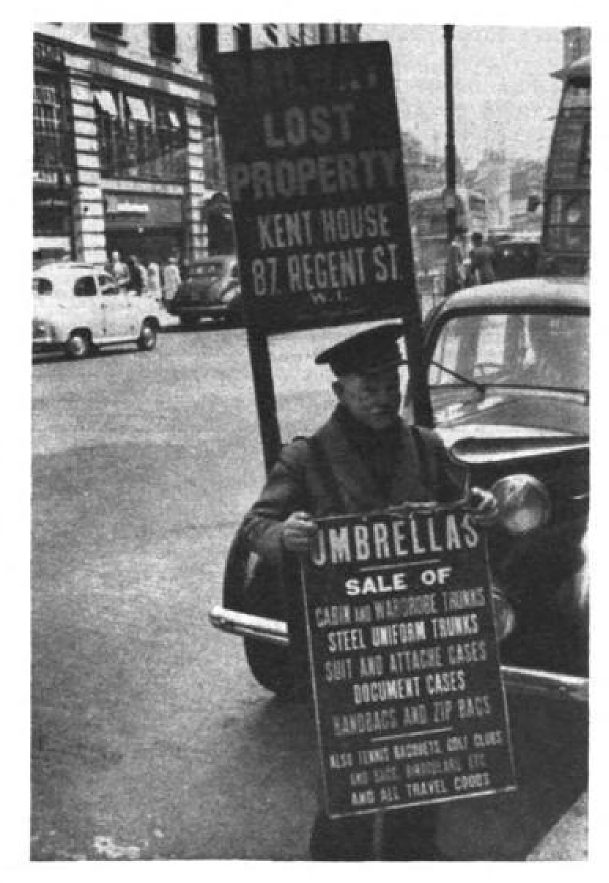
Мой спутник засмеялся:

— Вы наивный человек. Разве они допустят?

— Кто они?

— Они. — Он указал в сторону Сити.

Во время войны Лондон подвергался зверским бомбардировкам гитлеровской авиации. Сюда же с бессмысленной жестокостью фашисты направляли свои «фау». Много было разрушено домов, тысячи людей погибли под обломками зданий. Особенно много развалин здесь, в районе Сити. Идешь — и видишь обожженную, еще не отшлифованную временем стену, лестницы, никуда не ведущие, оскалы пустых дверей и окон. Неподалеку от собора св. Павла какое-то разрушенное здание, поросшее травой. Колышутся под ветерком уже успевшие вырасти после войны небольшие деревца. На черном щите белыми буквами надпись, сообщающая прохожим о том, что здесь когда-то была школа. Часть разрушенных зданий прикрыта многометровой рекламой. Кое-где дома строятся, но все же еще много, очень много развалин в Лондоне. Я спросил своего спутника: почему при отличной строительной технике так медленно застраиваются развалины?

— Разве дело в технике? Участки с развалинами, как правило, принадлежат частным лицам. В одних случаях их не продают — собственность! — в других готовы продать, но нет покупателей. Некоторые владельцы таких участков еще тешат себя мыслью о лучших временах, когда они сумеют подняться вместе со своими зданиями... А некоторые просто перепуганы...

— Чем же?

— Атомной истерией...

Мы зашли в кинотеатр. Шла пустенькая американская комедия. В зале сидели и американцы. Они гоготали во все горло, хватали за бока продавщицу мороженого. Сидящие вокруг англичане отворачивались. Когда замелькали кадры кинохроники, достоинство которой, кстати, в том, что она появляется буквально через день — два после того, как снята, американцы притихли. На экране мы увидели американский авианосец, на котором происходил пожар. Отрывистый голос диктора сообщал о том, что около двухсот американских солдат погибли или оказались тяжело раненными... Зал в молчании смотрел, как санитары проносят на носилках обезображенные тела моряков. Затем появились кадры, показывающие какое-то ультрасовременное спортивное состязание: борьба, бокс — все вместе, двое против двоих. Американцы опять начали орать, бросать одобрительные реплики, но вдруг притихли. Они разглядели, что пара, которую нещадно колошматили, была американская. Два здоровенных японца били их лбами, кулаками наотмашь в живот, подмяв под себя, бросали на ринг, а окровавленные американцы ползали на четвереньках...

Во время сеансов обязательно показывают какую-нибудь рекламу... Что только не рекламируют на экране! И духи, и драгоценности, и порошок для чистки посуды... Рекламируют в рифму, с песнями, с помощью драматических диалогов, инсценировок... Когда на экране появляются кадры рекламы, в зале начинаются смешки: одно и то же! Обычно заканчивается такая реклама кадрами, на которых заснята продавщица мороженого... На мгновение зажигается свет — и вот меж рядов направляются продавщицы мороженого, одетые точно в такую же униформу, что и на экране...

В центре города да и на окраинах можно наблюдать возле кинотеатров такую картину. Очередь за билетами выстроилась на улице. Стоят терпеливо и час и другой, особенно в субботние и воскресные дни. А здесь же какой-либо певец в сопровождении аккордеониста или гитариста поет песни, арии из опер и оперетт. Очередь стоит молчаливо. Певец и аккомпаниатор закончат пение, пройдут вдоль очереди с шапкой в руках. В шапку сыплются мелкие монеты. Затем все начинается сначала. На Пикадилли мы слышали, стоя в очереди у кино, человека, чем-то неуловимо похожего на Чарли Чаплина. Он пел арии из «Травиаты» и «Паяцев». Голос его, правда, дребезжал на высоких нотах. У него были маленькие черные усики и черные печальные глаза. Мне дважды приходилось видеть последнюю картину Чаплина «Огни рампы» — грустную историю старого клоуна, которого сломала жизнь. Там есть сцены, очень похожие на то, что мы видели на ярко сверкающей улице Пикадилли.

У самого входа в кинотеатр стояла седая женщина с изможденным лицом и тоже «пела». Она не могла быть конкурентом печальному тенору с черными глазами. Женщина только пыталась петь, но из ее уст вылетали лишь отрывистые хриплые звуки. И все же она не могла просто просить милостыню, она должна была «работать»!

В магазинах Лондона очень вежливые и предупредительные продавцы. Вам не дадут, скучая, ходить по магазину, всегда предложат что-либо купить. Правда, в магазине иногда продавцов больше, чем покупателей.

Удивляет на улицах Лондона большое количество собак, причем собак не бездомных. Некоторые леди идут на прогулку, держа на по-

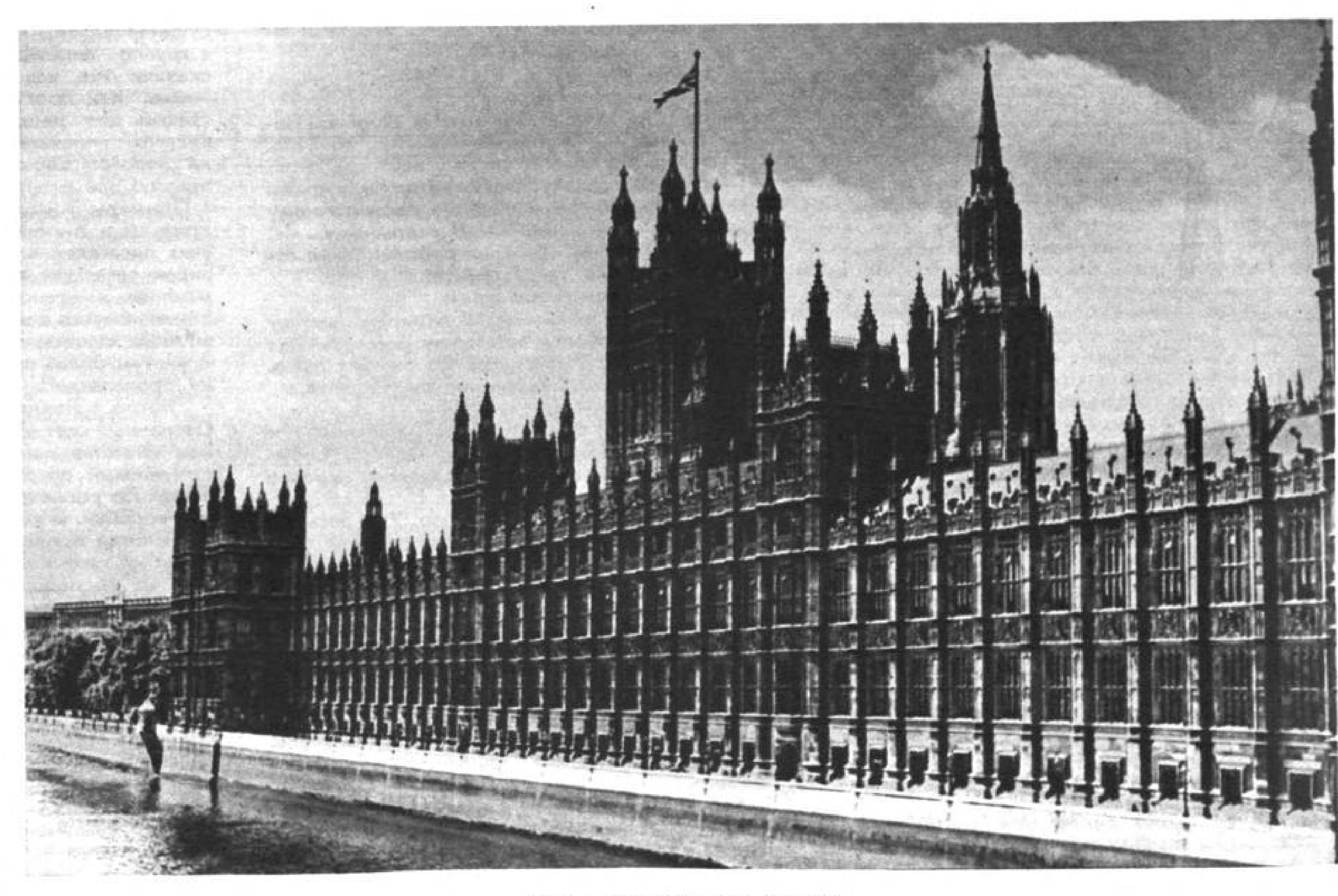
[1] Графство — провинция.

Copyrighted material

водках целую упряжку эрдель-терьеров, пуделей, боксеров... На одном из кладбищ у самого входа мы увидели большой памятник, на котором среди людских фигур была изваяна и голова собаки. Оказалось, что похоронена здесь умершая в 90-летнем возрасте вполне достойная леди — любительница собак. Голову одного из своих четвероногих любимцев она пожелала включить в общий ансамбль надгробия...

В Англии чрезвычайно распространены собачьи бега. Ничего общего со спортом это не имеет. По рельсе запускается электрический заяц, за ним пускают гончих. Каждая из них с лаем и визгом бросается за зайцем. Догнать его ни одна не догоняет, но пришедшая первой к финишу доставляет радость одним и печаль другим посетителям собачьих бегов, играющим на тотализаторе.

Один наш знакомый инженер, англичанин, рассказал довольно забавную историю, характеризующую до какой-то степени категорию постоянных игроков на собачьих бегах.

Здание парламента в Лондоне.

Фото В. Кусова.

У одного человека была хорошая собака. Она часто приходила на бегах к финишу первой и была довольна своей участью. Не был только доволен владелец собаки: слишком много искателей счастья ставили на нее. Сумма выигрышей распылялась по многим карманам, не принося желаемой добычи самому владельцу. Если бы пес знал, какие думы и страсти кипели в голове его хозяина! И вот хозяин решился на жульническую комбинацию, не лишенную остроумия. Долгое время он искал собаку, которая была бы похожа шерстью, глазами и всей собачьей статью на его рекордиста. Искал он долго, но в конце концов нашел двойника. Прошел некоторый срок — двойник был обучен и в одном из забегов пущен за зайцем. Тысячи людей поставили на эту собаку — проиграли: двойник не обладал резвостью оригинала и пришел последним. Игроки были обескуражены, но не сразу отказались от своего фаворита. Изобретательный владелец повторял этот трюк до тех пор, пока на его собаку не перестали ставить. Это только и было ему нужно. Он привез на бега застоявшегося фаворита — и выиграл целое состояние... Кончилась эта длинная история тем, что изобретателя судили за мошенничество и приговорили не то к 5, не то к 8 годам тюрьмы. Право, собаки неповинны в таких махинациях!..

...Англичане очень любят спорт. К сожалению, летом футбольный сезон кончается, и мне не пришлось увидеть ни одного футбольного матча. Только несколько матчей на первенство мира, передаваемых из Швейцарии, я видел в Лондоне по телевизору. Особенно любят англичане теннис — об этом говорит обилие теннисных площадок в любом городке. Как правило, в теннис начинают играть в школьном возрасте. Частенько в Англию приезжают американские спортсмены. С каждой встречей отношение к ним все более скептическое, нередко переходящее в открытое недоброжелательство. Происходит это оттого, что американцы очень некорректны в спорте, грубят, относятся к англичанам во время спортивных встреч подчеркнуто пренебрежительно. Один прогрессивный журналист, с которым мы увиделись после такой спортивной встречи, сказал мне:

— Англичане стали хуже относиться к американцам.

За последнее время интерес в Англии к американцам и к тому, что делается в Америке, заметно усилился. Когда один из моих лондонских собеседников, человек с аналитическим умом, сказал мне об этом, я удивился:

— Откуда такое повышенное любопытство? Видно ведь, что многих англичан американцы раздражают!

— Да, вы правы, — сказал собеседник, — и, может быть, именно потому и появился такой жгучий интерес. Англичане, вы знаете, — народ довольно консервативный, достаточно уверенный в себе. Что Америка? Франция, например, от нас рукой подать, через Ла-Манш, — и то не так уж глубоко мы интересовались внутренней жизнью соседки, ездили в Париж только развлекаться... Сейчас другое время. Разные слои общества, зачастую по совершенно не совпадающим причинам, начинают испытывать недовольство, а иногда и прямую ненависть к американцам... Недавно по телевизору мы имели возможность наблюдать пресловутый процесс Маккарти. Вы думаете, это было из-за страсти к сенсациям? Совсем нет... Англичане хотят знать, какие силы движут внутренним механизмом Америки. Они начинают понимать, что мы все больше становимся в подчиненное положение... А это вызывает все большее раздражение у самых разных людей. Вы знаете Гайд-парк? Это святая святых для жителей Лондона. Английских солдат там можно видеть только на отдыхе, прогуливающимися, а американцы муштруют там своих моряков. Все в Англии знают, что в сельских местностях сокращается количество пахотной земли из-за того, что там американские аэродромы. Американские солдаты разлагают молодежь... О девушках уж говорить не приходится! Но и английские юноши вовлекаются в разные авантюры, обучаются американцами разным гадостям. Это все знают, видят, некоторые из-за боязни закрывают на это глаза, но на душе оседает горечь. Люди у себя по квартирам называют все это оккупацией. Англия за всю историю своего существования не была в таком положении, не испытывала такого позора. Недавно в Лондоне покончил с собой один лорд... Подлинных причин, почему этот старый человек покончил с собой, я не знаю. Род, из которого он происходил, был один из самых древних. Когда-то этот лорд владел самой бедной, самой неблагоустроенной частью Лондона. Имя его было ненавистно беднякам... Но он не мог согласиться с тем, что Англия поставлена в положение «младшего партнера», и примкнул к движению сторонников мира...

А вспомните историю с «Тайм»! Есть такой грязненький американский журнал. Владельцы журнала довольно легко получили право на печатание его в Лондоне. Начали строить дом, затратили большие деньги, но потом оказалось, что подписчиков на журнал в Англии не нашлось. Пришлось американцам отказаться от этой затеи.

Подобные факты, конечно, нельзя переоценивать, — продолжал мой собеседник. — Но это все-таки факты, а не выдумка... Во всем этом, пожалуй, нет еще ненависти, но есть какое-то, часто неосознанное — у одних от обиды, у других от природной гордости, у третьих просто, что называется, от сердца — сопротивление американской политике... Я вам говорил о лорде... Это — одно. А есть и другое. Я был свидетелем забавного эпизода. Я зашел както в одну бакалейную лавку. Около прилавка стоял покупатель и грубо разговаривал с продавщицей... Она терпеливо, но довольно зло слушала его, а затем вдруг закричала: «Убирайтесь вон отсюда!» Покупатель, ничего не купив, ушел. Задохнувшаяся от злости продавщица сказала мне: «Не хочу я иметь дела с этими американцами!» Самое смешное — то, что покупатель... был англичанином. Так, видите, самое слово «американец» становится иногда ругательным. Между прочим, сходите как-нибудь в театр. У нас тут с большим успехом идет довольно язвительная комедия «Чайный домик под августовской луной». Лондонцы с удовольствием смеются на спектакле, потешаются над американцами...

В эти же первые дни пребывания в Лондоне довелось нам побывать в гостях у замечательного английского писателя Джеймса Олдриджа, известного советским читателям по книгам «Морской орел», «Дело чести», «Охотник» и «Дипломат». Недавно в Лондоне вышел последний его роман, «Люди пустыни». Мы поднялись по неширокой лестнице на четвертый этаж. Позвонили. Открыл нам двери Олдридж, голубоглазый, светловолосый, с открытым, улыбающимся лицом. Был он в простой рабочей синей куртке и белой рубашке с широко повязанным галстуком. Мы были знакомы с ним еще по встречам в Москве, когда

Copyrighted material

он выступал на торжественном заседании, посвященном столетию со дня смерти Н. В. Гоголя. Все собравшиеся горячо аплодировали тогда его глубокой, смелой, темпераментной речи.

Вместе с ним встретила нас и его жена Дина. Снимает Олдридж небольшую квартиру, обставленную скромно, но с большим вкусом. У Олдриджа двое детей: мальчик, которому еще нет года, и сын постарше. Супруги Олдридж готовились к отъезду во Францию, ближе к теплу: старший сын у них прихварывал. Олдридж выносил его из детской к нам на руках. Поездку эту неожиданно пришлось отложить: Олдридж попал вместе с женой и ребятишками в автомобильную аварию. Уже в конце моей лондонской жизни я видел его вторично, после того, как ему было наложено на голову восемь швов.

В первую нашу встречу Олдридж много и горячо говорил; чувствовалось, что он глубоко о чем-то думает, что есть у него потребность поделиться своими думами. Я спросил его, не работает ли он над новой книгой. Олдридж в ответ широко расправил грудь:

— Набираю воздух.

Я сказал, что его книги пользуются большим успехом у советских читателей. Вышло уже два издания «Дипломата» большими тиражами, но в магазинах их нет: моментально распродали. В библиотеках на эту книгу большие очереди. Герой романа Мак-Грегор пользуется большими симпатиями у наших читателей. Они всегда с интересом следят за судьбой полюбившихся им героев.

Я спросил Олдриджа:

— А что сейчас делает Мак-Грегор?

Олдридж улыбнулся:

— Я оставил Мак-Грегора, когда он возвращается в Персию... Что он делал три года назад, я бы мог сказать, но что сейчас,— не знаю.

— А почему бы не списаться с ним, все-таки он хороший человек, Мак-Грегор,— сказал я в шутку.

Олдридж вдруг стал серьезным:

— Да, конечно... Но вы знаете, я стараюсь здесь, в Англии, увидеть таких людей, как Мак-Грегор.

— И что же, удается?

— Да! В Англии тоже есть такие.— Олдридж назвал фамилию одного профессора, мужественного борца за мир.— А за Мак-Грегора можно быть спокойным. Однажды став на этот путь, он никогда не свернет с него. Он сделает все, что сможет сделать на этом пути.

Я сказал ему, что многим нравится в «Дипломате» описание военной Москвы: изумительно тонко подмечены бытовые подробности той поры. Я назвал, в частности, место в романе, где самолет, в котором летят лорд Эссекс и Мак-Грегор, делает вынужденную посадку...

Олдридж улыбнулся.

— Вас, вероятно, удивили эта девушка и советский солдат ночью в крестьянской избе? Тут, правда, есть некоторая писательская вольность. Дело в том, что в начале 1944 года мы с Диной — она была тогда египетской журналисткой — вместе с другими иностранными и советскими журналистами были на проводах югославской дивизии на фронт. Дивизия стояла километрах в ста под Москвой. Был, по-моему, февраль или начало марта. Много снега, морозно. Проводы затянулись. Только поздно вечером мы отправились в Москву. В дороге автобус испортился, мы зашли в крестьянскую избу погреться. Чинили автобус довольно долго... Все то, что описано в этой сцене в «Дипломате», мне довелось наблюдать в той избе. Видите, как полезны иногда для писателя неожиданные происшествия!

Олдридж жадно расспрашивал о том, что нового есть в советской литературе, о последних литературных дискуссиях, о литературных новинках.

— Передайте самые горячие приветы Леониду Леонову, это замечательный писатель. Два года назад он мне говорил при встрече в Москве о том, что работает над новым романом. Закончил ли он его?

Я сказал, что роман «Русский лес» закончен, напечатан в журнале «Знамя» и что Леонид Максимович готовит роман для отдельного издания.

— Как жаль, что я не имею возможности читать его в оригинале, придется ожидать перевода на английский язык...

Я спросил Олдриджа, каким тиражом вышел его «Дипломат» в Англии.

— О, у нас очень маленькие тиражи... Несколько тысяч... Это очень немного, конечно.

— Какая же оплата прозы у вас?

— Гонорар за эту книгу, которую я писал три года, равен трехмесячному прожиточному минимуму, и, конечно, очень скромному...

Я был потрясен. Три года работы! Такая отличная книга — и такая оплата!

Олдридж снова улыбнулся:

— Не расстраивайтесь... В перерыве между большими книгами я еще пишу рассказы для журналов... Разумеется, делаю это не очень охотно... Вот сейчас написал три рассказа...

— О чем они?

— Два об австралийском мальчике и один — об американском журналисте, побывавшем на Женевском совещании и многое увидевшем.

Долго мы сидели в этот вечер. Уже засыпал за окном Лондон. Дремал в клетке возле окна маленький зеленовато-голубой попугай... Мы попрощались, договорившись о будущей встрече.

Я шел в гостиницу и думал об Олдридже. Нельзя сказать, что книги его не издаются. Они издаются, но печатаются тиражами не более трех — пяти тысяч. К тому же книги Олдриджа и других прогрессивных писателей, как правило, недоступны для массового читателя. Не по вине писателя, конечно, книги стоят дорого.

В Англии существует широко разветвленная сеть так называемых «аптек». Это магазины, в которых продают наряду с лекарствами и парфюмерией также и писчебумажные принадлежности, мочалки, собачьи ошейники, фотопленки, мазь для обуви, рождественские открытки, дешевые драгоценности и т. п. В «аптеках» есть и книжные отделы, там в глазах рябит от дешевых «комиксов» и всяческой американской гангстерской литературы. Но здесь можно найти и хорошо изданные книги, «неопасные» для широкого читателя, с официальной точки зрения. Здесь вы можете купить, например, книги аристократического баловня, писателя Сомерсета Могэма.

О Могэме журналист Джек Истен в английском журнале «Иллюстрейтед» недавно писал так:

«Каббалистический знак, который стал уже привычным на супер-обложках пятидесяти миллионов экземпляров книг Сомерсета Могэма, бросился мне в глаза, когда я проходил через ворота его виллы; знак был вырезан на высоте в четыре фута на чисто выбеленном столбе у входа. Здесь, в Сен-Жан-Кап-Ферра, веселом, малонаселенном уголке Французской Ривьеры, живет этот самый удачливый в мире писатель. Вилла, окруженная четырнадцатью акрами широко разросшегося сада, является домом родившегося в Париже англичанина, который в возрасте 80 лет все еще пишет книги, покупаемые нарасхват».

И дальше: «Могэм, драматург, эссеист и автор рассказов, в то же время изучает мистические культы. Он сам объясняет причину этого. «Мой отец,— говорит он,— был неутомимым путешественником и натолкнулся на этот знак в Марокко. Это было более ста лет тому назад. Он уверовал в этот знак, а позднее уверовал и я. Для чего этот знак служит? Он предохраняет от злого глаза».

Напрасно английский журналист, сообщающий о больших гонорарах Могэма, напускает туман, говоря, что Могэма охраняет «от злого глаза» начертанный на воротах его виллы «каббалистический знак». У Могэма, похожего в вышитых шелковых штанах и шелковых туфлях на «почтенного мандарина», в числе гостей бывают, как свидетельствует тот же корреспондент, «короли и королевы, принцы и принцессы — герцог и герцогиня Виндзорские его частые гости,— бывают и промышленники...»

Таким образом, ясно, кто охраняет Могэма «от злого глаза». Для мистика Сомерсета Могэма, далекого от народной жизни, фальсифицирующего ее в угоду своим знатным гостям, открыты все книжные магазины... Он находится под надежной защитой.

А писатели, пишущие правду жизни, заботящиеся о том, чтобы люди всех стран жили в мире и дружбе, вынуждены вести борьбу за существование. Один из вечеров я провел с группой английских писателей, которые рассказали мне, как трудно заработать себе на жизнь. Как противно для заработка писать стишки для рекламы! Как трудно честному писателю поехать, к примеру, в Кению или на Золотой Берег и рассказать о виденном правду! Все равно не напечатают.

Однажды Айвор Монтегю поведал своим друзьям в Англии, что в доме отдыха советских писателей в Малеевке, под Москвой, он видел советских поэтов, купивших себе автомашины на гонорар, полученный за книги стихов. Ему не поверили. Что вы? Разве можно вообще существовать на гонорар за стихи? А уж тем более покупать автомашины? Выдумка, пропаганда!..

...Жизнь в Лондоне начинается ранним утром. Солнечный свет ударяет в открытое окно. Шумят напротив в парке зеленые деревья. Нескончаемый поток автомашин проносится по улице. По утрам на подоконник прилетают юркие воробьи. Я кормлю их хлебными крошками. Иногда прилетит солидный серый голубь, взмахнет тяжелыми крыльями и улетит. По утрам из гостиничного ресторана официантка приносит завтрак: два тоненьких поджаренных тоста, кусочек — очень тоненький — бекона с одним яйцом, розетку апельсинового джема и чашку кофе. Признаюсь, вначале нам это все казалось очень мало. Впереди был день ходьбы и путешествий по Лондону... Потом мы привыкли, так сказать, втянулись... Жена английского инженера, у которого я был в гостях, сказала мне:

— До войны мы питались лучше, сытнее. Во время войны были карточки, они держались и долгое время после войны. Мы привыкли к скромному рациону. А сейчас, видимо, питаемся так уже по выработавшейся привычке...

Я не спорил. Но были смешные разговоры на эту тему. Горничная, ежедневно приходившая по утрам убирать наши номера, увидев на столе у Бориса Агапова пустые тарелочки от еды, спросила нас:

— Нравится вам наше питание? Вы ведь в России, говорят, голодаете?

Мы рассмеялись.

— Почему вы смеетесь? Об этом писали в наших газетах.

Мы ей сказали, что не все газеты, видимо, пишут правду о Советском Союзе.

Кажется, она нам не поверила.

Вообще горничная эта любила поговорить.

— Русские плохие, англичане хорошие,— говорила она мне.

— И русские хорошие и англичане хорошие,— отвечал я ей.

Она недоверчиво качала головой. Такие беседы происходили довольно часто. Как-то на столе она увидела свежий номер «Огонька». Осторожно взяла в руки журнал, начала перелистывать, заинтересовалась, потом спросила, указывая на снимок, показывающий наших детей на спортплощадке:

— Это правда?

— Конечно, правда.

Тень раздумья набежала на ее лицо. Молча взялась она за пылесос...

Однажды в номер пришел один из служащих гостиницы и принес мне отданный для глажения костюм. В номере у меня в это время находился переводчик. Пряча в карман чаевые, служащий спросил:

— Вы русский?

— Русский.

Он постоял, подумал, потом сказал:

— Я знаю русских... Они меня освободили в Дрездене из немецкого концлагеря.

Он поклонился и вышел из номера. Позже, много раз встречаясь со мной, он всегда приветливо улыбался.

...Такими были первые дни моего пребывания в Лондоне. Жизнь кипела на улицах этого огромного города. Газеты обсуждали в ту пору волновавшие всех события Женевского совещания, планы поездки группы членов лейбористской партии во главе с Эттли в Китай. В Палате общин дебатировался вопрос о повышении жалования членам парламента с 1 тысячи фунтов до 1 500... В печати спорили на тему о том, надо ли пускать геликоптер для пассажирского сообщения из аэропорта в центр Лондона...

Жизнь шла своим чередом.

Copyrighted material

Местом действия своего нового романа — «Люди пустыни» — Джеймс Олдридж избрал Ближний Восток — край безбрежных пустынь, где кочуют арабские племена, но где уже родился новый тип араба-пролетария, вступающего в борьбу против своих и чужеземных угнетателей.

Герой романа Гордон — молодой английский офицер, воевавший в этих местах в годы второй мировой войны. Он одержим идеей помочь кочевым арабским племенам свергнуть марионеточные правительства, поддерживаемые штыками и самолетами колонизаторов-империалистов. У Гордона честные побуждения, но цель, которую он ставит перед собой, утопична. Он ошибочно полагает, что все зло в современном мире проистекает от... машины, от индустриализма. Образцом человеческой свободы Гордону представляется «естественная дикость» кочевника-араба. Этому своему «идеалу» он и решает посвятить жизнь.

Гордон непримирим в своем заблуждении, и это приводит его к конфликту с прогрессивными элементами из среды арабов-горожан. Представителем этих последних является в книге Зеин-аль-Бахрази — «человек, способный побудить десять тысяч рабочих нефтяных промыслов сложить руки и отказаться работать», «механик революции», как называет его сам Гордон.

Зеин решительно расходится с Гордоном во взглядах на будущее народов Аравии. Зеин считает, что богатства родной земли, включая и захваченную империалистами нефть, должны принадлежать всему арабскому народу — крестьянам, горожанам, кочевникам пустынь; что знание машины, овладение ею положат конец жалкому, полуживотному существованию кочевого араба.

Гордону грозит одиночество, но он слишком упрям и индивидуалистичен, чтобы пересмотреть свои взгляды. Его поступки все больше носят характер безрассудных авантюр.

После военной неудачи возглавляемого Гордоном отряда кочевников он возвращается в Англию, дав английским властям слово больше «не вмешиваться в арабские дела». В Англии он отклоняет попытки буржуазных политических дельцов использовать его для своих целей; но Гордону, одержимому «пустынной утопией», в одинаковой степени чуждо и рабочее движение, в ряды которого его пытается вовлечь любимая девушка. В конце концов Гордон возвращается на Ближний Восток.

Здесь он находит большие перемены. Прогрессивные идеи Зеина проникли в толщу кочевых племен. Арабы освобождаются от бесплодного призрака «первобытной свободы пустынь» и начинают усваивать идеи народной демократии. Гордон попрежнему готов руководить отрядами кочевников, подготовляющих теперь захват английских нефтяных промыслов. Но у Гордона тайная цель: взорвать, уничтожить промыслы, этот очаг ненавистной Гордону индустриальной культуры.

Промыслы взяты штурмом. В истерическом припадке Гордон ищет рычаг для включения тока: заминированные сооружения промыслов должны взлететь на воздух! Арабы из его же отряда, приняв в темноте Гордона за диверсанта, подосланного колонизаторами, стреляют в него и смертельно ранят.

В минуты просветления перед смертью Гордону становится ясным, что его попытку разрушить промыслы после того, как они попали в руки арабов, одобрил бы даже генерал Мартин, командующий английскими войсками в этом районе. Гордон понимает, что, несмотря на свою искреннюю преданность арабскому народу, он против собственной воли чуть не стал слепым орудием в руках колонизаторов.

«— Я не хочу больше видеть нашу Аравию разобщенной и разоренной,— говорит вождь племени Хамид умирающему Гордону.— Наша свобода придет через машину, которой ты боишься. С нею мы создадим новый мир, подчиним себе время, нужное нам для жизни, для знания, для свободы».

Ральф ПАРКЕР

Люди пустыни

Глава из романа

Джеймс ОЛДРИДЖ

Рисунки В. Высоцкого.

Наутро прибыл в бронемашине Смит. У него был деловитый вид профессионального военного, осматривающего позиции противника. От защитных очков вокруг глаз образовались черные круги, и, не успев выпрыгнуть из тесной дверцы, он сразу стал отплевываться грязью.

Гордону очень не хотелось вставать и нарушать приветствием полуденную знойную тишину. Но когда до него донеслись из бронемашины слова на бахразском наречии: «Где он, этот араб, этот лорд пустыни?»,— Гордон живо вскочил на ноги и радостно закричал:

— Зеин! Зеин!

Они обнялись, два человека, внешне похожие друг на друга, как близнецы, но один — весь безрассудная отвага Запада, другой — воплощение несгибаемой силы семитического Востока. Гордон приплясывал босыми ногами на горячем песке. Оглядываясь, нет ли поблизости тени, он сказал:

— Но скажи же во имя Аллаха! Зачем ты пожаловал сюда, генерал, командующий народной армией? Почему генерал не ведет уличных боев в Бахразе, не штурмует мастерские, почтовые конторы? А? Отвечай! Привет, привет гостю!

Гордон не впервые с радостью открывал для себя бахразца. Они уже встречались после того, как Гордон возвратился в пустыню из Англии. Гордон вспомнил, с каким забавно-серьезным вниманием следил молчаливый Хамид за тем, как они от сумерек до зари снова яростно спорили, побивая друг друга оружием двух противоборствующих догм. Потом они расстались дружески, как того требовало их давнее братство.

После пребывания в Англии это старое — или новое — братство превратилось для Гордона в простое тяготение к «человеку действия», как он называл это сейчас. Он даже сказал Зеину, что после ужасного зрелища стандартных, ограниченных англичан его влечет к каждому, кто действует решительно и круто, ниспровергая существующий мир. Да, Гордон готов был полюбить своего хладнокровного бахразского двойника, особенно сейчас, когда тот стал для него образцом сосредоточенной деловитости и прямого действия... К черту догмы! Иногда он просто восхищался этим человеком. Ах, Зеин!

— Итак, ты теперь главный двигатель,— сказал Гордон, как бы давая понять Зеину, что их братство приобрело для него какую-то новую ценность.

— Это слишком по-английски для меня,— лукаво заметил бахразец. — Мне больше по душе простое братство наших пустынь — всё на веру, и никаких догм!

Он посмотрел на Гордона с затаенной издевкой человека пустыни, потом рассмеялся так, словно в эту минуту именно он обрел чувство смешного, а Гордон потерял его.

В Лондоне, в рассказах Гордона, бахразец выглядел холодным, непроницаемым заговорщиком, сухим, замкнутым в себе догматиком, неспособным интересоваться человеком как таковым. Он слишком умен и тонок, объяснял Гордон, чтобы вызывать к себе теплое чувство. Но теперь, после достигнутых за короткие месяцы успехов восстания в пустыне, в Зеине обнаружилась какая-то грозная прямота, сознание неодолимости своей силы. Это делало его более резким, но, возможно, и более осмотрительным. Он словно завоевал право на веселую шутку, бесцеремонное объятие, нарочитую приятельскую небрежность с некоторым даже оттенком грубоватой интимности. Собственно, это были обычные черты общительного человека, если не считать последнего убежища Зеина — его привычки во всем рассчитывать только на самого себя.

— Ты всегда был слишком узок,— говорил Гордон.— Есть ли кто-либо на свете, кому ты веришь? — Гордон спросил это, чтобы поглубже проникнуть в новые и сложные обстоятельства, возникшие из их братских отношений.

— Кому верю?

Голос бахразца казался таким же сожженным солнцем пустыни, как и его тело; он мгновение осторожно подыскивал слова, потом вздохнул благожелательно и сказал:

Copyrighted material

— Верю в мое учение, в мой народ. Разве этого мало?

— А не мог бы ты набраться еще немного храбрости и рискнуть поверить просто в человека?

— Нет!

— Тогда ты жалкая жертва собственного учения! Разве не бывает так, что ты чувствуешь себя старым, измученным, покинутым? А? Отвечай!

Бахразец не ответил. Он только усмехнулся и пожал плечами. Какой бы ответ он ни считал правильным, все это было для него только игрой ума, занятой загадкой, достойной в лучшем случае размышления наедине.

Гордон некоторое время молча сидел рядом с Зеином в короткой утренней тени, которую отбрасывала на песок бронемашина. Потом он сказал бахразцу:

— Я рад, что ты приехал взглянуть поближе на эти нефтяные промыслы. Я не верю в тебя, когда ты сидишь где-то там, на холмах, и ждешь, пока мы подготовим для тебя здесь победу. Что ты собираешься делать с этими промыслами, когда они окажутся в твоих руках?

— А что, по-твоему, нам следует с ними делать? — проговорил бахразец с неподдельным изумлением.— Они принесут большую пользу возрожденной нации...

— Мне нет дела до твоей возрожденной нации,— прервал его Гордон.— Я не для этого нахожусь здесь.

— Возможно, что это не твоя цель, брат. Тем не менее к этому все придет! — Бахразец, как бы подкрепляя эти слова, кивнул несколько раз своей удлиненной головой. Как и во всем, что он говорил Гордону, в этих словах скрывался оттенок шутки, как бы намек на то, что его двойника — «англизи» — здесь, в Аравии, не следует принимать слишком всерьез. У другого человека это могло бы выглядеть как обидная снисходительность, у Зеина же это была только вежливая терпимость.

— Да, я знаю, чем может все здесь кончиться! — согласился Гордон.— Но мне это начинает все меньше нравиться. Да, приходится соединять твою фанатическую городскую революцию с нашим восстанием племен. Приходится это делать для того, чтобы бороться против легионов Азми и прочих, иначе у нас не хватит сил победить. Но станет ли благом для племен одержанная победа? Они окажутся лицом к лицу с твоей догмой и должны будут жить по ее предначертаниям... О, я уже теперь рисую себе это! Вот он, образ жизни, который воцарится здесь! — Гордон протянул руку к маячившим на горизонте серебристым бензобакам и трубам нефтеочистительного завода.

На минуту это видение исчезло: его заслонил своим худым корпусом старый верблюд, на котором ездил Гордон. Верблюд с любопытством принюхался, потом протянул губы к сильно разогревшемуся на солнце боку бронемашины. В следующее мгновение животное сделало испуганный скачок и, вскрапывая от боли, пустилось рысью в пустыню. Лежавшие поблизости кочевники подымали головы и смеялись. Но Гордон, гневно ругаясь, закричал им, чтобы отправлялись в пески ловить эту глупую скотину, иначе ему и вовсе не на чем будет ездить!..

— Неужто ты ездишь на этом старом одре? — спросил, хмурясь, бахразец, видя, как Гордон не перестает ругать и проклинать арабов за недосмотр.— А почему бы тебе не ездить на мотоцикле, Гордон? — Слово «мотоцикл» Зеин произнес по-английски, тщательно преодолевая арабский акцент.

Гордон промолчал. Он переводил взгляд с Зеина, бодрого, одетого по-городскому араба, на измученного англичанина Смита, облаченного в арабскую одежду.

— Смит сам выдал тебе секреты моего пребывания в Англии или ты расспрашивал его?

— Да, я спрашивал, а Смит, исполненный любви к тебе, отвечал. Разве я дурно поступил, брат? — спросил Зеин с беспокойством.

— Нет. Но это скучно и никому не нужно. Бедный Смит! Ему столько достается от меня...

Оба посмотрели на Смита. Сморенный усталостью, он спал у их ног, в скупой тени. В ярком солнечном свете его хилое тело выглядело особенно жалким.

Из скандинавских поэтов

Иозеф ЧЕЛЬГРЕН

НЕТ!

Живем ли без надежды мы и веры,
Как в старом доме, где покой и мгла?
Утрачены ли доблести примеры,
Зовут ли нас лишь тени да химеры
И молодость ужели умерла?

Нет!

Еще глаза у нас горят надеждой,
Еще вскипает кровь на зов судьбы,
Еще есть солнце, травы, ветер свежий.
Еще мы распрямимся для борьбы!

Ингер ХАГЕРУП

ЧТОБ НЕ ПРОПАЛ СОВЕТ

Я добрым должен быть, хорошим,
Я должен быть на них похожим —
Отец и мать внушают мне.
Чтоб не пропал совет впустую,
Пускай меня, как подрасту я,
Не гонят драться на войне!

Перевел Н. ГРИБАЧЕВ.

«Мискин Смит!» — Гордон мысленно употребил это жалостливое арабское слово, обозначающее сострадание к ребенку. Ему вдруг стало не по себе. Он надел сандалии на чисто вымытые ноги, встал и двинулся вместе с Зеином по дороге к нефтяным промыслам.

Ровная и прямая дорога вела к извивающимся змеей заграждениям из колючей проволоки, к передовым окопам с брустверами из мешков с песком и доходила до главных укреплений, где на бронированных вышках были установлены старые, но еще годные пушки Льюиса. Асфальт дороги был покрыт слоем давней пыли, нигде не было ни души. Но они шагали спокойно, с любопытством оглядывая все вокруг и продолжая спор о будущем этой земли.

Это была опасная прогулка. Опасность нарастала по мере того, как, миновав прорванные колючие заграждения, они приближались к основному оборонительному поясу. Но такие забавы — «прогулки в смерть» — были в духе Гордона, и если он взглянул искоса на Зеина, когда впереди прогремел первый выстрел и пуля пропела над их головами, то вовсе не для того, чтобы услышать какое-либо замечание своего спутника, а просто, чтобы уяснить, как тот себя чувствует. Но во взгляде араба было только усталое терпение, простое согласие принять брошенный Гордоном вызов. Они пошли еще быстрее вперед, прямо под жерла пушек, которые, как и в давние времена, продолжали оспаривать планы и предначертания Зеина о рождении новой нации в пустыне.

— Говорю тебе, твое национальное начало — это животное начало,— начал снова Гордон,— разрушение западного мира, не более того! Моя же единственная мечта здесь, единственный смысл моей жизни — спасти и сохранить древний строй арабских племен. Все здешнее восстание в этом только для меня и состоит, ни в чем другом.

— Это не все! — коротко сказал бахразец, и, как и прочие его краткие изречения, это прозвучало и как опровержение и как вывод.

— Но для меня это — все! Как и для любого кочевого араба! Племена должны быть сохранены, пусть их оставят в покое. Кому нужна твоя нация горожан и земледельцев, в которой кочевой араб будет только привеском? Оставь племена в покое, Зеин! Дай им победить, а потом пусть остаются в своих пустынях, со своими верованиями, со своим терпением, мужеством, собственными бедами и горестями, если уж на то пошло!

Откуда-то прогремел еще один выстрел, но звука полета пули не было слышно, и они не обратили внимания на новое предупреждение.

Бахразец вытер тонкое, сухощавое лицо капюшоном плаща и снова набросил его на голову. Он шагал тяжело, заложив руки за спину. Его блуза и брюки чем-то отдаленно напоминали военную форму — он ведь и был теперь военным,— но все-таки он попрежнему выглядел вагоновожатым из Бахраза, а не человеком, который уже разбил все бахразские войска на юге, кроме легионеров Азми, засевших в укрепленном районе нефтяных промыслов.

— Нет, Гордон,— возражал теперь Зеин.— Мы не можем покинуть наших братьев из племен, обречь их навеки на жизнь дикарей.

— Дикарей? — хрипло рассмеялся Гордон.— Жизнь племени — это дар божий, красота, мир красоты по сравнению со зверством цивилизации.

Пуля снова подняла столбик пыли впереди на дороге, недалеко от них. Выстрел отдался легким эхом в пустыне. Они пошли дальше. Зеин продолжал доказывать ошибочность взглядов Гордона.

— Разве можно отбрасывать племена назад, в трясину феодальных порядков? — говорил бахразец.— Разве есть благо в любви к нищете? Племена переменят свою жизнь. Они пойдут вместе с нами по пути прогресса. Пойдут по собственной воле.

— К дьяволу прогресс! — закричал Гордон.— Прогресс убьет в племенах их природное благородство, их силу, смелость, всю их поэзию!

Один отрезок дороги был завален кучами песка; пока они перебирались через них, спотыкаясь, Зеин развивал свое доказательство: если племена и могут потерять свои исконные достоинства, то лишь в том случае, если все покинут их в первобытной отсталости.

— Им грозит угасание. Угасание от невежества, бедности, заброшенности,— закончил бахразец, когда они вступили опять на гладкий асфальт.

— Значит, ты приведешь городских олухов спасать богов пустыни? — пробурчал Гордон.

— Мы будем спасать друг друга. Наше восстание теперь едино: горожане, крестьяне, кочевники. Нас теперь уже нельзя отделить друг от друга, Гордон. Вот в чем дело.

Они замолчали. Над головами у них теперь без перерыва пели и взвизгивали пули, что-то глухо ударило в песок у обочины дороги. Но дорога вела вперед, и теперь уже не было надежды, что кто-либо из них повернет вспять.

— Что говорит Хамид о твоем учении? — прервал молчание Гордон.

— Он действует, руководствуясь им.

— Это неправда! Он только пользуется вашей помощью, бахразцы, так же, как вы используете его помощь.

— Твое неверие — от одиночества,— проговорил трамвайщик с мягкой улыбкой. Его брови слегка приподнялись: он заметил, что стрельба все усиливается.

Пустыня лежала вокруг них, от века невозмутимая в своем щедром бесплодии. Жалкая, заброшенная, протянулась назад лента дороги. От безлюдия сжималось сердце. Но впереди, как величественный мираж, сверкал город серебристых бензохранилищ; казалось, он чудом висит в воздухе, там, где голубое небо соединяется с песчаным морем пустыни.

Если бы они могли продлить эту увлекательную игру зрения и фантазии, они признались бы друг другу, что открыли какой-то забытый, волшебный мир... Но яростная стрельба то и дело возвращала их к действительности,

Copyrighted material

и Гордон заговорил о том реальном, что было перед ними.

— Вот они, эти нефтепромыслы,— сказал он, показывая рукой так, словно собирался идти прямо в укрепленную зону.— Эти нефтяные разработки всегда были силой, которая извне вмешивалась в жизнь племен, диктовала им свою волю. Так они и стоят здесь, на границе пустыни, отвратительный символ механической силы... Что же будет, если ты возьмешь эту крепость, Зеин? Будешь усмирять с ее помощью племена? Установишь спокойствие кладбища в пустынях, как до тебя это делали англичане?

— Слава Аллаху, мы не англичане! — мягко возразил бахразец и даже слегка отступил назад, как бы отстраняясь от незаслуженного обвинения.— Мы все арабы здесь: племена и бахразцы. Эти нефтяные поля войдут в жизнь племен, будут принадлежать и племенам и нам. Кончатся скитания араба в пустоте, он начнет новую жизнь...

Казалось, дальше уже идти невозможно — смешно было не замечать град горячего свинца, который визжал и рассыпался вокруг них. Было ясно, что если их щадят, ограничиваясь предупредительной стрельбой, то только до той минуты, когда кто-нибудь из начальства укрепленного района окончательно придет в ярость («Может быть, генерал Мартин?» — подумал Гордон) и отдаст приказ вести прицельный огонь. Огонь усиливался, это говорило о том, что минута начальственного гнева приближается. Но Гордон продолжал шагать вперед, он весь ушел мыслями в картину новой жизни племен, нарисованную Зеином.

— Гордон! — проговорил Зеин, чтобы напомнить спутнику о все нараставшей опасности.

Но стоило Зеину слегка замедлить шаг, как Гордон закричал:

— Брат! Теперь не время отступать!

Зеин положил ему руку на плечо.

— Ты слишком хладнокровен, друг,— серьезно сказал бахразец.— Теперь я вижу, что ты оставил свою арабскую душу где-то в Англии, потому что здесь ты ведешь себя слишком безрассудно для араба. Вернемся назад.

— Нет! Мы не вернемся назад! — воскликнул Гордон с жестким, неестественным смехом.— Мы подойдем к самой стене. Мы покажем им свое презрение. Душа моя здесь ни при чем, Зеин. Вслед за Гераклитом я верю, что пока мы живы, душа мертва. Так что же нам терять?! Вперед! И они увидят, что такое настоящий вызов на бой!

Бахразец остановился у обочины дороги, пули свистели между ним и Гордоном.

— Я не согласен с Гераклитом насчет души,— твердо сказал он.— Поэтому прощай, друг.

— Нет! Нет! Давай же выдержим, не сдадимся! Сама судьба щадит нас...

— Это какой-то дурак там, за стенами, щадит нас. Аллах знает, почему и надолго ли. Может быть, кто-нибудь из твоих английских друзей, Гордон?

— Ах, Зеин! — Гордон крикнул это с такой болью, что бахразец на мгновение подумал, не ранило ли его спутника; но последующие слова объяснили Зеину, что этот горестный возглас вызван его неосторожным намеком.

— Ты узколобый выродок, если говоришь так! — свирепо сказал Гордон.

Затем он повернулся, чтобы идти назад.

Оборачиваясь спиной к укреплениям, Гордон словно споткнулся обо что-то. Но он не упал, быстро сделал несколько шагов и вдруг опустился на колени.

Гордон с удивлением смотрел на Зеина, как бы спрашивая, почему не может подняться. И тут он почувствовал, что по ногам у него течет кровь, кровь была и на дороге.

— Как глупо! — растерянно пробормотал Гордон по-английски и еще раз попытался встать. Он приподнялся на левую ногу, но правая была неподвижна, как парализованная. Пуля попала в пятку.

— Ложись! — гневно приказал Зеин и, пригнувшись, подбежал к Гордону.— Твои друзья переменили мнение о тебе. Ложись!

Теперь частые залпы прижимали их к земле. Но Гордон все стоял на одном колене, как окаменевший, пока бахразец не оттащил его от дороги. Едва Зеин успел уложить раненого, как новая очередь взрыхлила песок возле них.

Они лежали в небольшом углублении и ждали того, что, казалось, было теперь неизбежно: пули ложились все ниже, все ближе подбирались к ним. На невнятное замечание Гордона о нелепости положения Зеин не отозвался ни звуком. Он наскоро обернул раненую ногу товарища своим плащом и принялся разматывать бледнорозовый шарф Гордона, чтобы получше перевязать рану. Гордон посетовал было на то, что шарф будет окончательно испорчен, но бахразец коротко велел ему приподняться: он будет тащить его на спине от одной впадины до другой.

— Они забавляются, эти легионеры,— проворчал Зеин.— Но они еще не взобрались со своими винтовками на вышки. Оттуда им будет видна любая ложбинка на несколько миль вокруг...

Гордон понимал, что Зеин прав. Охота началась, и стрелки накроют их. Да, надо поскорее выходить из поля обстрела.

— Я буду ползти вслед за тобой,— сказал Гордон.

— Нет, так ничего не выйдет. Нам надо немедля уходить отсюда.

Зеин поднялся и взвалил Гордона на спину. Потом он побежал, делая зигзаги, к ближайшему углублению в песке. Там он отдохнул с минуту, снова поднял раненого и двинулся вперед, тяжело дыша. Он бормотал под нос, что надо уйти как можно дальше от дороги: вошедшие во вкус стрелки, чего доброго, пристреляются, хотя это и нелегко в колеблющейся знойной дымке, стоящей над пустыней.

Зеин был прав: нельзя было медлить ни минуты. Скинув свои остроконечные сандалии, бахразец бежал с тяжелой ношей на плечах, ложился, вставал, снова упрямо бежал, опять ложился. Гордону казалось, что эти упругие носилки из костей и мускулов вот-вот развалятся под его тяжестью. Но Зеин, повидимому, обладал сверхчеловеческой выносливостью. И, только добравшись до надежного укрытия, он скинул Гордона со спины и сам скатился и улегся на бок в песчаную складку. Зеин задыхался и кашлял, его смуглое лицо пожелтело, но у него еще хватило сил обругать Гордона самыми страшными ругательствами, поносившими и религию и святыню материнства. Он выплевывал эти проклятия, как будто они долго дремали где-то под его спокойным, рассудительным языком.

Позже, когда Гордону уже присыпали рану порошками из полевой аптечки Смита и перевязали чистым бинтом, он ворчливо сказал Зеину:

— А ведь во всем этом потоке ругани не было ни слова о политике.

Это было сказано тогда, когда они были уже в полной безопасности. Гордон то и дело принимался дразнить Зеина, напоминая о том, как тот ругался в песчаной ложбине.

— Это был,— говорил он,— потрясающий апофеоз для такого замкнутого сектанта. О, это было величественно! Величественно! О, какие возможности полного перевоплощения ты, оказывается, скрываешь в себе! О, не сердись! Мне хорошо знакомо это внутреннее раздвоение. Однако от тебя я не ожидал такого припадка бешенства!

Бахразец не собирался сгибаться, как тростник, под тяжестью этого обвинения. Он весело смеялся.

— Ты слишком чопорный и благопристойный человек, Гордон. Я научился сквернословить потому, что горести жизни сами превращают у нас богохульство в протест против несправедливости, в вызов судьбе! Не смешивай моих проклятий с каким-то самоистязанием. О! Я ведь совсем и не мастер в этом деле. Ты не услышал и половины тех отборных словечек, которыми люди в нашем старом городе награждают этих зверей, наших правителей.

— Только старайся не примешивать политику в эту ругань! — взмолился Гордон.

Зеин готовился уезжать вместе со Смитом. Он все еще был бос: сандалии его так и пропали в песках. Но бахразец — Гордон это видел — держался, как всегда, естественно и с достоинством.

— Не будь в обиде, если я и смешиваю кое-что,— сказал Зеин, подымаясь, чтобы идти садиться в машину.— Ты сам смешиваешь хорошее с плохим, когда собираешься разрушать все... Я думаю, что шрам на пятке запомнится тебе как хороший урок. Гордон! Не играй, прошу тебя, со смертью, как одержимый! Если бы ты погиб бессмысленно, это было бы большой утратой!

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Copyrighted material

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАРОДУ

Исполнилось 125 лет со дня рождения М. Налбандяна. Жизнь и творчество Микаэла Лазаревича Налбандяна гармонически дополняют друг друга. То, что проповедовал он своим словом, то осуществлял и делом своим.

Помня о суровой судьбе Рылеева и Пестеля, о трагической гибели армянского классика Хачатура Абовяна, о расправе с петрашевцами, Микаэл Налбандян, однако, оставался тверд:

«Свобода!» — возглашаю я:
Пусть гром над головою грянет, —
Огня, железа не страшусь!
Пусть злобный враг мне сердце ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы, —
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

По делам своей епархии Налбандян находился в Кишиневе, когда туда прибыло повеление арестовать его и выслать этапом в Эчмиадзин (резиденция католикоса) на духовное судилище. Поводом для этого послужили сатирические высказывания и стихотворения юноши против реакции и духовенства.

Чтобы избегнуть жестокой расправы, Налбандян уезжает в Москву. Там, на страницах издававшегося на армянском языке журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»), он развертывает исключительную по размаху деятельность. Он писал стихотворения и романы, исторические трактаты и полемические статьи, переводил произведения русской передовой литературы. Подобно всем выдающимся революционным просветителям, Налбандян вступал в бой за прогрессивные идеи во многих областях знания. Разоблачая реакционную сущность теории «искусство для искусства», он приветствовал книги, отражавшие жизнь народа. Требование поставить искусство и науку на службу жизни страстно и настойчиво звучит во всех произведениях Налбандяна:

...Не лира нежная теперь нужна —
В руке бойца — неотвратимый меч.

Каждое новое произведение Налбандяна находило самый широкий отклик как в самой Армении, так и во всех армянских колониях за границей. И чем больше он развивался и мужал как общественный деятель и мыслитель, тем более ожесточенно преследовали его разъяренные противники.

Они не останавливались даже перед прямыми доносами третьему отделению и министерству внутренних дел. В результате над Налбандяном нависла угроза ареста. Ему пришлось спешно выехать за границу. Попутно он хотел выяснить, нельзя ли перенести издание «Юсисапайла» в Париж или Лондон, чтобы создать там по примеру «Колокола» «вольную прессу» для армян. К сожалению, этой мечте не суждено было осуществиться.

В 1860 году Микаэл Налбандян вновь выезжает за границу. В Константинополе он собрал вокруг себя лучших представителей армянской прогрессивной интеллигенции, связав ее с русским революционным движением и с «лондонскими пропагандистами» — кружком Герцена и Огарева. Впоследствии в армянских областях Турции вспыхнули восстания против турецкого ига (особенно в Зейтуне). Единомышленники Налбандяна стремились придать этому стихийному движению более организованный характер.

Проездом из Константинополя в Европу Налбандян устанавливает связи с деятелями итальянского национально - освободительного движения, а затем долгое время живет в Лондоне, тесно общаясь с Герценом, Огаревым и их единомышленниками.

Два года жизни за рубежом были периодом расцвета его общественно-политической и публицистической деятельности. Именно тогда написал он свою знаменитую статью «Несколько строк» (1861), в которой с позиций революционного демократизма разоблачал пресмыкавшихся перед тиранией реакционеров и либералов, средневековый обскурантизм клерикальной армянской печати, всех угнетателей народа и фарисеев, проповедовавших свободу на словах, насилуя совесть. Разя противников убийственным сарказмом, Налбандян провозглашал: «Мы добровольно посвятили себя делу защиты прав простого народа... И для достижения этой цели не остановимся мы ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой, защищая не только словом и пером, но и оружием, и кровью своей проповеданную до сего лишь словом свободу, если когда-либо удостоимся взять в руки оружие, чтобы завоевать и омыть её своей кровью...»

Во время последней заграничной поездки Микаэл Налбандян написал и самое значительное свое публицистическое произведение — «Земледелие как верный путь», подписанное псевдонимом «Симеон Маникян». В этом произведении он сравнил «дарованную царем свободу» с утренней росой, которая не может утолить жажду потрескавшейся от вековой засухи земли. Налбандян иными словами повторяет грозное предупреждение Чернышевского: «если крепостной не будет объявлен свободным вместе со своей землей,— крепостной сам разрешит этот вопрос — при помощи топора! Это время уже надвинулось, и оно ближе, чем полагают многие...»

Автор книги с огненной ненавистью говорит о грабительской колониальной политике европейских держав, прикрывающихся фальшивыми заявлениями о «цивилизации».

«Тюрьмы — вот их школы, полицейские и жандармы — вот их воспитатели, цепи — вот их книга поучений, ссылка — место высшего морального очищения, а виселица и позорный столб эшафота — «врата праведные, к жизни вечной ведущие»...»

В начале лета 1862 года Налбандян возвращается в Россию.

7 июля были арестованы Чернышевский, Серно-Соловьевич и другие. Через семь дней в Нахичевани-на-Дону арестовали и Налбандяна. Его привезли в Петербург и заключили в Алексеевский равелин.

Все три года мучительного тюремного заключения узник поддерживал посильную связь с внешним миром и не переставал творить. В тюрьме им написаны литературоведческий труд «Критика «Сос и Вардитер» — анализ первого романа армянского демократического писателя Перча Прошянца, многочисленные статьи, сотни писем и ценнейшие замечания о гегелевской философии. В них Налбандян последовательно развивает свои материалистические взгляды:

«Если ты можешь отыскать разумный и естественный путь, гуманный способ к тому, чтобы человек нашел себе жилище, имел хлеб, покрыл свою наготу, отдал дань природе, — вот этот путь и способ и составляют сущность философии! А все остальные философии, которые не имеют отношения к природе и не применимы в природе, можешь так или иначе сложить и спрятать за пазуху, или же отправиться в университеты и проповедовать их с кафедр: может быть, там твои коллеги и восхитятся твоей ученостью. А в мире природы, среди сынов природы тебе делать нечего!..»

Напряженная работа в условиях тюремного режима разрушала здоровье Налбандяна. Но он оставался непоколебимо верен своим убеждениям. Его показания перед сенатской комиссией говорят о нравственной чистоте, величии духа и бесстрашии узника царского каземата.

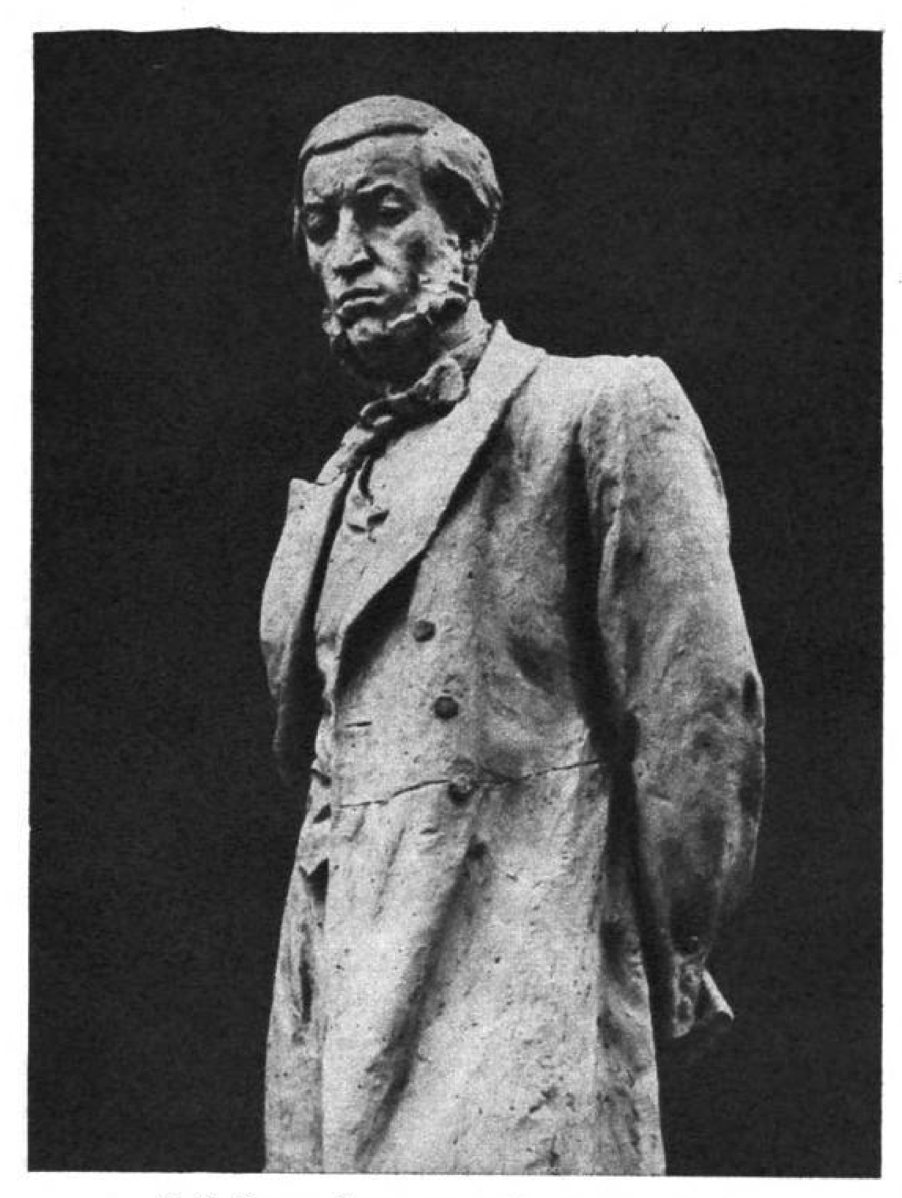
«Золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно, до святости», — так отозвался о Налбандяне Огарев в письме к Н. А. Серно-Соловьевичу. А Герцен прибавил: «Поклонитесь ему, это — преблагороднейший человек; скажите ему, что мы помним и любим его...»

Налбандян умер в 1866 году в Камышине, куда он был сослан.

Его слова и дела остались навеки запечатленными в сердце армянского народа как священная заповедь. Немало людей пошло в ссылку за то, что они стойко хранили заветы Налбандяна и распространяли его творения.

Народы Советского Союза глубоко чтут память Микаэла Налбандяна, который был великим проповедником дружбы армянского и русского народов, который считал дело вызволения своего народа из рабства неотделимым от революционно-освободительной борьбы всей страны и оставил грядущим поколениям вещее слово о том, что «освобождение России имеет огромное значение для освобождения всего человечества».

Рачия КОЧАР

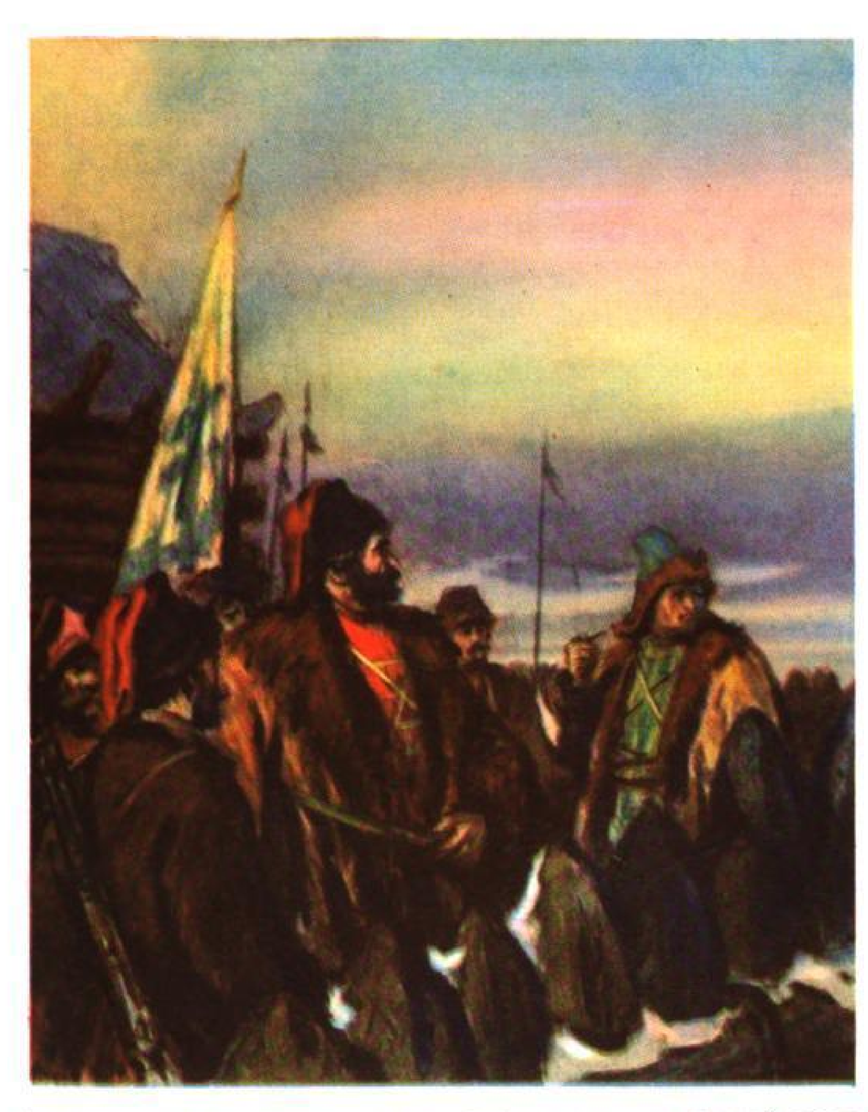
М. Налбандян. Скульптура работы Н. Никогосяна.

Copyrighted material

Н. Кузьмин. Иллюстрации к рассказу Н. Лескова «ЛЕВША».

М. Таранов. Иллюстрации к роману Е. Федорова «КАМЕННЫЙ ПОЯС».

Е. Рачев. Иллюстрация к украинской народной сказке «ВОЛЧЬЯ КОЛЯСКА».

Copyrighted material

В. Милашевский. Иллюстрация к русской народной сказке «ШЕМЯКИН СУД».

Copyrighted material

В полярную НОЧЬ

Фото специального корреспондента «Огонька»
Я. РЮМКИНА

После создания дрейфующих научных станций на льды океана не раз опускались самолеты с Большой земли, доставлявшие припасы, снаряжение, почту. Не раз гостями ученых — участников дрейфа — были их коллеги из Академии наук СССР.

Пасмурным осенним утром с подмосковного аэродрома уходил на Север самолет Героя Советского Союза Федора Анисимовича Шатрова.

...Долгие часы летит самолет во тьме полярной ночи над Ледовитым океаном, строго следуя избранному курсу. В наушниках пилотов равномерно вспыхивают и гаснут сигналы радиомаяков. Далекие голоса Большой Советской земли уверенно направляют воздушный корабль к невидимой пока еще цели, туда, где, увлеченный потоком дрейфа, движется ледяной островок под государственным флагом СССР.

Вот штурман включает радиокомпас, и стрелка его, поплясав по циферблату, замирает на заданном курсе. Гул в пилотских наушниках все более нарастает, и Федор Анисимович Шатров улыбается, словно заслышав голос далекого друга:

— Костя привод дает.

Сейчас где-то там внизу, на льдине, радист дрейфующей станции «Северный полюс-3» Константин Митрофанович Курко включает свой передатчик, и самолет Шатрова по радиокомпасу выходит к цели. Снижаясь, делая круг за кругом, «ИЛ» пробивает облачность. Теперь уже над самолетом не видно звезд. Зато мельчайшим бисером вспыхивают электрические огоньки внизу. Редкими светящимися точками приветливо сияет на океанском льду поселок советских людей. Лампочки светятся в морозной ночи и над жилыми палатками, и в окнах домиков, и вдоль взлетной полосы, по которой рулит только что опустившийся «ИЛ».

Самолет подрулил к стоянке; дверь кабины открыта, и, сходя по трапу на лед, Шатров едва успевает отвечать на приветствия.

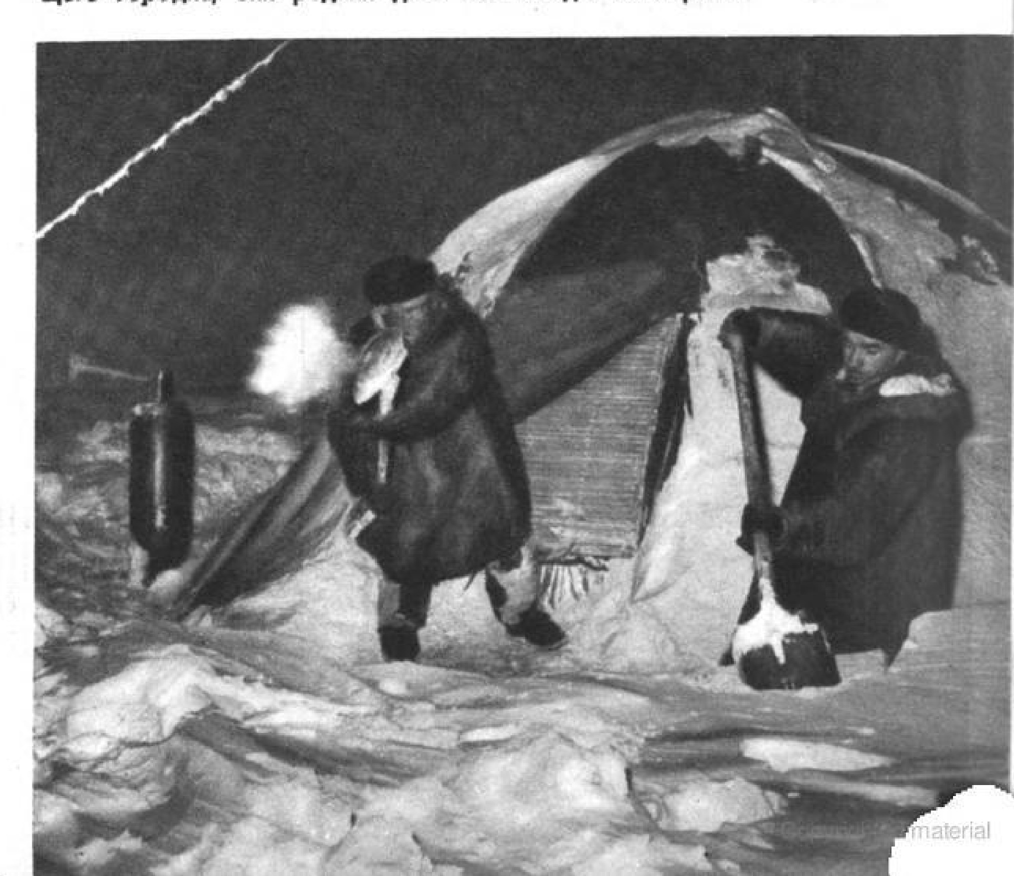

Как ни привыкли участники дрейфа к частым визитам с Большой земли, но Федор Анисимович и его экипаж — первые гости, прибывшие сюда полярной ночью. Кинооператор Евгений Павлович Яцун торопится запечатлеть на пленке это событие. Ярким белым пламенем загорается магниевый факел. Короткая вспышка света выхватывает из темноты обдуваемый поземкой борт самолета, радостную сутолоку у открытых дверей кабины, улыбки и объятия друзей.

— Молодец, Женя! — говорят летчики, обступая кинооператора. — Которую тысячу метров крутишь?

— Одиннадцатую начал,— отвечает Яцун.

Недавно еще, летом, под солнцем голубели снежницы — озерца талой воды. Теперь на месте их высятся сугробы, нанесенные частыми вьюгами. Нередко палатки настолько заносит снегом, что вход приходится откапывать лопатами. Геофизикам О. Змачинскому (слева) и И. Кочуберия эта работа привычна. Как и остальные жители дрейфующего городка, они редкий день не выходят на авралы.

С наступлением зимы и полярной ночи погода не балует участников дрейфа. Но ничто не может помешать регулярным наблюдениям. По нескольку раз в день метеорологи дрейфующей станции «Северный полюс-3» сообщают на Большую землю сводку погоды. В дни воздушных рейсов в район полюса такие сведения передаются каждый час.

Метеоролог Георгий Иванович Матвейчук сфотографирован во время очередной записи наблюдений.

Передвигаться в темноте по льдине дрейфующей станции не так-то просто. А тут еще надо доставлять на складскую площадку грузы, привезенные самолетом. Большую помощь оказывает полярникам местный, так сказать, «городской» транспорт. Баллоны с газом для отопления лагеря, доставленные самолетом, дальше повезет автомобиль-вездеход «ГАЗ-69». Дорогу для автомобиля расчистит трактор. Трактор служит иной раз и тягачом при перевозке грузов.

Механик дрейфующей станции Михаил Семенович Комаров — умелый водитель сухопутных машин по океанскому льду. Под управлением Комарова автомобиль-вездеход и трактор прошли за время дрейфа около тысячи километров каждый.

Снаружи домики неказисты и напоминают снятые с колес фургоны.

Но откроем дверь, войдем внутрь кают-компании, и нас сразу же обдаст теплая волна. Жарко топится железная печка. И обеденные столы под клеенкой, и стены, оклеенные обоями, и блестящий самовар — все здесь дышит домашним уютом. А каким гостеприимным хозяином выглядит радист Леня Разбаш! Сегодня он несет дежурство по камбузу и помогает повару, накрывая на стол.

После ужина, в часы досуга, в кают-компании стучат костяшки домино, звучит пианино, льются песни. Вот в уголке собрались повар И. Шариков, штурман вертолета А. Медведь, аэролог В. Канаки, доктор В. Волович, радист К. Курко. Друзья старательно разучивают новую песню, написанную В. Воловичем — присяжным поэтом и композитором дрейфующей станции:

Спустилась на льдину полярная ночь,
И ветер, настойчиво в мачтах звеня,
У двери стучится, как будто не прочь
Погреться у огня.

Copyrighted material

Станция оснащена сложной современной техникой. Но кое-что придумывают и сами участники дрейфа.

Как ускорить сушку унтов, валенок, меховых чулок, перчаток, которые за день работы на снегу так намокают, что хоть выжимай? Посоветовавшись, полярники решили усовершенствовать газовую плитку. Над ее конфорками установили изогнутый лист металла, сверху над листом вешают обувь. Обувь и перчатки высыхают без риска сгореть на огне. Наш снимок изобразил этот уголок в палатке аэрологов. Первым поднявшись ото сна, Игорь Цигельницкий обулся в теплые, сухие унты и начал умываться. Над плиткой сохнет обувь его товарищей.

Все наиболее выдающиеся события в жизни станции обязательно отмечаются в вахтенном журнале. Одна из последних записей гласит: «Собака Дружба родила шестерых щенят. Все щенята здоровы». Опеку над новыми жителями лагеря поручили гидрологу Александру Ивановичу Дмитриеву (слева) и метеорологу Анатолию Даниловичу Малкову.

Солнце в районе полюса скрылось надолго. Но жизнь на льдине продолжается. В радиорубке под электрическим светом еще зеленеют побеги лука, которые успели вырастить летом в ящиках с землей.

Сюда, в радиорубку, каждый час, каждую минуту приходят слова привета и ободрения с Большой советской земли. Начальник дрейфующей станции Александр Федорович Трешников (в центре), радисты К. М. Курко и Л. Н. Разбаш с глубоким интересом читают только что принятую радиограмму. Одной жизнью с матерью Родиной, с великим советским народом живут мужественные исследователи Арктики.

С. МОРОЗОВ

Copyrighted material

У верных ДРУЗЕЙ

Г. КОРОБКОВ,

мастер спорта

Команда советских легкоатлетов после удачного выступления в Лондоне вылетела в Прагу. Нам предстояла встреча с нашими старыми друзьями — чехословацкими легкоатлетами.

Золотой лев — старинная эмблема. Она издавна украшала грудь спортсменов Чехословакии, но так ли часто этот старинный лев приносил им победу? Довоенная Европа привыкла к спортивным победам германского орла, финского креста, французского петуха, британского льва. Однако после войны соотношение сил коренным образом изменилось. На XV олимпийских играх в Хельсинки ни одному из легкоатлетов Германии, Финляндии, Франции и Англии не удалось завоевать ни одной золотой медали. Зато спортсмены из стран народной демократии нередко поднимались на постамент почета. В розыгрыше первенства Европы нынешнего года из тридцати трех видов легкой атлетики в двадцати трех победителями вышли спортсмены СССР, Венгрии и Чехословакии. С большим успехом выступали в последние годы чехословацкие хоккеисты, гребцы, баскетболисты, велогонщики, футболисты.

Чехословакия, — как известно, страна большой спортивной культуры. К этому выводу приходишь после первого же знакомства с Прагой. В городе много стадионов, бассейнов, футбольных полей, различных спортивных площадок. И все они заполнены, всюду идут тренировки.

В прошлом году в спортивных играх молодежи республики участвовало 52 тысячи гимнастов, 72 тысячи легкоатлетов, 33 тысячи хоккеистов, 20 тысяч велогонщиков. Тем, кто добивается хороших результатов на этих играх, открыт путь в спортивные школы, где формируются будущие мастера.

Сейчас молодежь Чехословакии готовится к первой общегосударственной спартакиаде. В ней примут участие сотни тысяч физкультурников.

Международный авторитет чехословацких спортсменов весьма высок. Здесь нам хотелось бы рассказать только о нескольких легкоатлетах.

Пожалуй, не сыщешь на всем земном шаре любителя спорта, который не слышал бы имени Эмиля Затопека. Затопеку принадлежат девять мировых рекордов в беге на длинные дистанции. На олимпийских играх в Хельсинки Затопек завоевал три золотые медали, выиграв бег на 5 000, 10 000 метров и марафон.

Часто спрашивают: в чем секрет достижений Эмиля Затопека?

Разумеется, никакого особого секрета нет. Все объясняется превосходными природными данными бегуна и, самое главное, его поразительным трудолюбием, упорством.

Популярность Затопека в Чехословакии исключительна. Ребята везде играют в «Затопека» — бегают наперегонки. Кстати, известный чешский бегун на средние дистанции Станислав Юнгвирт начал свой спортивный путь с того, что тоже играл в «Затопека».

Дана Затопкова — жена Эмиля — заняла первое место в метании копья на последних олимпийских играх. В нынешнем году она стала чемпионкой Европы по этому виду спорта.

Эмиль и Дана родились в один год, месяц и день. Им по 32 года. Беседуя с ними, испытываешь истинное удовольствие. Оба они располагают к себе простотой, открытым характером и сердечностью.

Маленькая подробность: в Праге все знают автомобиль Затопека по номерному знаку — «4444». Четыре четверки — это четыре золотые медали, завоеванные четой олимпийских чемпионов в Хельсинки.

Иржи Скобла — после Эмиля Затопека один из самых известных спортсменов Чехословакии. Я увидел его впервые в июне 1952 года на Киевском стадионе имени Хрущева во время матча легкоатлетов семи стран. Молодой чех выделялся даже среди метателей ядра своей богатырской фигурой. Но тогда двадцатидвухлетний Иржи был не в ладах с техникой и впустую расходовал свою недюжинную силу.

В Киеве Скобла занял скромное четвертое место. Впереди него оказались три советских спортсмена: Отто Григалка, Хейно Липп и Георгий Федоров.

После окончания соревнований Скобла продолжал тренироваться вместе с нашими метателями. Перед отъездом на родину на про-

В Праге 5 ноября на митинге трудящихся, посвященном 37-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, был дан старт эстафете «Мира и дружбы». Маршрут эстафеты, начавшийся на Староместской площади, прошел через все области Чехословацкой Республики и закончился на границе Советского Союза. На снимке: эстафета «Мира и дружбы» в Марианских Лазнях.

Советские и чехословацкие спортсменки — метательницы копья — на стадионе Народной армии в Праге. Слева направо: В. Роолайд, Д. Затопкова, Н. Коняева и А. Матяткова.

Фото О. Григалки.

Copyrighted material

щальном вечере, в кругу своих новых друзей, он получил такое напутствие:

— Твое ядро не должно падать ближе семнадцати метров! Ты это можешь сделать, Иржи.

И действительно, молодой геркулес — Скобла весит 112 килограммов, и рост его 188 сантиметров — вскоре стал творить чудеса. Он первым из европейских метателей «перешагнул» семнадцатиметровый рубеж. Сейчас его рекорд равен 17 метрам 54 сантиметрам. Скобла — чемпион Европы.

Спортом молодой метатель начал заниматься с детства. Первым тренером Иржи был его отец — победитель по штанге на Олимпийских играх 1932 года, в Лос-Анжелосе. Естественно, что Скобла-старший хотел видеть своего сына тоже на тяжелоатлетическом помосте. Иржи начал заниматься и достиг известных успехов, но вскоре расстался с тяжелой атлетикой и взялся за ядро.

Сейчас Чехословакия имеет одну из сильнейших легкоатлетических команд мира. Мы в этом убедились, встретившись с ней в Праге. Соревнования прошли в острой борьбе и изобиловали рядом поистине выдающихся результатов. Иржи Ланский в прыжке взял высоту 2 метра 3 сантиметра, Станислав Юнгвирт пробежал 1 500 метров с отличным временем — за 3 минуты 47 секунд.

В строю сильнейших по праву занимают свои места мировой рекордсмен по ходьбе Иожеф Доležал, чемпионка республики по прыжкам в высоту Ольга Модрахова, метательница диска Штепанка Мертова, прыгун в длину Вацлав Мартинек.

Мы встречались и беседовали с представителями и других видов спорта: замечательными велосипедистами, победителями велогонки мира, гребцами, не раз выступавшими на Москве-реке, гимнастами, футболистами, волейболистами, хоккеистами, также бывавшими в Советском Союзе и завоевавшими у нас симпатии любителей спорта.

Познакомились мы и с новым для нас видом спорта — стрельбой из лука, получившим в Чехословакии большое распространение. Стрельба ведется по мишеням на расстоянии 25 и 50 метров. Нам подарили несколько комплектов луков и стрел.

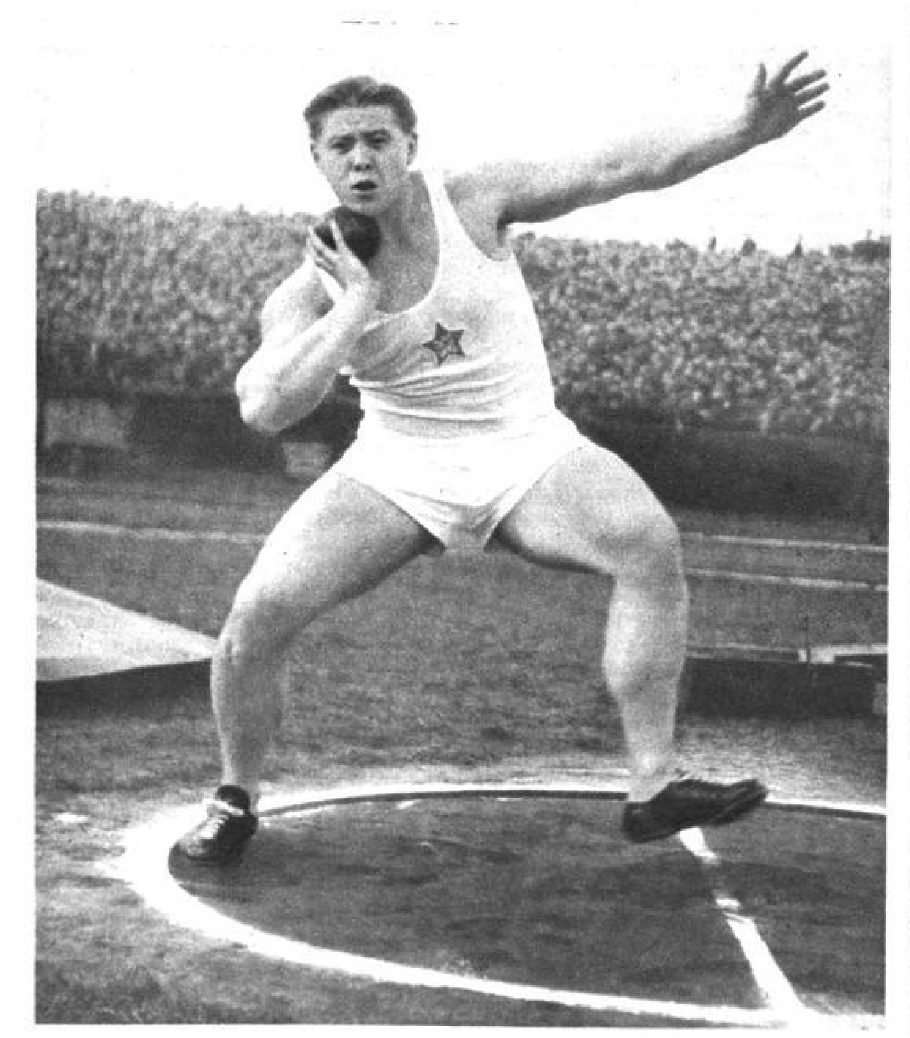
Приятно и радостно было видеть, что мастерство чехословацких товарищей продолжает совершенствоваться, что они стоят на пороге новых больших достижений.

Мы покидали Прагу, полные благодарности нашим старым и верным друзьям.

— До скорых встреч! — говорили мы друг другу.

Э. Затопек в физкультурном уголке своей квартиры.

Рекордсмен и чемпион Европы И. Скобла.

Московская вода

Когда вы подходите к умывальнику, открываете кран и оттуда бежит чистая и вкусная вода, не случалось ли вам задуматься, что находится на другом конце этой щедрой водоносной артерии? Откуда берется такое количество кристально-прозрачной жидкости, которым можно напоить Москву?

Начинать, конечно, нужно с истоков. Их несколько. Москвичи в разных районах пьют разную воду: москворецкую, волжскую, мытищинскую, артезианскую.

В тридцати километрах от столицы, по соседству с Каналом имени Москвы, где речка Уча огибает поросшую сосняком Акулову гору, на многие километры разлилось Учинское водохранилище. Дорога к водохранилищу выглядит, как зеленый туннель. Она идет лесом, а там, где приходится пересекать большие поляны, к ней тесно прижимаются густые насаждения: близко течет питьевая вода, и дорожная пыль не должна загрязнять ее.

Мало сделать воду безвредной. Если вам предложить стакан мутной воды, пахнущей тиной, вряд ли вы станете ее пить, даже зная, что она безопасна для здоровья. Вода должна быть чистой и вкусной.

Зимой и летом речная вода не нуждается в серьезной очистке. Но вот приходят весна и осень. Паводки, дожди размывают овраги, берега. Вода приобретает цвет жидкого кофе, а станция должна сделать ее похожей на родниковую.

На десятках гектаров расположились старые фильтры Рублевской водопроводной станции. Бесконечные ряды каменных сводов упираются в невысокие квадратные колонны. Гигантское подземелье засыпано булыжником, галькой, тонким речным песком. Булыжник — снизу, песок — сверху. Все сооружение заливается неочищенной водой, которая постепенно, со скоростью двадцать сантиметров в час — отчего эти фильтры названы медленными, — просачивается вниз и к булыжникам подходит совсем чистой.

Зал фильтров Сталинской водопроводной станции.

Фото Е. Умнова.

Уже в этом водохранилище вода начинает превращаться в питьевую: на дне гигантского отстойника оседает почти половина мути. Ежедневно в одно и то же время от небольшого причала отходит голубой катер. Лаборанты, вооруженные различными приборами, колбами, пробирками, сачками, берут пробу воды. Каждый сотрудник лаборатории должен быть и дегустатором, уметь проводить анализы воды на вкус и на запах. Техника в этой области пасует перед человеком: «вкусометры» и «запахометры» еще не созданы.

На стеллажах лаборатории можно увидеть все образцы флоры и фауны хранилища. Нужно знать, какую пользу для очистки воды приносит каждое растение, каждая рыба. Вот почему камыш и осока выкашиваются, водяной рис сеется, а рыба рипус — пожиратель планктона — разводится.

От водохранилища к Москве, до Сталинской водопроводной станции, вода идет самотеком по бетонированному каналу. Вблизи населенных пунктов, железных и шоссейных дорог каменные желобы сменяются гигантскими трубами, в которых свободно мог бы проехать грузовой автомобиль. Канал время от времени осушается и очищается от илистого осадка.

Начальник станции Г. П. Никулин достал из шкафа две одинаковые колбы, по горлышко наполненные водой. В одной была такая же вода, какую мы видим ежедневно, отвернув дома кран, в другой — похожая на жидкий чай. Этикетки с надписями «неочищенная вода», «очищенная вода» излишни: разница видна на глаз.

— Вот что происходит с водой на нашей станции, — говорит он. — Перекачать воду от источника к потребителю — задача простая. Куда сложнее сделать ее чистой, вкусной и безвредной.

Но нужда столицы в воде росла куда быстрее, чем ее пропускали медленные фильтры. На смену им пришли скорые, и быстрота фильтрации увеличилась до семи — восьми метров в час. Казалось, из фильтров выжато все возможное, но водопроводчики искали способы дать больше «продукции» с тех же производственных площадей. Так появился «фильтр АКХ» — Академии коммунального хозяйства имени К. Д. Панфилова.

День и ночь качают в город воду мощные центробежные насосы водопроводных станций. Почти каждая из них дает в сутки столько воды, что железнодорожный состав, наполненный ею, протянулся бы от Москвы до Ленинграда.

Чтобы не было аварий, вновь проложенные трубы после гидравлического испытания осматриваются изнутри: проверяется сварка швов, чистота водоводов. Как-то строитель оставил в трубе обгоревшую спичку — даже такой случай был отмечен в акте осмотра.

...Где мытищинская вода, которую знатоки ценили выше знаменитой гренвильской из артезианского колодца под Парижем и которую в бутылках вывозили за границу? Подмосковная вода, воспетая поэтом Языковым, привлекала в свое время многочисленных любителей чаепития. Эта черта тогдашнего московского быта была отмечена художником Перовым в известной картине «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы».

Эта вода и теперь подается к Москве Мытищинской водопроводной станцией, которой в этом году исполнилось 150 лет. Если вы захотите оценить ее вкус, поезжайте за семнадцать километров в Мытищи: воду успевают теперь выпить на окраинах, и к центру Москвы она не доходит...

В. ПОЛЫНИН

Copyrighted material

Сады Армении

М. МЕРЖАНОВ

Рисунок Г. Ханджяна.

Вся Армения лежит на террасах и как будто повернута к солнцу. На высоких ее ярусах, на снежных склонах Арагаца, на альпийских нагорьях, наконец, в сухой, искусственно орошаемой Араратской долине климатические условия столь контрастны, что вздумай путешественник совершить прогулку по всем террасам, пришлось бы ему несколько раз менять одежду — от легкой летней рубашки до полушубка.

Внизу возделывается хлопок и виноград, растут нежные сорта фруктов, а в зоне альпийских лугов и в горах пасется скот и на клочках земли видны желтые квадраты пшеницы.

И на всех ярусах Армении цветут сады. Их много. Они и в плодородной долине близ Аракса, и в горных ущельях Зангезура, на высоких берегах Севана. Сады, сады, сады...

В самых высоких районах республики, где-нибудь у Каджарана или у разработок артикского туфа, растут грубоватые сорта яблок и груш, несколько ниже приютилась раскидистая тута, бело-зеленая, плотная антоновка, а на равнинах, в местах, обласканных солнцем, можно увидеть и множество груш — от местной «малачи» до завезенного неизвестно откуда нежного сорта «добрая Луиза».

В разных ярусах растут разные фрукты. Здесь можно встретить вишню, туту, сливу, абрикос, айву, но издавна славятся армянские персики.

Некогда голая, сожженная солнцем, Сардарабадская пустыня превратилась в район хлопковых полей и роскошных садов. Именно здесь, в Октемберянском районе, растут целые массивы персиковых деревьев.

Персик — нежный плод. Он боится холода. Прошлая же зима была тяжелой для персика.

Холодные массы воздуха быстро шли с Карского моря. Они направлялись на юг через леса, степи, моря и горы. Воздушный поток иногда с легкостью «перепрыгивает» через Кавказский хребет, а иногда осторожно обходит острые пики гор и стелется над самым синим морем. Словом, по-разному путешествует этот непрошенный гость из северных широт, оставляя после себя морозный след.

В прошлом году мороз пришел на юг раньше обычного, внезапно и держался долго. Он перелез через горы и, быстро скользя по их склонам, опустился к Араратской долине в тот момент, когда растения еще не были готовы к зиме, не стали еще, так сказать, в оборону.

Холодные потоки воздуха непрерывно спускались с гор и как бы концентрировались в садах.

В Октемберянском районе они особенно свирепствовали. Временами ртутный столбик градусника падал до 32°. Таких холодов давно не видывала Араратская долина. Зима длилась три с половиной месяца, закидала сады снегом, бушевала метелями, перешла все привычные температурные границы.

Учеными-садоводами много сделано для того, чтобы нежные сорта яблонь, груш, инжира, слив спокойно встречали мороз. Даже некоторые виды персиков и абрикосов переживают минусовые температуры, хотя и до определенных, конечно, пределов. Однако сильных и длительных холодов персик пока не выдерживает.

...Персик завезен в Армению. Это древняя садовая культура. Одни ученые утверждают, что родиной его является Китай, другие называют Персию — нынешний Иран.

В конце прошлого века садоводы обратили внимание на этот красивый, яркожелтый плод, в изобилии растущий в теплых, защищенных горами долинах. И так как нежные плоды персика портились при перевозках, то их начали перерабатывать на месте. Тогда близ фруктовых садов появились маленькие кустарные консервные заводы.

Наиболее крупный из них выпускал тогда всего лишь двадцать пять тысяч банок персиков в год. Для того, чтобы понять, сколь это мало, достаточно сказать, что теперь заводы республики ежегодно дают свыше пятидесяти миллионов банок консервированных фруктов.

Вот уже тридцать лет персик растет на широких площадях, от привитых саженцев определенных, селекционно отобранных сортов.

В урожайные годы, бывало, на ереванском рынке вы могли видеть горы фруктов и овощей, а среди них на самом видном месте — крупные желтые, с красным отливом плоды персика. Словом, в Армении осенью персик бывал «фруктовым гегемоном». Его с аппетитом ели, варили из него варенье, сушили, чтобы потом в зимний вечер полакомиться сластью. Крупные же свежие персики осторожно укладывали в ящики и самолетами отправляли в дальние края.

Нежный плод не терпит вагонной тряски. Но, попав в банку с сиропом, консервированный персик может сохраняться годами. И, наверное, жители Чукотки, получая консервы, достойно оценивают эти плоды, сохранившие и сладость, и сок, и аромат.

И вот персиковые сады вымерзли.

Как же спасти персик?

Ведь морозы и впредь могут повторяться!

Если проследить за нашествием морозов на плодородные долины Армении, скажем, за последние сто лет, то бросится в глаза одна особенность: периодически морозы учащаются, становятся более суровыми.

Садоводы Армении не испугались жестоких ударов зимы. Больше того, они увидели, как в некоторых районах персик устоял даже в прошлую суровую зиму, обнаружив морозостойкость, которую селекционеры могли научно лишь предвидеть. Мы в этом убедились. Весной этого года нам удалось быть в Араратской долине и любоваться красками цветения. С каким мастерством природа писала свои пейзажи, как изощрялась она в поисках оттенков! Часами можно было глядеть на эти картины и все равно не наглядеться. Не такие ли пейзажи вдохновляли Мартироса Сарьяна и Габриэля Гюрджяна, кисти которых так хорошо передают цветовую гамму араратской земли?

Но в Октемберянской низине мы увидели голые, какие-то серые, неживые кроны и стволы персиков, погубленных морозами. Ветки их легко ломались.

Зоркий глаз моего спутника заметил, однако, розовую полоску на горе.

— Что это?

— Персики цветут,— сказал он уверенно и улыбаясь.

— Как же?

— Под горой, на склоне, персики уцелели.

Может быть, тут разгадка?

Садоводы Армении сейчас над этим работают. Они хотят спасти персики. У них есть уже определенные планы: продолжать борьбу за морозостойкость персиковых садов в Араратской долине и одновременно искать районы для новых площадей под сады.

Ученый-садовод института плодоводства Анастасия Михайловна Вермишьян так сказала:

— Нужно провести передислокацию садов. Сады должны пойти в предгорья. Там теплее. Там холод не застаивается.

Но от холода страдали не только персики. Культурные, нежные сорта абрикосов, яблонь, груш тоже не любят морозов. Для них тоже нужно искать подходящие районы. И тогда хорошие сорта фруктов из Армении могут появиться в магазинах Москвы, Ленинграда и других промышленных районов.

Садоводы Армении в долгу у страны. Они еще не дают свежих фруктов в изобилии. А возможности для этого есть. Площади садов будут расти. Сейчас ведутся большие работы по орошению новых районов.

В районе Кафана много уютных горных площадок, где следовало бы заняться культурным садоводством. А разве в ущелье, где бежит Раздан, не вырастут яблоки? Все фрукты — от нежного персика до морозостойких яблок — живут в Армении. Садоводы должны правильно их рассадить по террасам, приспособить к капризным особенностям климата.

Copyrighted material

Бородатый ребенок

ДЖАЛИЛ МАМЕД-КУЛИ-ЗАДЕ

Классик азербайджанской литературы Джалил Мамед-Кули-заде (Молла-Насреддин) родился в городе Нахчевани в 1869 году.

Это был неутомимый борец против религиозного фанатизма и мракобесия, против феодальных порядков и эксплуатации трудового люда.

Мамеду-Кули-заде была близка русская литература и особенно писатели обличительного, реалистического направления; у русских писателей он учился художественному мастерству. Не случайно он посвятил памяти великого Гоголя одно из лучших своих произведений — «Курбанали-бек».

В эпоху первой русской революции Джалил Мамед-Кули-заде создал сатирический журнал «Молла-Насреддин», который выходил с небольшими перерывами до 1931 года (первый номер вышел 7 апреля 1906 года). Названием для своего журнала писатель взял имя легендарного на Востоке народного героя, шутника и насмешника Молла-Насреддина, образ которого бытует до сих пор в фольклоре народов Ближнего Востока.

Журнал этот имел большое прогрессивное значение. Он обличал, высмеивал конкретных носителей зла того времени: царских чиновников, держиморд, местных властителей-феодалов, пантюркистов и панисламистов всех мастей.

Джалил Мамед-Кули-заде, помимо серии рассказов и нескольких пьес, написал большое количество очерков и фельетонов. Умер он в Баку в 1932 году.

Рассказ «Бородатый ребенок» был написан в дореволюционные годы, но опубликован после смерти автора. В переводе на русский язык, печатается впервые.

Прежде чем рассказать вам этот случай, мне хочется заметить, что у некоторых детей имеется очень дурная привычка: как только им в руки попадает карандаш, они немедленно принимаются расписывать стены домов. А многие ребята делают это еще углем или мелом. Да что там углем, мелом! Мне приходилось наблюдать, как сорванцы царапают стены гвоздями, режут перочинным ножом!

Во всяком случае, мне очень не нравятся дети, которые расписывают стены. Если ты хороший ребенок и хочешь рисовать, возьми бумагу и карандаш, сядь себе где-нибудь и рисуй, сколько твоей душе угодно.

А теперь перейду к своему рассказу.

Я всегда был уверен, что мои дети не похожи на других ребят и не мажут стен. Я не раз наказывал им не делать этого, и они давали мне слово стен не трогать.

Но вот однажды я увидел на стене веранды, за дверью, в самом укромном месте, такую мазню: что-то вроде головы животного, на ней уши и снизу ноги. А под всем этим пять палочек и несколько кружочков. Все это было нарисовано карандашом, да так неумело, выглядело так неуклюже, что ясно было: кроме ребенка, никто этого не мог сделать.

Я рассердился и позвал своих ребят:

— Что такое?.. На стенах мажете?..

Все трое стояли притихшие перед рисунком.

— Ну, так кто же нарисовал?

Все трое стали отрицать.

— Выходит, шайтан напачкал?!

— Папа, ей богу, я не рисовал!

— И я, папа, не рисовал...

— Не рисовал я!..— промямлил и маленький Курбан. Потом закрыл лицо руками и заплакал.

Я поворчал на них, затем нашел тряпку и стер мазню. Уже отойдя в сторону, я расслышал, как Гейдар прошипел Теймуру:

— Ты нарисовал!

— Сам ты нарисовал! — ответил Теймур.

Тут ко мне подбежал Курбан и сквозь слезы сообщил словно великую новость:

— Папа, это Гейдар... Ей богу, папа, Гейдар нарисовал...

Гейдар подскочил к Курбану и что-то крикнул, при этом он так сердито размахивал руками, что чуть не задел мальца по физиономии.

Тут я рассердился и прикрикнул на них.

Когда же все трое, присмирев, собрались уходить, я их остановил.

— Я сержусь на вас не столько за то, что вы намазали на стене,— сказал я им,— сколько за то, что говорите неправду, что боитесь сознаться в сделанном. Я сержусь на вас за то, что вы клянетесь, между тем как напачкал это, безусловно, кто-нибудь из вас. Ведь в нашем доме, кроме вас, детей нет.

Тут они снова начали клясться, опять пошла перебранка.

Прошло около десяти дней. И снова на том же самом месте, на стене за дверью, я увидел такой же рисунок: что-то вроде животного, а снизу несколько палочек и какие-то кружочки.

Я разгневался, позвал детей. И опять они сваливали друг на друга, и снова клятвы, снова слезы. Я так расстроился, что целый день был сам не свой, кусок не лез в горло.

Прошло несколько месяцев, и этот случай начал забываться.

И вдруг однажды, проходя по веранде, я увидел на стене ту же самую мазню: снова что-то вроде животного, а снизу несколько палочек и какие-то кружочки.

Я ничего не сказал детям. Я решил: поскольку один из них заупрямился и хочет меня позлить, я буду, как ни в чем не бывало, молчать. Может, виновный сам поймет неблаговидность своего поступка и раскается в совершенном.

С другой стороны, меня занимал вопрос чисто воспитательного характера. Я хотел узнать, что же в моем методе воспитания оказалось неверным. Я ломал себе голову над тем, где я, такой опытный воспитатель, допустил ошибку. Я старался ответить себе, какую сторону воспитания надо теперь усилить.

...У нас был постоянный поставщик продуктов. Он являлся к нам раз в неделю или раз в месяц. В правой руке у него обычно было ведро с маслом, в левой — корзинка с яйцами. Через плечо перекинуты ручные весы. Пыхтя и отдуваясь, он взбирался по лестнице и, поздоровавшись с нами, неизменно произносил одно и то же:

— Несите посуду!

Жена, дети, иногда и я сам выходили ему навстречу, отвечали на приветствие, справлялись о его здоровье, затем разглядывали принесенные продукты и спрашивали о цене. На это наш продавец постоянно отвечал одно и то же:

— А киши[1], цены вы знаете... несите посуду...

После такого своеобразного ответа он отвешивал нам масло, отсчитывал какое-то количество яиц, получал деньги, если они у нас были, а если не было, оставлял в долг и уходил, чтобы потом как-нибудь по дороге завернуть к нам за деньгами.

Звали этого длинного, тощего человека Кабла Азим. Он был бедный иранец, и было ему лет сорок — сорок пять.

Вчера Кабла Азим вновь заявился к нам, принес масло и яйца. Он усиленно расхваливал свое масло, говорил, что оно очень экономно, что цвет у него янтарный, а запах такой, что ешь — не наешься; яйца у него тоже особенные, из деревни Корнашин, где кур откармливают только травой и цветами.

Так как у нас не оказалось мелких денег (то есть не было и крупных), то мы остались должны Кабла Азиму и за масло и за яйца.

Кабла Азим взял свои припасы и вышел в коридор, а я отправился в комнаты. И вдруг я вспомнил, что собирался его попросить справиться о здоровье моего старого друга Мирзы Алекбера из Ардебиля (Кабла Азим сам из Ардебиля).

Я быстро вышел в коридор и вдруг увидел, что наш поставщик стоит за дверью у стены, мусолит во рту огрызок карандаша и о чем-то сосредоточенно думает. Рядом с ним стоит ведро с маслом и корзина, а на стене намалевано что-то напоминающее животное, и под ним несколько палочек и какие-то кружочки.

Я очень удивился и расстроился.

Кабла Азим, повидимому, заметил это. Не дав мне и рта раскрыть, он сразу заговорил:

— Молла-эми[2], я человек неграмотный, читать-писать не умею... Вот и рисую, чтоб не спутать счет.

Я расхохотался. Улыбнулся и Кабла Азим.

Потом я спросил его:

— Объясни, пожалуйста, что ты нарисовал!

Оказывается, нарисованное должно было означать следующее: Кабла Азим хотел изобразить корову, а палочки внизу означали, сколько я ему должен за масло; кружочки тут же — долг за яйца.

Я снова рассмеялся и позвал своих ребят:

— Дети! Дети! Идите скорей сюда!

Ребята тотчас примчались. Глянув в изумлении на стену, они пристали ко мне с вопросами:

— Папа, кто это нарисовал?

И я им ответил:

— Дети мои, это рисовал такой же, как и вы, ребенок. Разница между вами и им только в том, что у него есть борода, а у вас ее нет.

Ребята весело засмеялись. И я знал, что смеху и радости есть еще одна причина, которая, безусловно, будет понятна каждому читателю.

Перевод с азербайджанского И. Печенова и Л. Юдкевича.

[1] А киши — буквально мужчина, вежливое обращение.

[2] Молла-эми — дядя Молла. Так обычно именовал себя автор в своих произведениях.

Copyrighted material

ДРУГОЙ РЕФЛЕКС

— Цып, цып, цып!..

Куры не откликались. Они занимались своими незатейливыми делами и никакого внимания не обращали на зовущие их голоса.

На этот раз в Томилино приехали студентки педагогического института из Смоленска. Будущие преподаватели биологии с интересом знакомились с огромной фабрикой птицы. Девушки побывали в инкубатории и впервые познакомились с электрическими «наседками».

В цехе клеточных несушек молодые биологи увидели, как с помощью ламп дневного света человек заставил кур нестись и зимой, растянув короткий зимний день до 12—14 часов. Не подозревая обмана, несушка с веселым кудахтаньем встречает «восход солнца» и берется за еду, когда ее деревенская родственница еще дремлет впотьмах на насесте.

Будущие преподаватели биологии захотели поближе увидеть птиц, оставленных селекционерами на племя. Ведь это же лучшие из лучших кур и петухов белой русской породы!

— Двадцать пять тысяч кур, отобранных на племя, бегают на воле,— так сказали студентиам на фабрике.

Но где же они?

— Цып, цып, цып!..

Однако куры не откликались.

Проходившая мимо работница сказала:

— Фабричная курица не понимает вашего «цып, цып». Это вам не в деревне: выйди на крылечко, покричи, и они тут как тут. Наша птица к другому зову приучена!..

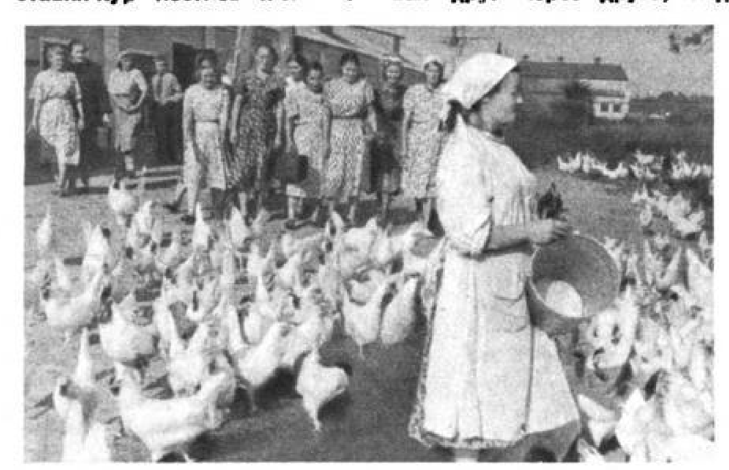
Взяв пустое ведро, работница начала пальцами выбивать гулкую мелкую дробь. Торопясь, перескакивая друг через друга, под командой лихих петухов отовсюду мчались куры...

— Это, девушки, называется условным рефлексом,— назидательно объяснила работница. — Может, слыхали про ученого Павлова? Без его науки разве тут управишься!..

Студентки из деликатности сделали вид, что впервые слышат это имя.

С. КАНЕВСКИЙ

Фото автора.

Из почты «Огонька»

ГРАНАТЫ В КАЗАХСТАНЕ

Применяя достижения передовой агробиологии, садовод-любитель Кзыл-Ординской области, Казахской ССР, П. В. Каланчин на своем приусадебном участке вырастил 12 кустов субтропического растения—граната.

В 1954 году появились первые крупные завязи плодов.

А. КАН

Казалинск.

На снимке: П. В. Каланчин у одного из кустов граната.

Золотобойцы

Золотой промысел зародился в Пошехонье около 300 лет назад. Первыми золотобойцами были беглые мастера московских гранилен царя Алексея Михайловича, укрывшиеся в пошехонской глуши от преследований патриарха Никона.

...Старейший из пошехонских сусальщиков Павел Иосифович Зайцев уже пятьдесят лет кует золото. Вместе со старым мастером работают его сын Валентин Павлович, невестка Мария Ивановна и целый цех учеников.

Споро работают мастера-золотобойцы. Но и в их опытных руках сырье не скоро превращается в готовую продукцию — тончайшие полупрозрачные листки. Золотую ленту мастер сперва разрезает на десятки пластинок размером в копейку каждая, затем перекладывает их специально обработанной пленкой, снятой с печени быка. Полученная таким образом пачка листов закладывается в кожаный футляр и точными, размеренными ударами молота расплющивается до тех пор, пока не достигнет заданного размера — в 250 квадратных сантиметров.

Это — первая стадия ковки. За ней следуют вторая, третья. И наконец готовая продукция: листы золота весом в 0,02 грамма, толщиной в тысячные доли миллиметра, а площадью в 100 квадратных сантиметров! Такой листок нельзя взять в руки: от прикосновения он рассыпается, оставив на пальцах мельчайшую золотую пыль.

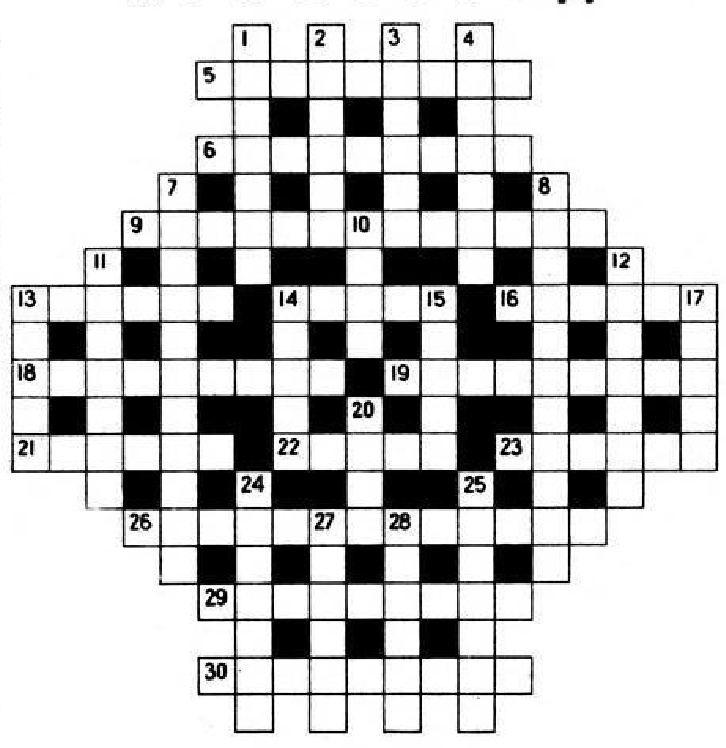
Тончайшее листовое золото хорошо ложится на различные материалы; оно не тускнеет, долго сохраняет естественный блеск. Продукцию золотобойных мастеров можно встретить всюду — именами боевых кораблей сверкает она на лентах матросских бескозырок, червонным золотом блестит на мундирах офицеров. Пошехонским золотом сияют тиснения книжных переплетов, багеты картин, лепные детали украшений подземных дворцов метро.

— За год наша артель перерабатывает около 2 килограммов золота,— рассказывает начальник золотного цеха Л. Г. Небаронова.— Такой слиток по размерам приблизительно равен кусочку туалетного мыла, но из него наши золотобойцы расковывают золотые листы общей площадью свыше тысячи квадратных метров!

Недаром о мастерах-сусальщиках легенда говорит, что из золотой крупинки величиной с булавочную головку они могут выковать лист, покрывающий всадника с конем.

Б. КРАЕВСКИЙ.
Н. АНИКИН

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Воспитанник военного училища. 6. Тип кузова автомобиля. 9. Отдел математики. 13. Водоплавающая птица. 14. Город в Японии. 16. Опера А. Спендиарова. 18. Кустарник или деревце из рода ивы. 19. Музыкальный инструмент. 21. Русский советский живописец. 22. Часть колеса. 23. Город в Липецкой области. 26. Великий русский режиссер. 29. Персонаж драмы А. Н. Островского «Бесприданница». 30. Совокупность наук, изучающих историю, языки и литературу Китая.

По вертикали:

1. Млекопитающее из семейства оленей. 2. Мера длины. 3. Место скопления воды. 4. Учебное полугодие. 7. Верность. 8. Русский ученый и изобретатель-самоучка. 10. Укрытие. 11. Автономная советская республика. 12. Черный медведь. 13. Вечнозеленое плодовое дерево. 14. Комната для занятий. 15. Военные действия. 17. Группа однородных клеток организма. 20. Законченный круг работ, явлений. 24. Персонаж комедии В. Шекспира «Двенадцатая ночь, или что угодно». 25. Научная дисциплина. 27. Копия. 28. Специальность ученого.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 47

По горизонтали:

7. Тарасова. 8. «Оттепель». 9. Комментарий. 11. Койот. 15. Гонта. 17. Каботаж. 18. Лазо. 19. Охра. 20. Культиватор. 21. Ядро. 23. Овал. 25. Вариант. 26. Ладья. 28. Тагор. 29. Прейскурант. 32. Мотоцикл. 33. Камертон.

По вертикали:

1. Сахароза. 2. Эскорт. 3. Каре. 4. Пост. 5. Беринг. 6. Клейстер. 10. Новосибирск. 12. Осокорь. 13. Бальзам. 14. Саванна. 16. Оборона. 22. Диапазон. 24. Апостроф. 27. Ядрица. 28. Тендер. 30. Село. 31. Утка.

НА ВЫСТАВКЕ СОБАКОВОДСТВА

«Самые модные прически».

Зарисовка Е. Афанасьевой.

В этом номере на вкладках: четыре страницы иллюстраций художников С. Герасимова, А. Бубнова, Н. Кузьмина, М. Таранова, Е. Рачева, В. Милашевского и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор—А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

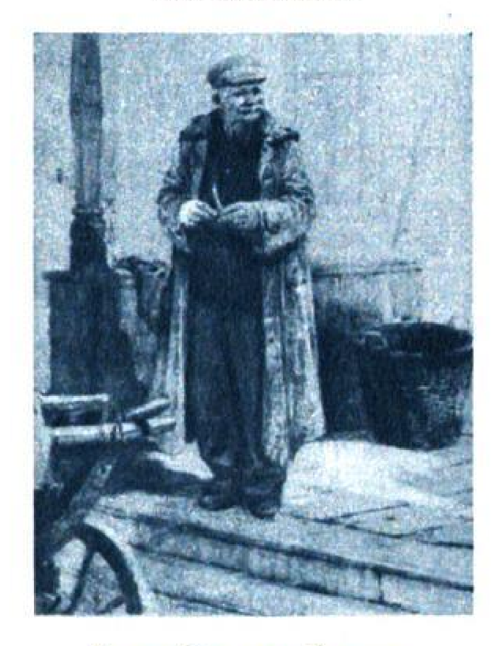
А 06274. Подп. к печ. 23/XI 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 963. Заказ 3368. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА А. КОРОТКИНА К «ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ» А. МАКАРЕНКО.

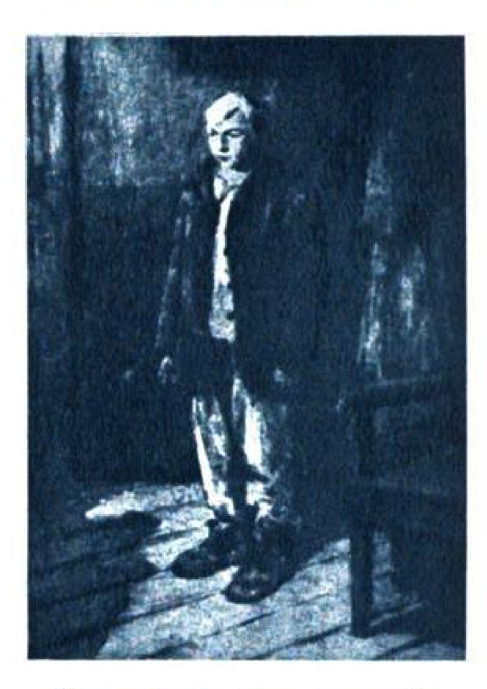
Из серии рисунков, выполненных для нового издания Детгиза.

Калина Иванович Сердюк.

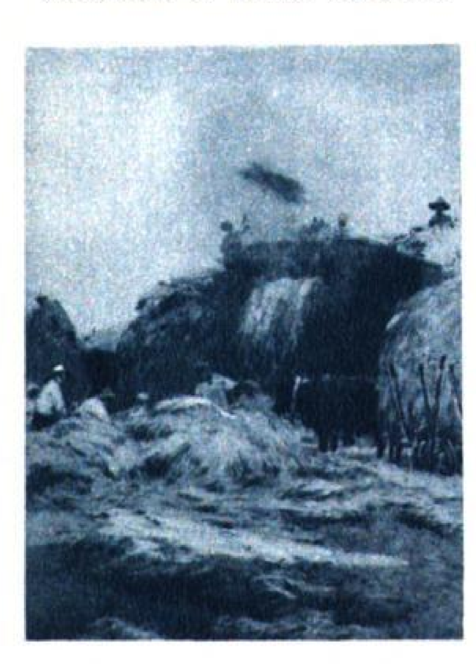
Вечерами в спальнях мы часто устраивали общие чтения.

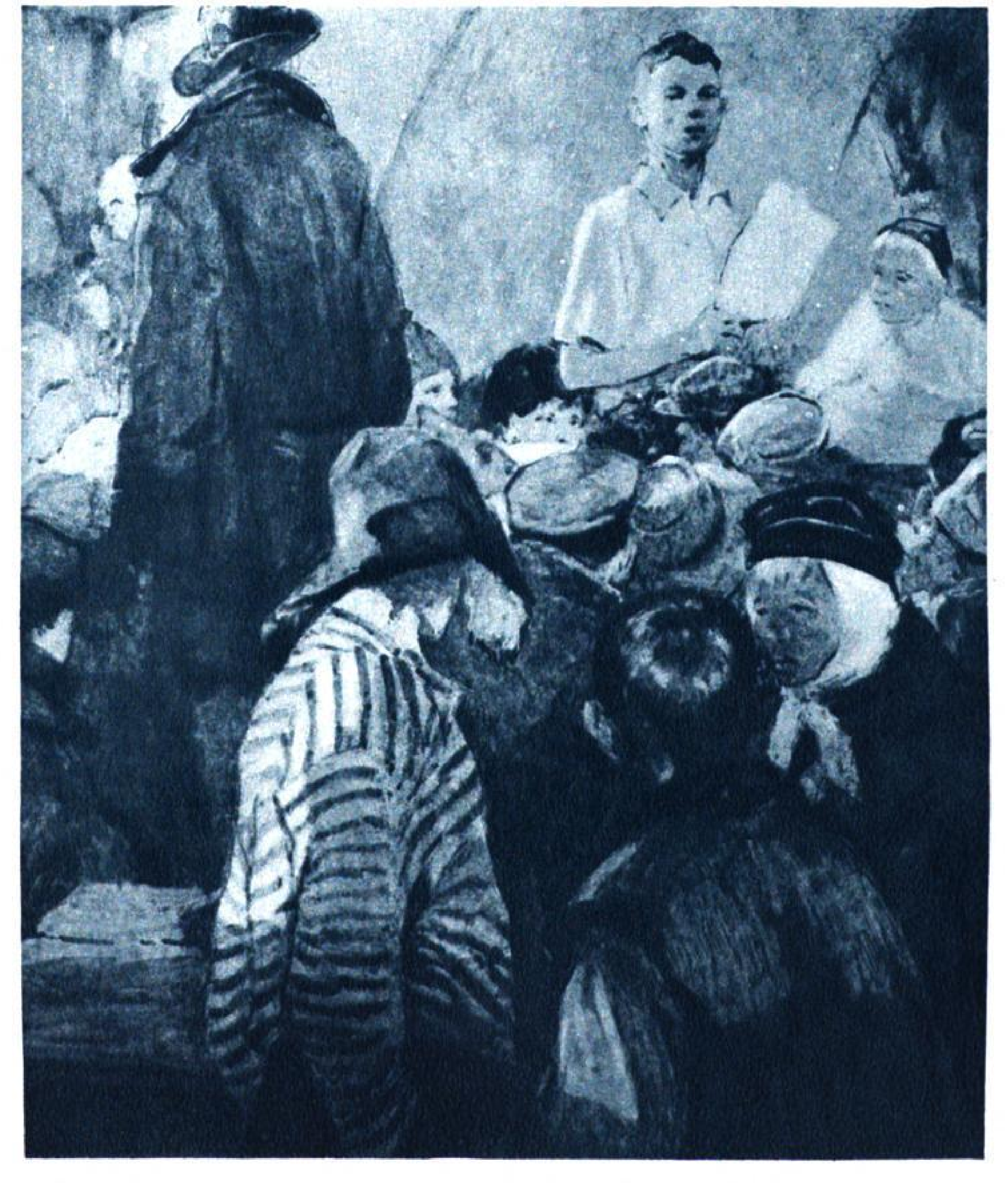
Бурун молча стоял у дверей.

Звали его Васька Полещук. По его словам, он был человек «ранетый»— участвовал во взятии Перекопа.

Я люблю молотьбу. Особенно хороша молотьба к вечеру.

Жорка вышел на алтарное возвышение и приготовился читать то, что мы все шутя называли декларацией.

Copyrighted material

Цена номера 3 руб.

В магазинах

„МОСОДЕЖДА"

в большом выборе
пальто, костюмы, платья,
меха, белье, головные уборы

Copyrighted material